

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

3

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЯНЕНКО Н. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинэль К.* Гренобльский университет 3 имени Стендаля, Гренобль, Франция.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет имени Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Савич М. Государственный университет имени Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения имени А. А. Потемби Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЯНЕНКА Н. В. – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com
- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
- Бутырчык Г. М.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Важнік С. А.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Валодзіна Т. В.* Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Валочка Г. М.* Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
- Валынец Т. М.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Ваявода А. У.* Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
- Генчэль Г.* Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
- Гладкава Г.* Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
- Даніленка А.* Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
- Дубінка С. А.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Золтан А.* Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
- Колер Г.-Б.* Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
- Крэчмер А.* Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
- Лукашанец А. А.* Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Мячкоўская Н. Б.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Паплаўская Т. В.* Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Роўда І. С.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Савіч М.* Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
- Старычонак В. Д.* Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
- Тараненка А. А.* Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
- Хаўстовіч М. В.* Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
- Цзян Цюнь* Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **ZAPRUDSKI S. M.**, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief **GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y.**, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: goncharova_s@tut.by
PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary **JANIENKA N. V.**, PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Allignol C.* Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
Butyrchik G. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danylenko A. Pace University, New York, USA.
Dubinko S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gladkova H. Charles University, Prague, Czech.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Jiang Qun Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Khaustovich M. V. University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Kohler G.-B. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Koval V. I. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Kretschmer A. University of Vienna, Vienna, Austria.
Lukashanets A. A. Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mechkovskaya N. B. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Poplavskaya T. V. Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
Rovdo I. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sajewicz M. Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
Starichenok V. D. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
Taranenko A. A. A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Valochka H. M. National Institute of Education, Minsk, Belarus.
Valodzina T. V. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vazhnik S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Voevoda E. V. Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
Volynets T. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zoltan A. Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

К 140-летию со дня рождения Янки Купалы
Да 140-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы
To the 140th anniversary of Janka Kupala's birth

УДК 811.161.3'06+821.161.3.09"19"(092)Купала Я.

ДВОРЯНСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯНКИ КУПАЛЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

С. Н. ЗАПРУДСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На материале научной литературы, сборника Янки Купалы «Жалейка» (1908) и пьесы «Павлинка» (1912) предпринята попытка идентифицировать дворянскую разновидность письменного белорусского литературного языка. В Беларуси в первой трети XX в. проживало значительное количество дворянского населения, которое в зависимости от ситуации общения и других обстоятельств культивировало белорусскую дворянскую или крестьянскую речь, польский язык в его региональной форме и различные его промежуточные разновидности, а также русский язык. В процессе интерпретации языкового материала белорусского литературного языка первой трети XX в. сейчас используется следующий набор пунктов соотнесения: народная (крестьянская) речь, белорусский литературный язык XIX – начала XX в., старобелорусский язык, русский, польский и украинский литературные языки. Отсутствие

Образец цитирования:

Запрудскі СМ. Шляхецкая разнавіднасць беларускай мовы ў ранніх творах Янкі Купалы: да пастаноўкі праблемы. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2022;3:5–25.

For citation:

Zaprudski SM. Gentry variety of the Belarusian language in early works of Janka Kupala: to the problem statement. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;3:5–25. Belarusian.

Автор:

Сергей Николаевич Запрудский – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета.

Author:

Siarhiej M. Zaprudski, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
zaprudski@gmail.com

такого пункта соотношения, как дворянская речь (культурное койне), влечет негативные последствия в связи с тем, что в таком случае не учитывается важный канал поступления в белорусский литературный язык многих слов польского происхождения. Польский язык имел большее значение на раннем этапе творчества Янки Купалы, чем принято считать, его влияние фиксируется в творчестве поэта не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. Дворянская разновидность письменного белорусского языка выступала в качестве определенного регистра, придававшего языку отдельных фрагментов художественных произведений или целым произведениям своеобразный элитарный колорит, а иногда воспринималась как репрезентант белорусского литературного языка вообще.

Ключевые слова: белорусский литературный язык; дворянская разновидность белорусского языка; письменная форма белорусского языка; Янка Купала; начало XX в.; методология изучения истории литературного языка.

ШЛЯХЕЦКАЯ РАЗНАВІДНАСЦЬ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў РАННІХ ТВОРАХ ЯНКІ КУПАЛЫ: ДА ПАСТАНОЎКІ ПРАБЛЕМЫ

С. М. ЗАПРУДСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На матэрыяле навуковай літаратуры, зборніка Янкі Купалы «Жалейка» (1908) і п'есы «Паўлінка» (1912) робіцца спроба ідэнтыфікаваць шляхецкую разнавіднасць пісьмовай беларускай літаратурнай мовы. У Беларусі ў першай трэці XX ст. пражывала значная колькасць шляхецкага насельніцтва, якое ў залежнасці ад камунікатыўнай сітуацыі і іншых акалічнасцей культывавала беларускае шляхецкае або сялянскае маўленне, польскую мову ў рэгіянальнай форме і розныя яе прамежавыя разнавіднасці, а таксама рускую мову. У працэсе інтэрпрэтацыі моўнага матэрыялу беларускай літаратурнай мовы першай трэці XX ст. на сучасным этапе выкарыстоўваецца наступны набор пунктаў суаднясення: народнае (сялянскае) маўленне, беларуская літаратурная мова XIX – пачатку XX ст., старабеларуская мова, руская, польская і ўкраінская літаратурныя мовы. Адсутнасць такога пункта суаднясення, як шляхецкае маўленне (культурнае кайнэ), мае адмоўныя наступствы ў сувязі з тым, што ў дадзеным выпадку не ўлічваецца важны канал паступлення ў беларускую літаратурную мову шматлікіх слоў польскага паходжання. Польская мова мела большае значэнне на раннім этапе творчасці Янкі Купалы, чым прынята лічыць, яе ўплывы ў творчасці паэта фіксуецца не толькі на лексічным, але і на граматычным узроўні. Шляхецкі варыянт пісьмовай беларускай мовы выступаў як пэўны рэгістр, што надаваў мове асобных фрагментаў мастацкіх твораў ці цэлым творам своеасаблівы элітарны каларыт або часам успрымаўся як рэпрэзентант беларускай літаратурнай мовы ўвогуле.

Ключавыя словы: беларуская літаратурная мова; шляхецкая разнавіднасць літаратурнай мовы; пісьмовая форма беларускай мовы; Янка Купала; пачатак XX ст.; метадалогія вывучэння гісторыі літаратурнай мовы.

GENTRY VARIETY OF THE BELARUSIAN LANGUAGE IN EARLY WORKS OF JANKA KUPALA: TO THE PROBLEM STATEMENT

S. M. ZAPRUDSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article attempts to identify the gentry variety of the written Belarusian standard language, as based on scientific literature, Janka Kupala's collection «The little flute» (1908) and his play «Paulinka» (1912). In the first third of the 20th century in Belarus there was a large number of the gentry who cultivated the Belarusian gentry speech, the Belarusian peasant speech, the Polish language in its regional form and various intermediate varieties, as well as the Russian language depending on communication situation and other circumstances. When interpreting the linguistic material of the Belarusian standard language of the first third of the 20th century the following set of reference points is used: the folk (peasant) speech, Belarusian literary language of the 19th – early 20th centuries, old Belarusian written language, Russian, Polish and Ukrainian standard languages. The lack of such a reference point as the gentry variety (cultural koine) has negative consequences since an important channel of entry of many Polonisms and diverse cultural lexis into the Belarusian standard language is not taken into account. The Polish language was more important in the early stage of Janka Kupala's work than is commonly believed; Polish influences are recorded not only in vocabulary, but also in grammar. The gentry variant of the written Belarusian language was used as a certain register, which gave a peculiar elite flavour to the language

of certain fragments of artistic works or those entire works, or was sometimes perceived as a representative of the Belarusian standard language in general.

Keywords: Belarusian standard language; the gentry variety of the Belarusian language; written form of the Belarusian language; Janka Kupala; the beginning of the 20th century; the methodology of study of the standard language history.

Уводзіны

Пытанне аб шляхецкай разнавіднасці беларускай мовы выразна не фармулявалася ў беларускай лінгвістыцы, але часам яно ўздымалася ў той або іншай форме.

Адной з першых згадак у навуковай мовазнаўчай літаратуры ХХ ст. таго, што носбітам беларускай мовы было ў тым ліку шляхецкае насельніцтва, маўленчыя звычкі якога адрозніваліся ад маўлення сялянства, можна лічыць меркаванні заснавальніка беларускай філалогіі Я. Карскага, выкладзеныя ў першым томе яго фундаментальнай працы «Беларусы». Характарызуючы некаторыя асаблівасці ўплыву польскай мовы на беларускую, ён адзначыў, што, ужываючыся ў шляхецкім асяроддзі, многія паланізмы тым не менш не трапілі ў звычайнае народнае маўленне. Я. Карскі падрабязна апісаў паланізмы ў шляхецкім маўленні (прывёў 192 такія словы), але даследчык не лічыў у поўнай меры мову шляхты (як і беларускую літаратурную мову) часткай аўтэнтычнай беларускай мовы, якой ён прызнаваў толькі народную. У выніку за рамкі беларускай мовы былі выведзены такія словы, як *авантура*, *аксамітка*, *амбарас*, *ахмістрыня*, *бамбіза*, *банкрут*, *бунт* ‘звязак’, *вабіць*, *вандраваць*, *вэрхал*, *віншаваць*, *войт*, *выжжал*, *груба*, *дашчэнт*, *кавэнчыца*, *караскаца*, *лямец*, *лярва*, *піскля*, *постаць*, *поўраз*, *рабаваць*, *раптам*, *рацыя*, *слота*, *стрэнчыць*, *сцізорык*, *тапчан*, *фэст*, *шал*, *шата*, *шкарпэтка*, *шпацыр*, *шпінк*, *эканом* і інш. [1].

У некаторых публіцыстычных артыкулах 1918 г. асобныя аўтары называлі беларускую літаратурную мову штучным напластаннем, створаным «на задворках панска-шляхецкай кухні», звярталі ўвагу на тое, што першыя беларускія пісьменнікі выйшлі з асяроддзя дробнай апалячанай беларускай шляхты, адзначалі наяўнасць у беларускай нарматыўнай мове вялікай колькасці польскіх слоў і зваротаў, большую блізкасць літаратурнай мовы да гаворак Заходняй Беларусі, удзел у стварэнні беларускай літаратурнай мовы нібыта толькі прадстаўнікоў насельніцтва заходняй часткі Беларусі [2, с. 69–70].

У 1920-я гг. важныя меркаванні аб маўленчых паводзінах шляхецкага насельніцтва і канкрэтныя назіранні над некаторымі асаблівасцямі яго маўлення можна знайсці ў артыкуле Я. Лёсіка «Культурны стан Беларусі к моманту лютаўскае рэвалюцыі» [3, с. 157–176] і ў асобных працах па беларускай дыялекталогіі (напрыклад, С. Некрашэвіча) [4, с. 80–151]. Паводле Я. Лёсіка, беларускае шляхецтва захавала беларускія культурна-нацыянальныя традыцыі лепш, чым любое іншае саслоўе: «...уся шляхта звычайна гаворыць па-беларуску і толькі на кірмашы ці на фэсце любіць пазухаваць панскаю мовай, устаўляючы ў сваю беларускую гаворку два-тры польскія словы»¹ [3, с. 160].

Згодна з працай С. Некрашэвіча, шляхецкія гаворкі Парыцкага раёна маглі адрознівацца ад сялянскіх гаворак гэтай тэрыторыі тым, што для першых былі характэрны словы з польскай агаласоўкай *слонца*², *святцоны*, *дзенькаваць*, *ксэнжска*, *менца* ‘мяса’, *нэндза*, канструкцыі тыпу *пайсці да лясу*, формульны выраз *бронь божя* [4, с. 89, 94–95], прагрэсіўная асіміляцыя ў інфінітывах зваротных дзеясловаў тыпу *мыцця*, *брацця*, *старацця*, *прасіцця* [4, с. 99, 136], наяўнасць гука *ф* [4, с. 102], адсутнасць асіміляцыі *л* паводле зацвярдзення перад наступным цвёрдым зычным [4, с. 103–104], вымаўленне лічэбніка *чацвёрты* як *чацверты*, цвёрдае *с* у слове *сэрца* [4, с. 105], цвёрдыя зычныя перад галоснымі *е*, *і* ў запазычаных (губарнатар, маханік, вэнгар, Сымон, Сынклета, Сарафіна, губэрня, імпат, карсэт, вэксаль, планэта, люстэрка)³, а таксама ў словах *мястэчка*, *тутэйшы*, *уздэчка* [4, с. 107], фіналь *-скі* ў прыметніках (рускі, конскі) [4, с. 119], ненаціскны канчатак *-э* ў формах давальнага склону назоўнікаў жаночага роду з асновамі на *а* (*дзеўцэ*, *маіцэ*, *жыццэ*) [4, с. 122], адсутнасць формаў назоўна-вінавальнага склону парнага ліку назоўнікаў тыпу *дзе сяле*, *дзе капе*, *дзе бабе*, *тры зіме*, *тры бядзе* [4, с. 124], ужыванне ў клічным склоне формаў з канчаткамі *-ове* (*панове*, *сватове*, *братове*) [4, с. 125], родны склон множнага

¹Гэта палемічнае выказванне зроблена ў часы, калі лінгвістыка яшчэ не аперавала паняццямі тэорыі двухмоўя і шматмоўя. Роля польскай мовы ў маўленчых паводзінах шляхты ў гэтым меркаванні зменшана. Польская і беларуская мовы ў камунікатыўных практыках шляхецкага насельніцтва маглі займаць крайнія пазіцыі ў рамках беларуска-польскага кантынума і (або) выкарыстоўвацца згодна з дыгласійным прынцыпам камплементарнага размеркавання: у высокіх сферах ужывалася пераважна польская мова, у нізкіх – беларуская.

²Тут і далей правапіс і графіка слоў-ілюстрацый са старых прац перадаюцца спрошчана і (або) адаптавана да сучаснай арфаграфіі і графікі.

³Па меркаванні С. Некрашэвіча, у сялянскіх гаворках цвёрдыя зычныя перад *е*, *і* выступалі пераважна ў «словах ранейшага запазычання», тады як у пазнейшых запазычаннях адбывалася змякчэнне (*вапераціў* ‘кааператыў’, *пазіцыя*, *хвершал*, *рыхцік* ‘рыхтык; дакладна’, *анціхрыст*, *ціх* ‘тыф’) [4, с. 107].

ліку назойнікаў без канчаткаў (*сажон, да тых час, з усіх сёл, п'яць уёрст, п'яць ігруш, мурашак, парток, канпель, п'яць баб, песень, дзевок, дачок*) [4, с. 126], лічэбнікі адзінаццаць, дванаццаць, першы, поўныя прыметнікі ў прэдыкатыўнай ролі (*хіба я вінаваты?*) [4, с. 132], канчаткі *-ым, -ім* прыметнікаў у месным склоне (*у Вялікім Полі, у белым свеці*) [4, с. 133–134], дзеяслоўныя асновы на *-ва*, у тым ліку з захаваннем націскага *о* асновы (*расказваць, перакручваць, падгульваць, падпільваць, падгаворваць, закошваць, прыношваць*) [4, с. 135–137], формы *е, ест* 3-й асобы дзеяслова *быць* [4, с. 136], канчаткі *-еце, -эце* ў формах 2-й асобы дзеясловаў загаднага ладу (*скажэце, вязэце*) [4, с. 138], сцвярдзальныя часціцы *ага і але*, уводнае слова *бок* 'маўляў' [4, с. 140], зварот да бацькоў у форме множнага ліку на *вы*, форма выказніка ў множным ліку пры дзейніках, калі апошнія азначаюць бацьку, маці, дзядзьку, цётку (*тата прыехалі, мама пайшлі на поле*) [4, с. 140], выражэнне дзейніка спалучэннямі лічэбнікаў *пяць, шэсць* і іншых з назойнікамі ў форме роднага склону (*п'яць валоў, трынаццаць авец*) [4, с. 143]. Праца С. Некрашэвіча, верагодна, з'яўляецца адзіным у беларускім мовазнаўстве даследаваннем, у якім старанна зафіксаваны адрозненні паміж маўленнем сялян і шляхты ў пэўным рэгіёне. На жаль, выказаныя ў ім назіранні не былі пазней абмеркаваны ў беларускай лінгвістыцы.

Укладальнікі праграмы для збірання асаблівасцей беларускіх гаворак 1927 г. С. Некрашэвіч і П. Бузук пазначалі, што збіральнікам трэба фіксаваць «быўшую класавую належнасць тых асоб, ад якіх вы робіце запісы: ці былі яны сялянамі пад прыгонам, ці шляхціцамі» [5, с. 7]. У цэлым выглядае, што ў 1920-я гг. у дыялекталогічных працах стаўленне да збору палявога моўнага матэрыялу ад шляхецкага насельніцтва было нейтральным.

Што да асэнсавання ў 1920-я гг. ролі асаблівасцей шляхецкага маўлення ў працэсе развіцця беларускай літаратурнай мовы, для якой была прыярытэтнай арыентацыя на народнае (сялянскае) маўленне, то гэта тэма амаль не абмяркоўвалася.

Сляды такога абмеркавання можна, аднак, бачыць у крытычным поглядзе Я. Карскага на замацаванне ў беларускай арфаграфіі правілаў, згодна з якімі ў запазычаннях не дапускалася змякчэнне *д і т* (*ідылія, дывізія, тып, тыраж*), а таксама з'яўляўся мяккі *л* (*лёгіка, мінералёгія*). Заснавальнік беларускай лінгвістыкі трактаваў іх як «сучасныя запазычання з польскай або ўтвораныя ў духу польскай фанетыкі асобамі, выхаванымі польскай культурай» [6, с. 121].

Дадзенае меркаванне Я. Карскага было не заўважана тагачаснай беларускай лінгвістыкай, у адрозненне ад аналагічных падыходаў І. Ваўка-Левановіча, рэалізаваных ім пры выданні ў 1927 г. працы «Лекцыі па гісторыі беларускае мовы». У лютым 1928 г. падчас спрэчкі паміж Я. Лёсікам і І. Ваўком-Левановічам пра ўплыў польскага вымаўлення на адлюстраванне ў беларускай арфаграфіі незмякчэння *д і т* у запазычаных словах мімаходзь была закранута таксама тэма маўленчых навываў шляхты ў сярэднія вякі. Згодна з Я. Лёсікам, зафіксаванае ў арфаграфіі вымаўленне тыпу *дыплэма́т, тэо́рыя, сацыя́л-дэма́крат* было засвоена беларускай мовай не праз польскую мову, а трапіла ў яе дзякуючы прадстаўнікам беларускай інтэлігенцыі, якія засвоілі такое вымаўленне непасрэдна ў Заходняй Еўропе [3, с. 293–300; 6, с. 119]. Паколькі Я. Лёсік быў прыхільнікам думкі, што шляхецкае насельніцтва карыстаецца добрай беларускай мовай, можам зрабіць здагадку, што ў дадзеным выпадку ён мог спаслацца і на маўленчыя навывы шляхты, але зрабіць так не выпадала па ідэалагічных прычынах. Тут канстатуем, што адзін з галоўных кадыфікатараў беларускай мовы 1920-х гг. і адначасова выразны прыхільнік фарміравання беларускай літаратурнай мовы на народнай глебе Я. Лёсік талерантна ставіўся да таго, што асобныя моманты беларускай арфаграфіі пярэчылі практыцы народнага вымаўлення і адносіліся да асаблівасцей маўлення прадстаўнікоў вышэйшых саслоўяў.

У канцы 1920-х – першай палове 1930-х гг. тэма мовы шляхты ў тагачасным навуковым дыскурсе набыла вастрыню ў ракурсе папулярнай у той час гаворкі пра «няправільную» арыентацыю «лінгвістаў-нацдэмаў» 1920-х гг. на шляхецкія гаворкі ў працэсе фарміравання беларускай літаратурнай мовы [7]. У дакладзе 1929 г. І. Воўк-Левановіч (выхадзец са шляхецкага роду) указваў, што беларуская мова шляхты «і ў слоўніку, і ў сінтаксісе найбліжэй стаіць да польскай мовы» [7, с. 355]. Дакладчык адзначаў, што ва ўкладзены М. Байковым і С. Некрашэвічам «Расійска-беларускі слоўнік» 1928 г. не былі ўключаны найбольш вядомыя народныя лексемы або ў шэрагу сінонімаў яны падаваліся ў апошнюю чаргу, у той час як словам, якія былі вядомы «бадай што выключна польска-шляхецкім гаворкам» [7, с. 369], «безумоўным паланізмам, вядомым толькі меншасці беларускага насельніцтва» [7, с. 373], аддавалася перавага⁴. Паводле меркавання І. Ваўка-Левановіча, гэта надавала беларускай літаратурнай мове не-

⁴Адметна, што ва ўласнай дыялекталогічнай працы 1928 г. аб асаблівасцях гаворкі вёскі Татаркавічы і гаворак навакольных вёсак І. Воўк-Левановіч ні разу не атрыбуваў нейкія маўленчыя асаблівасці рэгіёна як шляхецкія, нягледзячы на заўвагі аб наяўнасці сацыяльнай дыферэнцыяцыі насельніцтва і пэўныя адрозненні ва ўжыванні моўных адзінак у рамках рэгіёна, наяўнасць шэрага спецыфічных слоў, якімі сяляне называлі шляхту (*шэршань, шляхтун, крэкацень*), а шляхта – сялян (*мужык, маўлюк, мулю, кастрыца, лямец, ачкур, гад, лапаць*) [8, с. 181].

пажаданы шляхецкі каларыт. У пачатку 1930-х гг. у беларускай лінгвістыцы адбылася карэкціроўка арганізацыі дыялекталагічнай работы, у працэсе якой трэба было прымаць пад увагу «выразную сацыяльна-класавую дыферэнцыяцыю». Вывучаць у гэты час прадпісвалася толькі гаворкі «рабочых, калгаснікаў, бядняцка-серадняцкага сялянства» [9, с. 3].

У пасляваенныя гады пэўную вусную шляхецкую разнавіднасць беларускай мовы (яна называлася жаргонам) як гістарычную без суаднясення з мовай Янкі Купалы вылучалі маскоўскі перакладчык і даследчык творчасці Якуба Коласа Я. Мазалькоў і гісторык беларускай літаратурнай мовы Л. Шакун. У артыкуле 1952 г. «Станаўленне беларускай літаратурнай мовы і творчасць Якуба Коласа» Я. Мазалькоў удзяліў значную ўвагу фарміраванню беларускай літаратурнай мовы ў яе суадносінах з пашыраным у Беларусі асаблівым «буржуазна-шляхецкім жаргонам», які ўжываўся ў асяроддзі «польскай і апалячанай беларускай шляхты» [10, с. 269]. Аўтар лічыць, што Якуб Колас развіваў і ўдасканальваў беларускае мастацкае маўленне ў барацьбе супраць такога жаргону. У дапаможніку «Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (1960) Л. Шакун тройчы напісаў пра існаванне ў Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. шляхецкага жаргону, элементы якога нярэдка траплялі ў літаратурную мову XIX – пачатку XX ст. [11, с. 150, 158, 188]. Л. Шакун карыстаўся выразам «шляхецкі жаргон», характарызуючы асаблівасці мовы герояў-шляхціцаў з твораў В. Дуніна-Марцінкевіча [11, с. 150], звяртаў увагу на тое, што «шляхецкі жаргон з яго разнастайнымі паланізмамі» мог быць адной з вусных крыніц пераймання польскіх узораў беларускай літаратурнай мовай [11, с. 158]. Са знікненнем пасля рэвалюцыі асновы для развіцця сацыяльна-класавых жаргонаў скончылася іх існаванне і ўздзеянне на беларускую літаратурную мову [11, с. 188].

Упершыню ў купалазнаўстве тэма пэўнага сацыяльнага варыянта беларускай нацыянальнай мовы, які поруч з народнай (сялянскай) і літаратурнай мовай папярэднікаў Янкі Купалы мог быць адной з крыніц мовы класіка, была згадана ў артыкуле М. Жыркевіча 1958 г. аб мове п’есы «Паўлінка». Аўтар напісаў пра трапіную характарыстыку ў творы «тыповага жаргону дробнай шляхты» [12, с. 78]. Гэты жаргон у п’есе быў ахарактарызаваны не экспліцытна, але пэўным чынам узнёўся ў ёй. Да носьбітаў гэтай разнавіднасці мовы М. Жыркевіч залічыў сатырычнага персанажа, «нікчэмнага чалавека» Адольфа Быкоўскага, які «зневажаў мову простага народа», чыя моўная партыя была апісана даследчыкам як «сумесь перакручаных на свой лад іншамовных, польскіх, прастамовна-грубых беларускіх і рускіх слоў» [12, с. 78].

Больш падрабязна моўныя партыі розных герояў п’есы «Паўлінка» былі прадстаўлены ў 1959–1961 гг. М. Ярошам [13] і А. Семяновічам, пры гэтым маўленне Адольфа Быкоўскага кваліфікавалася апошнім як прыналежнае да «стылю бытавой мовы той часткі тагачаснай правінцыяльнай беларускай шляхты, якая імкнулася ва ўсім слепа пераймаць звычкі знатных польскіх паноў» [14, с. 135]. Аўтар вылучыў у маўленні Адольфа Быкоўскага фрагменты «мовы, перасыпанай польскімі словамі» [14, с. 135], «мяшаную руска-беларускую» і «чыста беларускую народную» мовы [14, с. 135–136] (цыт. паводле [15, с. 129–130]). Відавочна, пад бытавой мовай шляхецкага насельніцтва, якое імкнулася пераймаць звычкі знатных польскіх паноў, тут разумелася беларуская мова, перасыпаная польскімі словамі. У процівагу маўленню Адольфа Быкоўскага мова такіх персанажаў, як Сцяпан Крыніцкі і Агата Пустарэвіч, была ахарактарызавана аўтарам увогуле як народная сялянская. Зварот Янкі Купалы да яе, паводле А. Семяновіча, быў абумоўлены «глыбокімі ведамі беларускай народнай мовы, яе спецыфічных зваротаў, ідыём» беларускім класікам (цыт. паводле [15, с. 131–132]).

Тэма шляхецкага складніка ў мове Янкі Купалы не закраналася ў напісанай у першай палове 1960-х гг. пад кіраўніцтвам акадэміка К. Атраховіча (Кандрата Крапівы) дысертацыі Л. А. Ванковіча «Лексіка твораў Янкі Купалы 1905–1907 гадоў»⁵. Аўтара турбавала «правільнае разуменне» [16, с. 102] спадчыны класіка і неабходнасць прыстасаваць лексікон Янкі Купалы да «вырашэння складаных задач нармалізацыі беларускай лексікі» [16, с. 103]. Лексіка Янкі Купалы 1905–1907 гг. разглядалася Л. А. Ванковічам так, быццам у гэты час у беларускай літаратурнай мове ўжо сфарміравалася стылістычная сістэма ў яе сучасным выглядзе з размежаваннем стылістычна нейтральнай і гутарковай, рэгіянальнай, архаічнай і іншай лексікі. Аўтар вельмі каратка напісаў пра наяўнасць польскага складніка ў лексіцы Янкі Купалы ў разглядаемы перыяд.

Першым у купалазнаўстве, хто дакладна напісаў пра значэнне ў працэсе фарміравання мовы Янкі Купалы асобнай разнавіднасці беларускай нацыянальнай мовы, якая адрознівалася і ад народнага маўлення, і ад тагачаснай літаратурнай мовы, быў П. Садоўскі. У надрукаваным у энцыклапедычным даведніку «Янка Купала» (1986) артыкуле «Мова Янкі Купалы» некалькі разоў указвалася на значэнне для фарміравання ідыястылю класіка пэўнага варыянта беларускай нацыянальнай мовы, які ў артыкуле

⁵Ванкович Л. А. Лексика произведений Янки Купалы 1905–1907 годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1964. 20 с.

назваўся то беларускай культурнай гаворкай Вільні і Пецябурга, то гарадской беларускай гаворкай, то беларускім культурным кайнэ пачатку XX ст. Аўтар зазначаў, што пытанне ідэнтыфікацыі такой разнавіднасці не было распрацаваным у тагачаснай лінгвістыцы і што беларуская літаратурная мова на другой фазе яе станаўлення не была пераважна сялянскай [17, с. 404].

Меркаванні П. Садоўскага былі ўзноўлены яшчэ раз у падрыхтаваным на аснове яго працы 1986 г. артыкуле «Мова Янкі Купалы», надрукаваным у трохтомнай энцыклапедыі «Янка Купала» ў 2018 г.⁶ Факт перадруку мінімальна дапрацаванага артыкула сведчыць пра тое, што больш за 30 гадоў меркаванні П. Садоўскага аб важнасці беларускага культурнага кайнэ для фарміравання мовы Янкі Купалы застаюцца актуальнымі. Цікава, што, калі ў прадмове да грунтоўнага васьмітомнага «Слоўніка мовы Янкі Купалы» былі выкарыстаны многія палажэнні і фармулёўкі з энцыклапедычнага артыкула П. Садоўскага 1986 г., меркаванні пра значэнне культурнага кайнэ для станаўлення мовы Янкі Купалы, аднак, не былі ўлічаны⁷.

На шляху вылучэння шляхецкага варыянта беларускай мовы да гэтага часу ляжаць як ідэалагічныя і метадалагічныя перашкоды, так і агульны характар развіцця беларускай лінгвістыкі, у рамках якой сацыялінгвістычнае вывучэнне літаратурнай мовы не атрымала шырокага развіцця, а дыяхранічныя даследаванні ў гэтай галіне ў значнай ступені падпарадкаваны сінхраністычным. Што датычыць ідэалагічных перашкод, то ў беларускай савецкай лінгвістыцы не было прынята хоць колькі падрабязна вывучаць моўныя фармацыі, грунт для развіцця якіх быў знішчаны ў ходзе сацыяльных пераўтварэнняў савецкага часу, разнавіднасці, якія належалі да ліку перажытых. Па пытанні спецыфікі развіцця беларускай лінгвістыкі адзначым, што пры вывучэнні беларускай літаратурнай мовы ў 1960–80-я гг. шлях, які прадугледжваў вылучэнне ў якасці адной з крыніц развіцця нарматыўнай мовы (у дадатак да беларускай народнай (сялянскай) мовы, мовы папярэдняй літаратурнай традыцыі, нарматыўных рускай, польскай і ўкраінскай моў) якой-небудзь іншай, пры гэтым сацыяльна абмежаванай, разнавіднасці нацыянальнай мовы, быў адхілены на дактрынальным узроўні. Нягледзячы на шырокавядомую інфармацыю аб шляхецкім паходжанні Янкі Купалы, якая прыводзілася ў некаторых лінгвістычных працах, важнасць уплыву польскай літаратуры на творчае развіццё беларускага класіка (сведчаннем чаго стала яго ранняя польскамоўная творчасць) [18; 19], у беларускай лінгвістыцы мова ранняга перыяду творчасці Янкі Купалы не вывучаецца ў ракурсе выяўлення ў ёй пэўных элементаў мовы шляхты, не існуе нават сур'ёзных спецыяльных даследаванняў купалаўскіх паланізмаў. Найбольшым дасягненнем у вывучэнні апошніх стаў выдадзены ў перыяд 1997–2012 гг. васьмітомны «Слоўнік мовы Янкі Купалы», аднак падчас яго падрыхтоўкі распрацоўка названай тэмы не належала да ліку прыярытэтных, што дало не заўсёды паспяховыя вынікі (падрабязней гэта будзе апісана ніжэй).

Мэтай артыкула з'яўляецца пастаўка пытання аб неабходнасці вылучэння ў дадатак да традыцыйнага набору пунктаў суаднясення, які звычайна выкарыстоўваецца ў даследаваннях па гісторыі беларускай літаратурнай мовы пачатку XX ст., асаблівага шляхецкага варыянта мовы (культурнага кайнэ). Задачы артыкула наступныя:

- абмеркаванне тэрміналагічных і метадалагічных праблем, якія ўзнікаюць у сувязі з вылучэннем згаданай разнавіднасці;
- ідэнтыфікацыя рыс шляхецкага варыянта беларускай мовы на аснове існуючай літаратуры;
- абмеркаванне спецыфікі вывучэння паланізмаў у мове пісьменнікаў пачатку XX ст.;
- ацэнка месца і ролі польскага складніка ў мове Янкі Купалы з асаблівай увагай да яго ранніх беларускамоўных твораў;
- ідэнтыфікацыя моўных характарыстык шляхецкага варыянта беларускай мовы.

Вынікі і іх абмеркаванне

Шляхецкі варыянт беларускай мовы: тэрміналагічныя і метадалагічныя пытанні. Як відаць з прапанаванага вышэй агляду, у працэсе ідэнтыфікацыі неканвенцыянальнай разнавіднасці нацыянальнай мовы, якая мела ўплыў на мову Янкі Купалы, не выпрацаваўся ўзуальны тэрмін. Розныя даследчыкі ў сваіх працах (у тым ліку не прысвечаных мове Янкі Купалы) карысталіся і карыстаюцца выразамі «мова шляхты», «польска-шляхецкія гаворкі», «шляхецкі жаргон», «жаргон дробнай шляхты», «беларуская культурная гаворка», «гарадская беларуская гаворка» і «беларускае культурнае кайнэ». На нашу думку, на пачатковым этапе даследавання не вельмі істотна, якому з тэрмінаў будзе аддадзена перавага. Аднак непрымальна ўжываць ацэннае слова «жаргон». З улікам таго, што ў цэнтры ўвагі знаходзілася пісьмовая разнавіднасць мовы, то, бадай, варта ўхіліцца таксама ад тэрмінаў «шляхецкія гаворкі» і «га-

⁶Мова Янкі Купалы // Янка Купала. Энцыклапедыя. Том 2 / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2018. С. 232–233.

⁷Прадмова // Слоўнік мовы Янкі Купалы / рэдкал.: У. А. Бобрык (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 1997. Т. 1. С. 3–4.

радская беларуская гаворка». Адпаведна можна гаварыць пра выкарыстанне такіх тэрмінаў, як, напрыклад, «мова шляхты», «шляхецкае кайнэ» і «культурнае кайнэ». Паколькі наша праца знаходзіцца ў сферы гістарычнага вывучэння літаратурнай мовы, на дадзеным этапе лічым мэтазгодным прыняць у якасці апорнага тэрміна найбольш агульнае паняцце «разнавіднасць», або «варыянт» (*variety*), а ў якасці азначэння ўжываць слова «шляхецкі», якое ўказвае на сувязь названай разнавіднасці з маўленнем пэўнай сацыяльнай страты, істотную частку складу носбітаў гэтай разнавіднасці, а таксама адлюстроўвае спецыфіку ўспрыняцця гэтага пісьмовага варыянта беларускай літаратурнай мовы нейкай часткай беларускага грамадства. Другі варты ўкаранення выраз – больш шырокі тэрмін «культурнае кайнэ». У сітуацыі з беларускай мовай такія тэрміны актуальныя з той прычыны, што, будучы заснаванай на вусным народным маўленні, беларуская літаратурная мова тым не менш не заўсёды непасрэдна ўзнаўляла і ўзнаўляе народнае (сялянскае) маўленне, дубліруе яго. Пры фарміраванні нарматыўнай мовы на аснове народнай мела значэнне тая акалічнасць, што вясковае насельніцтва было сацыяльна дыферэнцыраваным, уключала ў сябе не толькі сялян, але і шляхту. Пры пранікненні слоў з народнага маўлення ў літаратурную мову мелі значэнне дадатковыя «прамежкавыя» каналы перадачы. Такімі каналамі маглі быць шляхецкая разнавіднасць беларускай мовы або, шырэй, культурнае кайнэ.

Рысы шляхецкага варыянта беларускай літаратурнай мовы. На аснове папярэдняй літаратуры (Я. Карскі, С. Некрашэвіч) да ліку рыс пісьмовага шляхецкага варыянта беларускай мовы пачатку ХХ ст. можна аднесці незмякчэнне *д* і *т* у запазычаных словах (*ідылія, дывізія, тып, тыраж*), мяккі *л* у запазычаннях (*лёгіка, мінералёгія*), цвёрдыя зычныя ў словах чужаземнага паходжання перад галоснымі *е, і*, канчатак *-эце/-еце* ў формах 2-й асобы дзеясловаў загаднага ладу (*скажэце, вязэце*), польская агаласоўка шэрага слоў (*слонца, свяцёны, дзенькаваць, ксёнджа, нэндза*) і, уласна, наяўнасць многіх слоў польскага паходжання, цвёрдыя *с, д, т* у словах *сэрца, вуздэчка, мястэчка*, канструкцыі тыпу *пайсці да лясу*, формульны выраз *бронь божа*, вымаўленне лічэбніка *чацвёрты* як *чацверты*, ужыванне ў клічным склоне формаў *панове, сватове, братове*, парадкавы лічэбнік *першы*, формы дзеясловаў незакончанага трывання з суфіксам *-ва-* (*расказваць, перакручваць, падгаворваць, закошваць*), форму 3-й асобы *ест* дзеяслова *быць*, сцвярдзальную часціцу *але*, уводнае слова *бок* ‘маўляў’, зварот да бацькоў у форме множнага ліку на *вы*, форму выказніка ў множным ліку пры дзейніках, калі апошнія азначаюць бацьку, маці, дзядзьку, цётку.

Пры гэтым разумеем, што, па-першае, не будучы канвенцыянальнай, зафіксаванай у пэўных граматычных ці лексічных кодэксах, разнавіднасцю, шляхецкі варыянт пісьмовай беларускай мовы (як і любая іншая разнавіднасць) дапускаў пры яго рэалізацыі ў маўленні вар’іраванне ў выкарыстанні тых або іншых моўных сродкаў. Частка з названых вышэй асаблівасцей у беларускіх дыялекталагічных працах традыцыйна трактуецца як звычайныя народныя, некаторым прысвечаны спецыяльныя карты ў выданнях «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы» і «Лексічны атлас беларускай мовы».

Па-другое, вусныя маўленчыя практыкі шляхецкага насельніцтва маглі збліжацца з маўленнем сялян, уплываць на яго або часам нават злівацца з ім, вынікам гэтага сярод іншага стала адлюстраванне ў некаторых дыялекталагічных працах (засяроджаных, несумненна, найперш на сялянскім маўленні) у тым ліку асобных рыс шляхецкага маўлення. Напрыклад, у выданне «Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны» (1929) быў уключаны матэрыял, атрыманы ад інфармантаў, якія часткова карысталіся шляхецкай разнавіднасцю беларускай мовы. Гэта відаць як з рээстра слоўніка, так і з прыведзенага ў ім ілюстрацыйнага матэрыялу. Пры частцы слоў (*адпэндзіць, бляск, валіць, варавацца, воцат, вухналь, выдранчыць, выенчыць, выжла, выпялегаваць, выспа, высвенціць, вэдлуг, вянгліна, вяглярня, галас, галдун, ганіць, гаптаваць, гарнітар, гзымс, дастрэнчыць, дасэні, дзісянціна* і інш.) у выданні змешчаны паметы аб наяўнасці ў іх польскіх адпаведнікаў [20]. Падчас збору матэрыялу для выдання «Віцебскі краёвы слоўнік» каналам уключэння ў яго адзінак са шляхецкай разнавіднасці маўлення магла быць такая катэгорыя інфармантаў, як возчыкі, спецыяльна адзначаная ўкладальнікам слоўніка [21, с. IX]. Як вядома, тагачаснымі возчыкамі былі пераважна яўрэі (уласна, людзі, якія займаліся гэтым промыслам, часта называліся яўрэйскім словам *балагол*), іх беларускае маўленне магло падвяргацца ўплыву польскай мовы і шляхецкага маўлення, асабліва ў яго рытуальна-формульнай частцы.

Як заўважана вышэй, у сваёй дыялекталагічнай працы І. Воўк-Левановіч ні разу не кваліфікаваў нейкія маўленчыя асаблівасці як шляхецкія. Тым не менш ён часта адзначаў, што пэўныя рысы былі ў даследаваных ім гаворках рэдкімі, часам уласцівымі жыхарам хутароў. Здаралася, што такія рысы цалкам адсутнічалі. Улічваючы, што ў канцы 1920-х гг. І. Воўк-Левановіч востра ставіў пытанне аб пераняцці беларускай літаратурнай мовай шэрагу менш пашыраных, у параўнанні з народнымі, асаблівасцей, паспрабуем ідэнтыфікаваць некаторыя прыведзеныя ім рысы як шляхецкія. Такімі рысамі могуць быць цвёрдыя зычныя ў словах *муздэчка, мястэчка, сэрца*, незмякчэнне *д* і *т* у запазычаных словах, цвёрдыя зычныя ў словах чужаземнага паходжання перад галоснымі *е, і* [8, с. 155], формы

давальнага і меснага склонаў назоўнікаў множнага ліку на *-ом, -ох* (пашыраныя ў даследаваных ім гаворках найперш «у Татаркавічах і на Сураўцоўскіх хутарах») [8, с. 162], канчаток *-еце* ў формах 2-й асобы дзеясловаў загаднага ладу («толькі на хутары сям’і Сураўцоў») [8, с. 170], ужыванне замест зборных лічэбнікаў іх колькасных адпаведнікаў у форме роднага склону тыпу *прыйшлі трох чалавек, касіла дзесяцёх касцоў* з пераўтварэннем асабовай канструкцыі сказа ў фармальна безасабовую⁸ [8, с. 172], форма *лямна* [8, с. 183]. Недастаткова народнымі словамі ў літаратурнай мове І. Воўк-Левановіч лічыў адсутныя ў маўленні жыхароў даследаваных ім гаворак лексемы *атрымаць, вёска, мова, нават* (альтэрнатывамі ім былі *палучыць, дзярэўня, язык, дайжа*) [8, с. 172, 176, 182].

Шляхецкімі (прынамсі, паводле ўспрымання носбітамі беларускай мовы пачатку ХХ ст.) у беларускай літаратурнай мове могуць лічыцца і многія іншыя, найперш агульныя з польскай мовай, фанетычныя, лексічныя, марфалагічныя і сінтаксічныя рысы. У працэсе нармалізацыі беларускай літаратурнай мовы ў БССР у 1920-я гг. у яе часам уводзіліся асаблівасці, якія не былі характэрнымі для большасці гаворак у межах савецкай Беларусі, амаль не адлюстроўваліся ў слоўніках, мелі слабую традыцыю ўжывання ў пісьмовай мове і нават былі ледзь не ўнікальнымі, напрыклад, адпрыметнікавыя формы назоўнікаў на *-іст* тыпу *гарманісты, арганісты, трактарысты*⁹ і пад. [6, с. 157–163]. Ініцыятарам увядзення гэтага правіла стаў Я. Лёсік, прыхільнік арыентацыі беларускай літаратурнай мовы на народныя крыніцы. Ідэнтыфікацыя і інвентарызацыя рыс шляхецкага маўлення патрабуюць спецыяльных інтэнсіўных даследаванняў, у гэтай працы робіцца толькі першы крок на гэтым шляху.

З улікам таго, што маўленне шляхецкага, як і ўвогуле любога, насельніцтва было складаным і шматкампанентным, у ім маглі суіснаваць чыста беларуская народная (сялянская) і польская мовы. Паколькі шляхецкім, верагодна, у пэўных сітуацыях больш прэстыжным, маўленнем маглі карыстацца і сяляне, не існуе выразнай мяжы паміж шляхецкім і сялянскім маўленнем, што стварае спецыфічную сітуацыю ў справе ідэнтыфікацыі асаблівасцей уласна шляхецкага маўлення. Але нярэдка аналагічныя складанасці існуюць і пры ідэнтыфікацыі асаблівасцей уласна сялянскага маўлення. Беларуская лінгвістычная практыка паказвае, што часта тыя рысы, якія інтэрпрэтуюцца рознымі даследчыкамі як народна-дыялектныя, можна было б трактаваць інакш.

Некаторыя пытанні вывучэння паланізмаў у мове пісьменнікаў пачатку ХХ ст. Істотнай асаблівасцю шляхецкай разнавіднасці беларускай мовы з’яўляецца тое, што яна насычана разнастайнымі рысамі польскай мовы. У такім выпадку пры даследаванні гэтага варыянта беларускай мовы важна вызначыць, якія яе моўныя рысы можна акрэсліць пры дапамозе тэрміна «паланізм». Як вядома, пад паланізмамі разумеюцца словы, запазычаныя з польскай мовы (ТСБМ, т. 3, с. 625). Пры знешняй прастаце такога крытэрыю беларуская лінгвістычная практыка паказвае, што строга сць гэтай дэфініцыі нярэдка парушаецца.

Часта не ўлічваецца канал, які служыў крыніцай перадачы ў літаратурную мову таго або іншага слова. Як вядома, у беларускай мове пачатку ХХ ст. бытвала вялікая колькасць слоў польскага паходжання, але ў кантэксце вывучэння гісторыі літаратурнай мовы многія з іх не могуць лічыцца паланізмамі, паколькі яны трапілі ў беларускую мову не з польскай мовы, а з вуснага маўлення мясцовага насельніцтва. З пункту гледжання вывучэння гісторыі беларускай літаратурнай мовы такія лексемы могуць лічыцца народна-гутарковымі або дыялектнымі, уплыў польскай мовы ў гэтым выпадку не прамы, а апасродкаваны. Як адзначана вышэй, яшчэ ў 1960 г. Л. Шакун указваў на тое, што шляхецкі жаргон мог быць адной з вусных крыніц, якая жыла беларускую літаратурную мову.

Таму залічэнне ў паланізмы ў розных працах, напрыклад у акадэмічным выданні «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (1968), вялікай колькасці ўжываемых у мастацкіх, навуковых і публіцыстычных тэкстах характэрных для сялянскіх гаворак (і (або) шляхецкага маўлення) слоў тыпу *абцэнгі, атрамонт, бляды, брук, варунак, высілак, высна, выстарчаць, вэлем, гвезда, гзымс, дасэнь, загарак, зданне, канечнасць, квадранец, кнея, куля, магнэс, мапа, млека, модлы, павэдлуг, падлегласць, памысны, пеленгаваца, пентра, правідловы, размаітасць, скрыдла, скутак, спацар, спранжынавы, спронжка, стасунак, унёсак, хвэбра, хэньць, цёнгле, чыннасць* і інш. [25, с. 251–252, 262–263] з’яўляецца неабгрунта-

⁸Наконт канструкцыі тыпу *прыйшлі нейкіх трох чалавек, касіла дзесяцёх касцоў* І. Воўк-Левановіч не зрабіў ніякіх абмежавальных рэмарак. Гэта можа азначаць, што яны ўжываліся ў даследаваным ім рэгіёне як сярод шляхты, так і сярод сялян. Падобныя сказы фіксаваў С. Некрашэвіч у Парыжскім раёне [4, с. 141]. Я. Карскі пра канструкцыі тыпу *коціць шасцёх касцоў, ідуць трох разбойнікаў* пісаў як пра «найноўшыя безасабовыя абароты» [22, с. 338]. Такія канструкцыі ў сказах тыпу *трох братоў выхад спаткалі* (Янка Купала), *трох малодшых было* (Кандрат Крапіва) раней разглядаліся як асаблівыя на фоне рускай мовы [23, с. 118], але цяпер яны не з’яўляюцца нарматыўнымі для сучаснай беларускай граматыкі. Ужыванне колькасных лічэбнікаў у форме роднага склону (*прыйшлі нейкіх трох чалавек*) уяўляе для нас цікавасць, паколькі існуе выпадак, калі ў працэсе рэдагавання п’есы «Паўлінка» такая канструкцыя была выпраўлена.

⁹Сітуацыя магла б ацэньвацца інакш з перспектывы нармалізацыі беларускай літаратурнай мовы на аснове заходнебеларускіх гаворак, паколькі ў Заходняй Беларусі такія формы былі пашыранымі [24, с. 340].

ваным¹⁰. Па гэтай жа прычыне можна ўсумніцца ў абгрунтаванасці залічэння ў безумоўныя паланізмы ў творчасці Янкі Купалы слоў і формаў тыпу *акронны, афярна, вальчучы, дастацца, жычэнне, захэнцаць, збадаць, зімны, злудзіць, зэмста, ксёнжска, млека, найбардзей, прышлы, срогі, хмура, цёнгле* [26, с. 201]. Маючы на мэце пераважна ацаніць аб'ём лексікі польскага паходжання ў беларускай літаратурнай мове 1920–30-х гг., даніну такому падыходу аддаў і аўтар дадзенага артыкула [6, с. 180–197]. Глядзець на літаратурнае ўжыванне слоў у пачатку XX ст. толькі праз прызму ўяўленняў пра нормы беларускай мовы, якія аформіліся ў 1930–60-я гг., азначае прытрымлівацца непажаданага для гістарычных прац «зваротна-праекцыйнага» погляду [27, с. 175]. З набыццём Рэспублікай Беларусь незалежнасці, якое садзейнічала перабудове навуковых устаноў, уздыму гістарычна-нацыянальнай свядомасці шырокіх колаў насельніцтва і сярод іншага спрыяла ўспрымання многімі беларускімі лінгвістамі, асабліва пачаткоўцамі, ранейшых перыядаў у развіцці беларускай мовы ледзь не як неад'емнага складніка сучаснай мовы, падобныя праекцыі становяцца ўсё больш частымі (застаючыся пры гэтым непрымальнымі).

Акрамя таго, пры вывучэнні гісторыі літаратурнай мовы актуальнае пры агульных развагах пра суадносіны дзвюх моў выяўленне слоў польскага паходжання, ідэнтыфікаваных на аснове іх фармальных прымет (этымалагічных паланізмаў), саступае па важнасці выяўленню слоў польскага паходжання, якія ў працэсе ўжывання ў беларускай літаратурнай мове захоўвалі рысы пэўнай чужароднасці, польскасці (стылістычных паланізмаў). Захаванне такіх рыс у літаратурным узусе пачатку XX ст. са спадарожным разуменнем слоў як паланізмаў (і, значыць, запазычанняў) вяло да прыпісвання гэтым лексемам пэўных протастылістычных¹¹ канатацый на фоне асноўнай масы слоў, якія не мелі прымет чужароднасці. Сярод асноўнай масы ўжываемых тады слоў таксама знаходзіліся некаторыя этымалагічныя або гістарычныя паланізмы, але іх асабліваасці часам зусім не мелі значэння, паколькі не былі вядомы не толькі звычайным носьбітам мовы, але і больш адукаванаму слою насельніцтва. Адпаведна, мае значэнне тое, усведамлялася або не ўсведамлялася ў пэўны канкрэтны час пэўная моўная адзінка (з'ява) як польская (або няпольская) тагачаснай беларускай лінгвістыкай і (або) тагачаснымі практыкамі-кадыфікатарамі беларускай літаратурнай мовы.

З аднаго боку, калі моўная адзінка незалежна ад яе фармальных прымет ужывалася ў мове пэўнага часу без абмежаванняў і не фігуравала як (непажаданы) паланізм у працах тагачасных беларускіх кадыфікатараў, то ў рамках яе бытавання ў беларускай літаратурнай мове гэтага часу яна не можа лічыцца паланізмам. Для гэтага перыяду яе трэба лічыць прымальнай, адаптаванай, безумоўна беларускай.

Такой адзінкай, калі не звяртацца да шырокавядомых прыкладаў старых запазычанняў з польскай мовы, аж да 1930-х гг. было, напрыклад, слова польскага паходжання *кабета*, якому ў беларускай літаратурнай мове толькі ў пачатку XX ст. з'явілася альтэрнатыва ў выглядзе слова *жанчына*, і толькі ў 1920-я гг. узнікла апазіцыя *кабета* (паланізм) – *жанчына* (беларускае слова) [28, с. 104–110]. Немагчыма лічыць у беларускай літаратурнай мове XIX – пачатку XX ст. (стылістычным) паланізмам слова *кабета*, калі ў гэты час яно выступала адзіным найменнем асоб жаночага полу і не выклікала ніякай крытыкі, нават з боку найбольш «патрыятычна» арыентаваных кадыфікатараў беларускай мовы. Таксама падчас фарміравання беларускай літаратурнай мовы ў 1920-я гг. зафіксаваны выпадкі, калі некаторыя словы з выразнымі рысамі ўздзеяння польскай мовы (напрыклад, *памоцнік*) часам успрымаліся асобнымі кадыфікатарамі беларускай мовы нават як словы, больш адпаведныя норме, чым словы без такіх рыс (напрыклад, *памочнік*) [6, с. 203; 28, с. 68–69].

З другога боку, калі нейкая адзінка фігуравала як (непажаданы) паланізм у працах тагачасных беларускіх даследчыкаў мовы, то ў рамках узусу гэтага часу яна павінна лічыцца паланізмам. У гэты час тэарэтычна існавала альтэрнатыва: пры пэўным збегу абставін такая адзінка пазней магла быць выдалена з літаратурнай мовы намаганнямі кадыфікатараў, якія лічылі яе непажаданым паланізмам. Для гэтага часу яна з'яўлялася яшчэ не цалкам прымальнай, адаптаванай, не безумоўна беларускай. Такая сітуацыя была, напрыклад, з кадыфікацыяй старога паланізма *скарга*. У купалаўскім зборніку «Жалейка» (1908) слова *скарга* часам вылучалася сярод іншых пры дапамозе спецыфічнай літары *г* (*скарга*) (Жалейка, с. 72). У зборніку Якуба Коласа «Песні жалбы» (1910) слова *скарга* сустракаецца ў вершы «Родныя песні» (Песні жалбы, с. 50), але тыповай для выдання з'яўляецца шмат разоў паўтораная лексема *жалба*, вынесена ў назву кнігі. Верагодна, у той час і часткова нават пазней (гл. слоўнікі 1920-х гг.) існавала апазіцыя *скарга* (паланізм) – *жалба* (беларускае слова). Лексема *скарга* не абавязкова ўспрымалася некаторымі беларускімі ўдзельнікамі моўнага працэсу 1920-х гг.

¹⁰Канал пераймання слоў літаратурнай мовай, натуральна, павінен брацца пад увагу і тады, калі тыя або іншыя словы залічваюцца ў катэгорыю русізмаў.

¹¹У 1900–1930-я гг. у беларускіх лінгвістычных працах стылістыка беларускай мовы ў яе сучасным разуменні яшчэ не функцыянавала і не была сфарміравана.

як безумоўна вартая кадыфікацыі, прынамсі, падкрэслівалася ці адзначалася яе польскае паходжанне [3, с. 186; 29, с. 498; 30, с. 61].

Словы польскага паходжання і іх месца ў мове ранніх твораў Янкі Купалы. Што датычыць вывучэння слоў польскага паходжання і іх месца ў мове ранніх твораў Янкі Купалы, то ў іх інтэрпрэтацыі можа назірацца фундаментальны зрух, які пачаўся яшчэ ў сярэдзіне XX ст. Да пачатку 1950-х гг. дадзеная тэма фактычна не была прадстаўлена ў беларускай лінгвістыцы, пазней сітуацыя змянілася. Калі, напрыклад, П. Глебка ў сваім артыкуле 1946 г. трактаваў апасродкаваныя паланізмы тыпу *шчур, роп, хмура* ‘хмара’, *паглед* з купалаўскіх твораў як дыялектызмы, з агаворкай лічыў, што дыялектызмамі могуць лічыцца таксама словы рускага і польскага паходжання тыпу *пятух, айчызна, труд, брэдні, прыказанне, напасны, ураг* [15, с. 127], у артыкуле новаабранага акадэміка К. Атраховіча (Кандрата Крапівы), які выйшаў у 1951 г., моўная спадчына Янкі Купалы разумелася ў першую чаргу як частка сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Пры такім падыходзе словы польскага паходжання, якія Янка Купала выкарыстоўваў у ранні перыяд творчасці, тыпу *вальчыць, гвар, захэнцаць, зэмста, ксёнжска, нэндза, ружніца, шыдэрскі* (як сцвярджалася, нешматлікія) разумеліся ўжо не як дыялектызмы, а як нехарактэрныя ў цэлым для мовы беларускага класіка паланізмы, ад якіх па меры павышэння культуры творчасці і развіцця моўнай свядомасці паэт пазбаўляўся [31, с. 11–12]. Заўвага пра замену шэрага ранейшых слоў у працэсе падрыхтоўкі новых выданняў была каштоўнай, але выкарыстанне для ўсяго перыяду творчасці Янкі Купалы (у тым ліку для 1905–1920 гг.) тэрміна «сучасная беларуская мова» мела недахопы. У такім выпадку вольна ці міжволі гэтаму перыяду прыпісваліся некаторыя катэгорыі і паняцці, якія сучасная беларуская літаратурная мова набыла пазней, у тым ліку катэгорыя этымалагічнага (устапоўленага на аснове ведаў пра паходжанне слова) паланізма. У выніку узус Янкі Купалы ў яго ранніх творах ацэньваўся з выкарыстаннем анахронізмаў, праз прызму крытэрыяў сучаснай беларускай літаратурнай мовы, якой у пачатку XX ст. яшчэ проста не існавала.

Пасля публікацыі працы Кандрата Крапівы заўвагі пра паланізмы ў творах Янкі Купалы як пэўны праблемны пункт фарміравання яго ідыястылю ў лінгвістычных працах сталі ледзь не абавязковым агульным месцам. У дапаможніку «Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (1960) Л. Шакун пісаў пра тое, што Янка Купала не адразу авалодаў «агульнанацыянальнымі граматычнымі нормамі», яго раннія творы давалі шматлікія прыклады «розных адхіленняў ад агульнанацыянальнай нормы ў лексіцы і граматыцы», ён нярэдка запазычваў словы і звароты з іншых моў «без асобай на тое патрэбы, парушаючы законы беларускай мовы»¹² [11, с. 220]. П. Садоўскі ў артыкуле 1986 г. заўважаў, што ў мове класіка было шмат паланізмаў (*атрамант, загарак, ксёнжска, модлы*) [17, с. 404], А. Каўрус пісаў пра купалаўскія паланізмы *айчызна, змарлы, млека, пакрыёма, цёнгле* [32, с. 281]. Пры гэтым, як заўважана вышэй, мае значэнне канал паступлення тых або іншых слоў у літаратурную мову. Указаныя словы ў Янкі Купалы з’яўляюцца хіба толькі апасродкаванымі паланізмамі, паколькі яны трапілі ў яго пісьмовае маўленне не з польскай мовы, а з вуснага маўлення жыхароў Беларусі і (або) з папярэдняй літаратурнай практыкі. Пераважная большасць такіх лексем былі звыклымі адзінкамі ў беларускім літаратурным узусе свайго часу, стылістычна яны не адрозніваліся ад іншых, непаланізмаў. Усе названыя словы фіксуюцца ў выданні «Слоўнік мовы “Нашай нівы”»¹³, аж да 1930-х гг. яны не абавязкова ўспрымаліся ўдзельнікамі моватворчага працэсу як непажаданыя паланізмы.

Паланізмы (словы польскага паходжання) у мове Янкі Купалы наводле «Слоўніка мовы Янкі Купалы». Як адзначана вышэй, выдатным дасягненнем у вывучэнні купалаўскіх паланізмаў з’яўляецца «Слоўнік мовы Янкі Купалы». Але ў працэсе яго падрыхтоўкі распрацоўка тэмы іншамоўных уплываў, у прыватнасці паланізмаў, не была прыярытэтнай. Гэта звязана з тым, што фундаментальнай мэтай укладальнікаў было ўмацаванне разумення мовы Янкі Купалы як неад’емнай часткі сучаснай беларускай літаратурнай мовы, сфарміраванай на народнай аснове [34, с. 27–28]. Задача фіксаваць купалаўскія паланізмы ў гэтым выпадку была выканана пастолькі, паколькі апісанне купалаўскіх лексем у слоўнікавых артыкулах прадугледжвала запаўненне факультатыўнай рубрыкі «3 гісторыі рэестравых слоў», у рамках якой тыя або іншыя лексемы забяспечваліся паметамі *руск.* (рускае), *укр.* (украінскае), *польск.* (польскае), *чэшск.* (чэшскае), *яўр.* (яўрэйскае)¹⁴. Крытэрыі ідэнтыфікацыі

¹²У пазнейшых выданнях дапаможніка гэтыя ацэнкі былі змякчаны.

¹³Выключэнне складаюць лексемы *змарлы* і *цёнгле*. Аднак пра апошнія слова вядома, што яно шырока бытавала ў беларускай літаратурнай і народнай мове ў XIX ст. і ў 1920-я гг. Што да слоў са слядамі насаваых гукаў тыпу *цёнгле*, то ў 1920-я гг. магла звяртацца ўвага на неабавязковасць тлумачэння іх існавання ў беларускай мове ўплывам польскай мовы. Напрыклад, Я. Лёсік лічыў, што ў выпадках значнага пашырэння такіх слоў у беларускай мове (*вантробы, дзесянціна*) іх лепш было б трактаваць як «акасянелыя словы з насавамі гукамі» [33, с. 27].

¹⁴Змест і структура слоўніка // Слоўнік мовы Янкі Купалы / рэдкал.: У. А. Бобрык (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 1997. Т. 1. С. 6–11.

«папаўнення і ўзбагачэння словатворчасці» Янкі Купалы пры дапамозе «рускай, украінскай і некаторых іншых славянскіх моў, асабліва польскай»¹⁵ у прадмове не былі ўказаны. Гэта значыць, што невядома дакладна, на падставе чаго ў гэтай лексікаграфічнай працы тыя або іншыя словы забяспечваліся паметамі тыпу *польск.* ці *руск.* Можна вельмі агульна меркаваць, што падставай для залічэння адпаведных слоў у русізмы, українізмы, паланізмы, багемізмы і гебраізмы паслужыла наяўнасць аналагічных лексем у рускай, украінскай, польскай, чэшскай мовах і мове ідыш.

Што да пазначэння ў слоўніку паланізмаў, то, калі кіравацца падыходам укладальнікаў, да гэтага разраду можна было б залічыць значна больш слоў. Так, памету *польск.* у слоўніку дадаткова маглі б мець таксама словы і формы *акуратне* (польск. *akuratnie*), *блыснуць* (польск. *blysnąć*), *выпітка* ‘выпіванне спіртных напіткаў’¹⁶ (польск. *wypitka* ‘выпіўка’), *загасціць* ‘затрымацца, загуляцца’ (польск. *zagościć się* ‘загасціцца, прабыць’), *здзіўленне* (польск. *zadziwienie* ‘здзіўленне’), *здзіўляць* (польск. *zadziwiać* ‘здзіўляць’), *здзякацца* ‘надоўга затрымацца дзе-небудзь’ (польск. *zwlekać się* ‘зацягвацца, замаруджвацца’), *задушкі* ‘памінкі’ (польск. *zaduszki*, рэліг. ‘Дзяды’), *залётны* ‘какетлівы’ (польск. *zalatny* ‘какетлівы, гуллівы’), *залёты* ‘заляцанне’ (польск. *zaloty* ‘залёты; жаніханне’), *застаць* ‘не змяніць свайго месцазнаходжання’ (польск. *zostać* ‘застацца’), *ззіханы* ‘задыханы’ (польск. *związany* ‘тс’), *істы* ‘сапраўдны’ (польск. *istny* ‘сапраўдны, рэчаісны; існы’), *кабета*, *каморка* ‘клетка жывога арганізма’ (польск. *kotórka* ‘клетка’), *капальня* ‘руднік’ (польск. *kopalnia* ‘шахта, руднік, капальня’), *капліца* (польск. *kaplica* ‘капліца’), *кара́лі* ‘упрыгожанне з каштоўных камянёў’ (польск. *korale* ‘кара́лі’), *карталюшка* ‘рэцэпт’ (польск. *kartaluszka* ‘картачка’), *касаваць* ‘адмяняць, ліквідаваць’ (польск. *kasować* ‘касаваць’), *каўнер* (польск. *kolnierz* ‘каўнер’), *кахацца* (польск. *kochać się* ‘кахацца’), *кахаць* (польск. *kochać* ‘кахаць’), *кашуля* (польск. *koszula* ‘кашуля’), *квет* (польск. *kwiat* ‘кветка’), *кепска* (польск. *kier-sko* ‘кепска’), *кілішак* (польск. *kieliszek* ‘кілішак’), *кіравацца* (польск. *kierować się* ‘кіравацца’), *кленчыць* ‘станавіцца на калені’ (польск. *klezczeć* ‘кленчыць; стаяць на каленях’), *кнігарня* (польск. *księgarnia* ‘кнігарня’), *колькісотлетні* ‘шматвяковы’ (польск. *kilkusetletni*), *коўдра* (польск. *koldra* ‘коўдра’), *лекар* (польск. *lekarz*), *лемантарык* ‘ласк. да лемантар’ (польск. *elementarz* ‘буквар’), *лётны* ‘хуткі’ (польск. *lotny* ‘тс’), *ліманне* ‘малітва, галашэнне’ (польск. *litania* ‘літанія’), *літарацкі* ‘літаратурны’ (польск. *literacki* ‘літаратурны’), *ліхтарня* (польск. *latarnia* ‘ліхтар’), *ложка* ‘ложак’ (польск. *łóżko* ‘ложак’), *лучнасць* ‘еднасць’ (польск. *łączność* ‘лучнасць’), *лучыць* ‘злучаць, яднаць’ (польск. *łączyć* ‘злучаць; звязваць; аб’ядноўваць’), *лучыцца* ‘злучацца, яднацца’ (польск. *łączyć się* ‘злучацца’), *люд* ‘пра групу людзей з аднолькавымі рысамі’ (польск. *lud* ‘народ, нацыя’), *людскасць* (польск. *ludzkość* ‘чалавечнасць; гуманнасць’), *лямант* (польск. *lament* ‘лямант’), *ляцкі* ‘польскі’ (польск. *laski* ‘ляшскі’) і інш. Частка гэтых слоў пададзены ў СМК з абмежавальнымі стылістычнымі паметамі тыпу *разм.* (размоўнае), *абл.* (абласное), *уст.* (устарэлае) ці *наватв.* (наватвор).

У шэрагу выпадкаў можна сцвярджаць, што вынікам недастатковага ўліку асаблівасцей лексікі польскай мовы стала падача ў слоўніку недакладных або наогул няправільных значэнняў. Так, напрыклад, купалаўскае слова *мясень* у слоўніку тлумачыцца як ‘хаатычнае змешванне чаго-небудзь у адну масу; мешаніна’ (СМК, т. 3, с. 120), але гэта слова мае значэнне ‘мышца, мускул’, падобна як у польскай мове такое значэнне мае назоўнік *mięsień*. Фрагмент перакладу з польскай мовы лібрэта оперы «Галька» (*У нашым, пане, ўдоўім стане, / Хутка бацьку асамотніць, / Як палучыцца ўжо з Янам...*) даў падставу ўкладальнікам трактаваць дзеяслоў *палучыцца* як рускае запазычанне са значэннем ‘атрымацца’ (СМК, т. 3, с. 330), але папраўдзе гэта форма ўжыта ў значэнні ‘злучыцца’ падобна да польск. *połączyć się*. Ужытае ў паэме «Яна і я» слова *стрых* (СМК, т. 5, с. 29) мае значэнне ‘гара; вышкі’, а не ‘страха’. Сказ *Пацук рукопісі патнець* з верша «Каму вас, песні?...» парадаксальным чынам пабудзіў укладальнікаў звязаць працытаваную форму *патнець* з польскім дзеясловам *potnieć* ‘пацець’ (СМК, т. 3, с. 377), у той час як у каментарыях да першага тома поўнага збору твораў Янкі Купалы форма *патнець* правільна тлумачыцца як ‘пагрызе’ (Купала ПЗТ 1, с. 372). Беларускую форму *патнець* у такім выпадку трэба разумець як вытворную ад формы *potnie* 3-й асобы будучага часу польскага дзеяслова *rosić* ‘пакусаць’. Нельга прызнаць здавальняючым тлумачэнне слова *збадаць* (*збадаці*) як ‘згадаць’, якое нібыта мае адпаведнік у польскай мове (СМК, т. 2, с. 208). Дзеяслоў *zba다ć* у польскай мове мае значэнне ‘даследаваць, вывучыць’, гэта ж семантыка, хіба ў пераносным значэнні ‘асэнсавачь’, можа лічыцца актуальнай і для слова *збадаць*, якое ўжывалася Янкам Купалам. Насуперак той акалічнасці, што ў слоўніку адзначана сувязь купалаўскага слова *непазорны* з польскай мовай, яго сапраўднае значэнне ‘непрыгожы,

¹⁵Змест і структура слоўніка // Слоўнік мовы Янкі Купалы / рэд. А. В. Анічэнка. Мінск : Беларус. навука; 1997. Т. 1. С. 6–11.

¹⁶Тут і далей значэнні купалаўскіх слоў падаюцца пераважна на аснове значэнняў, прыведзеных у СМК. Значэнні польскіх слоў падаюцца пераважна паводле «Польска-беларускага слоўніка» Я. Волкавай і В. Авілавай. Гл.: Польска-беларускі слоўнік : звыш 40 000 слоў / укладальнікі: Я. Волкава, В. Авілава. Мінск : Беларус. энцыкл., 2004.

непаглядны, а не выведзенае на падставе неабгрунтавана ўстаноўленай сувязі з рускім словам *непозорный* значэнне ‘неганебны’ (СМК, т. 3, с. 206). Факт падобных памылак сведчыць пра тое, што значны пласт лексікі Янкі Купалы не належыць да сучаснай беларускай мовы. Апошняя акалічнасць можа ствараць праблемы для тых даследчыкаў, якія ў працэсе вывучэння мовы класіка не будуць належным чынам паглыбляцца ў гістарычны кантэкст.

Пры ацэнцы польскага ўплыву важна ідэнтыфікаваць таксама з’яву калькавання. Напрыклад, калькай з польскай мовы ў Янкі Купалы з’яўляецца ўжытае ў перакладзе слова *раз’ясніць*. Створанае па мадэлі ўжытага ў арыгінале польскага слова *rozczmurzyć* ‘перастаць хмурыцца, павесялець’, слова *раз’ясніць* у паэта мае значэнне ‘зрабіць ясным, вясёлым’, а не ‘растлумачыць’, як гэта пададзена ў СМК, зыходзячы з уяўленняў пра семантыку падобнага слова ў рускай мове. Калькамі рознага тыпу (словаўтваральнымі, семантычнымі, сінтаксічнымі) з польскай мовы ў Янкі Купалы з’яўляюцца таксама дзеясловы *выперці* ‘выцесніць’ (*выперці дастатак*) (польск. *wyprzeć* ‘выперці, выцесніць’), *даказаць* (з дапаўненнем у форме роднага склону) ‘дабіцца’ (*даказаць славы*) (польск. *dokazać czego*), прыметнік *паграбовы* ‘пахавальны’ (польск. *pogrzebowy*), прыслоўе *парадна* ‘акуратна’ (польск. *porządnie*), назоўнікі *залюбаванне* ‘любасць, замілаванне’ (польск. *zamilowanie*)¹⁷, *прамена* ‘перамена’ (польск. *przemiana*), *прашкода* ‘перашкода’ (польск. *przeszkoda*; у СМК слова адзначана як паланізм)¹⁸, канструкцыі ў *астатку* з верша «Нябожчык» (польск. *na ostatek* ‘на канец, на заканчэнне’), выказнік у форме дзеяслова *быць* у спалучэнні з творным склонам назоўніка *ёсць праўдай звычайнай* (польск. *być* плюс частка іменнага выказніка ў творным склоне і іншыя з’явы).

Тым не менш, паводле сведчання некаторых назіральнікаў, «па ступені канцэнтрацыі» сярод запазычанай лексікі ў СМК запазычання з польскай мовы знаходзяцца на першым месцы [35, с. 17]. Гэта важнае меркаванне, паколькі сустракаюцца ўказанні на запазычванне Янкам Купалам у першую чаргу слоў з рускай мовы [34, с. 31]. Згодна з нашымі падлікамі, сярод 1277 слоў на літары *к і л* у слоўніку 63 адзінкі, або 5 % (гэта значыць прыблізна кожнае дваццатае слова), маюць указанне на польскую крыніцу. Калі мець на ўвазе прыведзеныя намі вышэй дапаўненні, то слоў польскага паходжання, якія пачынаюцца на літары *к і л*, у слоўніку магло б быць на 33 адзінкі больш (значыць, 96 слоў, або прыблізна 8 %). Такім чынам, указанне на польскую крыніцу ў СМК магло б быць зроблена для кожнага трынаццатага слова.

Калі нават не мець на ўвазе тое, што да разраду паланізмаў можна было б залічыць значна больш слоў, чым гэта зроблена, і што шэраг выпраўленых пазней у працэсе рэдагавання ранніх твораў лексэм польскага паходжання, а таксама тое, што асобныя словы са зборніка «Жалейка» ў створаны на аснове лексікі сямітомнага збору твораў паэта слоўнік не ўвайшлі (*адружніць*, *акропны*, *асладжаць*, *ашчэрца*, *валька*, *вальчыць*, *вясоласць*, *гвар*, *заўчэсне*, *захэнцаць*, *зблядзець*, *зіханне*, *знанканы*, *зэмста*, *кадзідла*, *кравы*, *ксьёнжска*, *лудзіць*, *пабудка*, *прэце*, *спрухнеўшы*, *тлумачэнне* ‘пераклад’, *улудны*, *чворка*, *шыдэрскі* і інш.), можна прызнаць, што словы польскага паходжання ўяўляюць сабой істотную частку лексікона беларускага класіка, асабліва справядліва гэта ў адносінах да мовы ранняга перыяду яго творчасці.

Але пытанне прадстаўлення запазычанняў у працэсе лексікаграфічнай апрацоўкі мовы пісьменнікаў пачатку ХХ ст. павінна мець сваю спецыфіку. Адпаведна, праблема істотнага польскага (значыць, запазычанага) складніка ў мове твораў Янкі Купалы (прытым яўна большага, чым указваюць некаторыя даследаванні) парадаксальным чынам спалучаецца з неабходнасцю скараціць практыку разумення многіх слоў у ранніх творах паэта ў якасці паланізмаў, як гэта зроблена намі вышэй.

Перадумовы з’яўлення рыс шляхецкага маўлення ў ранніх творах Янкі Купалы. У зборніку «Жалейка» адлюстравана не толькі, як звычайна лічыцца, сялянска-мужыцкая праблематыка [36], але і шырэйшая, у тым ліку шляхецкая [37].

У вершы «Сцёпка Жук» дадзены, згодна з ранейшымі ўяўленнямі літаратуразнаўцаў, пэўны «ўзорны вобраз мужыка», дбайнага гаспадара, які шануе традыцыі бацькоў, носьбіта «здоравага сялянскага практыцызму» [38, с. 579] і выразніка «традыцыйна-патрыярхальнай жыццёвай пазіцыі», што пераклікаецца з паэтычным эпасам В. Дуніна-Марцінкевіча [38, с. 580]. Можна, аднак, меркаваць, што ў гэтым творы Янка Купала апісаў не столькі мужыка, колькі шляхціца, прадставіў не толькі сялянскія, але і шляхецкія звычкі і каштоўнасці. Яго герой бываў у розных месцах, добра вядзе гаспадарку (што было б немагчыма, калі б Сцёпка Жук не ўмеў чытаць папулярную сельскагаспадарчую літаратуру), з’яўляецца аўтарытэтам для ўсёй вёскі. Хоць Сцёпка Жук *жыве, праве, шыкам пана*, аднак

¹⁷Купалаўскае слова *залюбаванне* класіфікуем як кальку з польскай мовы насуперак У. Бобрыку, які лічыць гэту лексему вытворнай ад рускага слова *любованье* [34, с. 31].

¹⁸Формы тыпу *запрэча* ‘запярэча’, *праступаць* ‘пераступаць’, *прашкода* ‘перашкода’, зафіксаваныя ў творах Янкі Купалы, трактуюцца А. Каўрусам як (чыста) народныя [32, с. 281]. І можна не сумнявацца, што некаторыя з іх былі ўзуальнымі ў беларускамоўных тэкстах. Напрыклад, у вершы А. Паўловіча «Шлюбнае агалашэнне» слова *прашкода* ўжываецца шэсць разоў. Гл.: *Паўловіч А. Шлюбнае агалашэнне* // Наша ніва. 1907. № 33.

ён не чураецца сярмягі (гэта значыць людзей ніжэйшага сацыяльнага стану)¹⁹. Характарызуючы героя, паэт піша наступнае: *Да ўсяго Сцяпан ахвочы, / Як то ёсць прыпеў шляхочы, / І да танцу, і ружаніцу, / Да выбіткі і выбіткі* (Жалейка, с. 114–115). Удакладнім, што гэты прыпеў бытаваў арыгінальна на польскай мове і ў дадзеным выпадку праз пасрэдніцтва пэўных шляхецкіх узораў маўлення трапіў у беларускі літаратурны узус.

Рамантычныя адносіны паміж людзьмі розных сацыяльных саслоўяў інтэрпрэтуюцца ў вершы «Паніч і Марыся», паэме «Адплата кахання» і іншых творах Янкі Купалы. Прамае ці ўскоснае адлюстраванне шляхецкай тэматыкі ў зборніку «Жалейка» часам цягне за сабой выкарыстанне ў іх моўных сродкаў, звязаных з маўленнем шляхецкага насельніцтва.

Наяўнасць шляхецкай тэматыкі ў п'есе «Паўлінка» не патрабуе спецыяльных доказаў.

Зборнік «Жалейка» ўключыў у тым ліку творы 1904–1906 гг., часу, калі паэт паралельна пісаў вершы на польскай мове (гэтай мовай Янка Купала карыстаўся ў творчасці першапачаткова). Да таго ж у той перыяд польская мова магла быць істотным кампанентам яго штодзённай камунікацыі. Розніца паміж датамі напісання некаторых польскамоўных і беларускамоўных твораў складае адзін дзень. Напрыклад, першы вядомы беларускамоўны верш паэта «Мая доля» быў напісаны 15 ліпеня 1904 г., у той час як польскамоўны верш «Жанчыне» («Kobiesie») быў створаны на адзін дзень раней. Некаторыя беларускамоўныя і польскамоўныя вершы былі напісаны з розных бакоў аднаго аркуша паперы. У некаторых вершах зборніка літаратуразнаўцы прасочваюць непасрэдную сувязь з творамі беларускіх паэтаў XIX ст., якія пісалі на беларускай мове, што мела значны адбітак польскіх уплываў.

Аматар польскай літаратуры, Янка Купала ў зборніку вылучыў асобны раздзел «Тлумачэнні, наследаванні і розныя другія вершы», у якім былі змешчаны ў тым ліку некалькі перакладаў твораў польскіх паэтаў (такімі перакладамі паэт пачаў займацца фактычна адначасова з напісаннем уласных твораў) і наследаванні ім. Не выключана, што назва зборніка «Жалейка» ўзнікла ў тым ліку пад уплывам творчасці М. Канапніцкай, верш якой «На жалейцы» змешчаны ў зборніку. У некаторых арыгінальных вершах зборніка («Над магіламі», «Над сваёй Айчызнай» і інш.) літаратуразнаўцы знаходзяць пераемнасць з тымі або іншымі канкрэтнымі творамі польскай літаратуры [39, с. 425; 40, с. 426–427].

Па стане на 1904 г., калі Янка Купала стаў пісаць вершы на беларускай мове, яе пісьмовая разнавіднасць яшчэ не была належным чынам развіта, мела шэраг лакун, яўна саступала польскай пісьмовай мове. Гэта стварала спрыяльныя магчымасці для таго, каб тыя беларускамоўныя творцы, якія ведалі польскую мову, падобна да пісьменнікаў XIX ст. маглі ў той ці іншай ступені выкарыстоўваць яе сродкі, асабліва засвоеныя шляхецкім маўленнем, у працэсе ўласнай беларускамоўнай творчасці і ўдасканаленні беларускай літаратурнай мовы.

Усё пералічанае ўказвае на тое, што ў пачатковы перыяд творчасці Янкі Купалы беларуская мова магла быць пад моцным уплывам польскай мовы і (або) прыёмаў шляхецкага маўлення.

Рысы шляхецкай разнавіднасці беларускай мовы ў зборніку «Жалейка». У творах зборніка знаходзім наступныя словы і формы, якія ўказваюць на значны апасродкаваны і прамы ўплыў на беларускамоўную творчасць Янкі Купалы ў гэты перыяд польскай мовы. Такі ўплыў мог быць абумоўлены як пэўным польскім (шляхецкім) складнікам тагачаснай і ранейшай беларускай літаратурнай мовы, так і ўнясеннем класікам у пісьмовае беларускае літаратурнае маўленне (новых) слоў і формаў, якія паходзілі са шляхецкага маўлення яго асяроддзя²⁰.

Лексіка. У творах зборніка знаходзім наступныя самастойныя і вытворныя ад польскіх слоў лексемы, якія сведчаць або могуць сведчыць пра наяўнасць апасродкаванага польскага складніка ў лексіконе Янкі Купалы ў гэты час: *аблуда* 'абман'²¹, *абсац* 'абцас', *агніста*, *агнісце* 'горача, пякуча', *адлог* 'аблога, залеж', *айчызна*, *акрыццё* 'накрыццё, прыкрыццё', *аполудні* 'апоўдні', *асладжаць*, *астатні*, *бардзеі*, *блыснуць*, *боскі*, *бракаваць*, *будоўліна*, *вальчыць*, *варстат*, *відзець*²², *выперці* 'выцесніць' (гл. вышэй), *вясоласць*, *ганчак* (у зборніку гэта слова надрукавана як *танчак*), *гвар* (у зборніку гэта сло-

¹⁹ Слова *сярмяга* ў СМК тлумачыцца толькі ў прамым значэнні, як верхняе адзенне з даматканага сукна (СМК, т. 5, с. 80).

²⁰ Гаворачы пра асаблівасці беларускай літаратурнай мовы XIX ст., варта ўлічваць тое, што творцамі ў гэты час, як сцвярджаецца, былі выключна прадстаўнікі шляхты [41, с. 204]. Тая акалічнасць, што беларускамоўныя літаратурныя творы ў XIX ст. часта пісалі шляхціцы, магла прывесці да ўспрымання самой беларускай літаратурнай мовы гэтага часу як шляхецкай (водгукі чаго, як паказана вышэй, часам мелі месца ў пачатку XX ст.).

²¹ Для эканоміі плошчы тут і далей значэнні беларускіх слоў (паводле СМК, за выняткам тых выпадкаў, калі ў слоўніку дадзена недакладнае ці няправільнае значэнне) і польскія адпаведнікі будуць прыводзіцца ў тых выпадках, калі беларускія словы фігуравалі ў непрынятай сучаснай практыкай форме, і (або) калі гэтыя словы, значэнні і адпаведнікі малавядомыя, і (або) калі ўказанне на польскія адпаведнікі адсутнічае ў СМК.

²² Маючы на ўвазе зыходнае польска-беларускае двухмоўе і польскія літаратурныя прыярытэты паэта, можна было б меркаваць, што форма *відзець* мае польскае, а не рускае паходжанне (на суперак меркаванню, выказанаму І. А. Гапоненкай [26, с. 200]). Найбольш прымальна для штудый па гісторыі беларускай літаратурнай мовы пачатку XX ст. было б трактаваць слова *відзець* як народна-дыялектнае, пакідаючы пытанне яго паходжання (польскага або рускага) за дужкамі.

ва надрукавана як *гвар*) ‘галас, гармідар’ (польск. *gwar* ‘шум, гоман, гамана’), *гмах* (у зборніку гэ-та слова надрукавана як *гмах*), *дазнаць* ‘зведаць’, *дастаць* ‘здабыць, атрымаць’, *дбаць*, *двузлотка*, *думны*, *енк*, *жычлівы*, *загарак* (у раздзеле «Абмылкі» змешчана заўвага, што гэта слова неабходна было надрукаваць як *загарак*), *зазнаць*, *зайздрасць*, *запанаваць*, *застава* ‘заклад’, *заўчэсна* (у зборніку гэта слова суправаджалася гласай ‘зарана’), *захэнцаць*, *збадаць* ‘даследаваць, асэнсавачь’, *збудзіцца*²³, *зваротак* ‘абарот’ (польск. *zwrot* ‘паварот’ і *zwrotka* ‘страфа’), *згнесціся*²⁴ (польск. *zgnieść się* ‘змяцца, скамечыцца’), *зіханне* ‘задышка’ (польск. *zżajany* ‘задыханы’), *змагці* ‘перамагчы, адолець’ (пераходны дзеяслоў, польск. *złóć* ‘то’), *зрасці* ‘вырасці’ (польск. *wzróść*), *іміа*, *кадзіла* ‘кадзіла’, *касцёл*, *каханне*, *кахачь*, *кепска*, *кнея* ‘лясныя нетры; гушчар’²⁵, *краніла*, *ксёндз*, *ксёнджска*, *лётны* ‘хуткі’, *літасць*, *любіцца*²⁶, *маралы* ‘павучанні, натацыі’, *марне* ‘марна’, *мгла* ‘туман’²⁷, *міласць* ‘каханне’²⁸, *млосць*, *мусіць*, *напіс*, **наплутаць* (**наплуціць*) ‘наблытаць’ (польск. *napłatać* ‘наблытаць’)²⁹, *наспа*, *наўчыць*, *непачэсна* ‘непрыглядна’, *нэндза*, *нядбала*, *пабудка* ‘сігнал, які будзіць або кліча да дзеяння’, *пагарда*, *пагарджаць*, *паглед*, *паграбовы* ‘пахавальны’, *пажытак* ‘карысць’, *пазбыць*, *пакуса* ‘спакуса’, *памятка* ‘напамінак’, *панаванне*, *паняверка*, **паперці* (**папрэць*)³⁰, *парадна* ‘акуратна’, *патрапіць*, *пахлебства* ‘лісліваць’, *пачіівы*, *паэта*, *пекна*, *плён*, *прамена* ‘перамена’, *працавіты*, *прашкода* ‘перашкода’, *прышлы*, *прэце* ‘ж (жа)’³¹, *пукацца* ‘распускацца’, *рабак* ‘чарвяк’, *роіцца* ‘быць у вялікай колькасці’, *роіць* ‘думаць, марыць’, *роль* ‘ралля’, *рушыцца*, *рыдлёўка*, *рэшта*, *самавіта*, *святцыоны*, *скарга*, *спаткаць*, *сумленне*, *супольны*, *счырванець*, *туж* ‘вось-вось’, *убірацца* ‘адзявацца’, *убогі* ‘бедны’, *улудны* ‘падманны’, **успаць* (**успіць*)³², *цягам* і інш.

Марфалогія. У парадыхмах назоўніка як з’яву, выкліканую польскім уплывам, можам трактаваць формы творнага склону назоўнікаў жаночага роду на *-ай*, *-эй* (*ночай*, *восеняй*). Слова *моль* Янка Купала ўжывае ў форме мужчынскага роду. Звяртае на сябе ўвагу наяўнасць формаў множнага ліку некато-

²³Лексема *збудзіцца* адлюстравана ў ТСБМ (з паметай *разм.*) поруч з формай *збудзіць* (таксама з паметай *разм.*). Гэта слова ўжывалася ў Янкі Купалы пад уплывам маўлення яго асяроддзя. Дадзеная лексема ўказвае на сувязь з польскай мовай (польск. *zbudzić*). У лік аўтараў, з чых твораў для ТСБМ узяты ілюстрацыі, трапілі толькі тыя, што непасрэдна сутыкаліся з польскай мовай і добра яе ведалі (Янка Купала, Піліп Пестрак, Максім Танк).

²⁴Вызначэнне семантыкі слова *згнесціся* на аснове словазлучэння *воля згняецца сілаю, пятлёй* у СМК як ‘давесці да цяжкага, прыгнечанага стану, змучыцца’ трэба прызнаць няўдалым. Слова *згнесціся* ўжыта тут у значэнні ‘задушыцца’.

²⁵Я. Карскі трактаваў гэтыя слова як малаўжывальнае [31, с. 7], між тым яно сустракалася яшчэ ў пісьменніку XIX ст., некаторых сучаснікаў Янкі Купалы (Алесь Гарун, Цішка Гартны). Акрамя таго, дадзеная лексема пашырана ў польскай мове. У акадэмічным выданні «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (1968) лексема *кнея* фігуруе адначасова і як купалаўскі паланізм, і як яго, а таксама Цішкі Гартнага, дыялектызм [25, с. 238, 232].

²⁶Лексема *любіцца* адлюстравана ў ТСБМ (з паметай *разм.*) як ‘любіць адзін аднаго’ і ўяўляе сабой інтэгральную частку сучаснай беларускай літаратурнай мовы. У Янкі Купалы дадзенае слова ўжывалася ў тым ліку ў не зафіксаваным у слоўніку «несучасным» значэнні ‘паважаць адзін аднаго’ (СМК, т. 3, с. 38). У гэтым выпадку слова ўяўляе сабой кальку шляхецкага польскамоўнага вітання-тоста *Kochajmy się!*, што відаць у тым ліку з прыведзенай у СМК цытаты з перакладу з польскай мовы лібрэта оперы «Галька»: *Мілай браці дзякуй наша, / Прыязнь іх вядома нам. / Чаркі ўверх! Здароўе ваіны! / Любімося!* (Купала ПЗТ 9-1, с. 8).

²⁷У СМК лексема *мгла* прыводзіцца з паметай *руск.* і мае значэнне ‘імгла, смуга’ (СМК, т. 3, с. 81), аднак у некаторых выпадках ужывання гэтага назоўніка Янкам Купалам трэба бачыць сувязь з польскім словам *mgła* ‘туман’.

²⁸Слова *міласць* у значэнні ‘каханне’ ў СМК не адлюстравана.

²⁹Факт адзінкавага выкарыстання ў беларускамоўных творах Янкам Купалам некаторых польскіх дзеясловаў або калек з іх часам не дае магчымасці належным чынам рэканструяваць зыходныя беларускія формы такіх слоў. Прыкладам такога выкарыстання з’яўляецца ўжыванне выразу *часам чорт наплуце* ў вершы «Паніч і Марыся», які ў працэсе пазнейшага рэдагавання прыняў выгляд *часам чорт наплуце*. Гэта ўнікальнае ўжыванні, яны звязаны з польскімі дзеясловамі *napłatać* ‘наблытаць’ і *porplatać* ‘зблытаць’. Тут складана сказаць, ці мае ўжытая паэтам, напрыклад, першая форма *наплуце* якую-небудзь зыходную беларускую форму, а калі мае, то якую: **наплутаць* ці **наплуціць*. Калі гаворка ідзе пра другую форму, то цяжкасці ў вызначэнні зыходнай для яе формы ўскосна адлюстраваны ў СМК, дзе на падставе прыведзенай цытаты ідэнтыфікавана ўстойлівае словазлучэнне *чорт наплуце* без вылучэння зыходнай формы (СМК, т. 3, с. 350).

³⁰Значэнні гэтага дзеяслова (дакладней двух розных, беларускага і польскага, дзеясловаў) дадзены (СМК, т. 3, с. 349) на аснове цытат з вершаў «Аб мужыцкай долі» (*Скора з чэрвямі сам-насам / Смерць напрэ жыць бедняка*) і «З песень беларускага мужыка» (*Я усё заклану, / Усё сілай напру*) няправільна (‘адправіць на той свет’, ‘змагчы’). Калі ў першым выпадку слова *напрэ* ўяўляе сабой форму дзеяслова *паперці* і значыць ‘пагнаць’, то ў другім выпадку, падобна да выкарыстання Янкам Купалам формаў *наплуце* (*наплуце*) і *ўсплю*, тут была ўжыта форма, вытворная ад польскага дзеяслова *porzucić* ‘падтрымаць, падмацаваць’. Як і ў выпадку ўжывання Янкам Купалам формаў *наплуце* (*наплуце*) і *ўсплю*, у другім выпадку застаецца актуальным вызначэнне зыходнай беларускай формы (**паперці* ці **папрэць*).

³¹Гэта часціца была ўжыта ў вершы «Гоніш мяне, панічок...» (*бо рабак ты ж прэце*) і ў паэме «Адплата кахання» (*адзін чалавек жа не спіць нешта прэце*), але пры паўторных узнаўленнях гэтых твораў адпаведныя месцы былі адрэдагаваны наступным чынам: *бо рабак ты з смеціа і адзін чалавек толькі сну не знаходзе*. З нагоды ўжывання слова *прэце* ў вершы А. Паўловіча ў дакладзе 1925 г. «Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы» С. Некрашэвіч трактаваў яго значэнне як ‘аднак’ і заўважыў, што яго ўжыванне – гэта ‘рэзультат няведання беларускай мовы» [4, с. 74–75].

³²Выпадк, падобны да выкарыстання формаў *наплуце* (*наплуце*). У вершы «Дзяўчынка, галубка мая!» была ўжыта форма *ўсплю* (*Сагрэю на белай грудзі, / Уцехаі кахання ўсплю*), вытворная ад польскага дзеяслова *uśpić* ‘убаюкаць, закалыхаць’, пазней выпраўленая на *прысплю*. Унікальнасць ужывання ў рамках беларускага маўлення формы *ўсплю* не дае магчымасці рэканструяваць зыходную беларускую форму.

рых абстрактных назоўнікаў, якія ў беларускай мове такіх формаў не маюць: *смехі* (*шыдэрскія смехі*), *смуткі* (*смуткаў маіх дзеці*)³³.

Уплыў польскай мовы прасочваецца ва ўжыванні некаторых кароткіх формаў субстантывавальных прыметнікаў тыпу *марныя золты* замест *марныя золотыя*.

У парадыхмах лічэбніка да формаў, аналагічных ці падобных да польскіх, адносім форму роднага склону *аднэй*, утвораную ад лічэбніка *адна* (*аднэй з найбяднейшых*), формы з канчаткамі *-ох*, *-ёх* лічэбніка *два*, *дзе* (*з дзвёх пліт жорны*).

Звяртае на сябе ўвагу выпадак ужывання польскай энклітычнай формы *сіе* вінавальнага склону займенніка *ты* (*Жаль ця здойме такі!*).

Найбольшы ўплыў польскай мовы на марфалагічным узроўні знаходзім у парадыхмах дзеяслова.

Дзеяслоўнае кіраванне ў шэрагу выпадкаў супадае з кіраваннем у польскай мове: *даказаць чаго* ‘дабіцца’ (*і славы дакажа* ‘даб’ецца’), *збядзіць каго* (*збядзіў іх лёс*), *карыстаць з чаго* (*з працы маея карыстае другі*), *насмьяцца з каго* (*з яго кожны насмьяецца*), *узяць за каго* (*за жонку вазьму*), *упадаць на чым* (*з часам людзі ўпадаюць на сіле*) і інш.

Верагодна, уплывам польскай мовы тлумачацца формы загаднага ладу без канчатка тыпу *валь* (да *валіць*) і з канчаткамі *-ый* (*-ій*) тыпу *пій* (у раздзеле «Абмылкі» змешчана заўвага, што гэту форму неабходна было надрукаваць як *пі*), *жыйма*³⁴, *збій*, *пачнійма*³⁵.

У шэрагу выпадкаў Янка Купала ўжывае пэўныя «асколкі» парадыхмаў польскіх дзеясловаў, у той ці іншай ступені прыстасаваныя для ўжывання ў беларускай мове. Тут маюцца на ўвазе такія формы, як *вызве* (як *іх вызве гора*) (польск. *wyżwie* ад *wyżwać* ‘выклікаць, вызваць’)³⁶, *выпра* ‘выцесніць’ (*выпра дастатак*) (польск. *wyprze* ад *wyprzeć* ‘выцесніць’), *здойме* ‘ахопіць’ (*жаль ця здойме такі*) (польск. *zdejmie* ад *zdyć* ‘ахапіць’), *папру* ‘падтрымаю, падмацую’ (*Я усё заклану, / Усё сілай папру*) (польск. *poprze* ад *poprzeć* ‘падтрымаць, падмацаваць’), *патнець* ‘пакусае’ (*пацук рукопісі патнець*) (польск. *potnie* ад *rosić* ‘пакусаць’), *усплю* ‘закалыхаю’ (*уцехаі кахання ўсплю*) (польск. *uśpię* ад *uśpić* ‘усыпіць; закалыхаць’) і інш. Як ужо заўважана вышэй, ужыванне такіх формаў ставіць пытанне пра тое, ці былі ўвогуле пэўныя польскія дзеясловы запазычаны беларускай мовай, якой павінна быць іх зыходная беларуская форма і ці магчыма яе рэканструяваць. У рамках тэорыі пераклучэння кодаў можам гаварыць, што ў гэтых выпадках у беларускае «матрычнае» маўленне *ad hoc* рабіліся «гасцявыя» ўстаўкі з польскай мовы, што, аднак, не прыводзіла да запазычвання беларускай мовай такім чынам ужытых польскіх дзеясловаў.

Для прыслоўяў канстатуем ужыванне слоў *гдзе* ‘дзе’, *туж* ‘вось-вось’, параўнальную форму *выжэй* ‘вышэй’³⁷ і шматлікія формы, утвораныя паводле польскага ўзору (*акуратне*, *балесня*, *бясплатне*, *вечне*, *заўчэсне*, *нязмення* і інш.).

У зборніку сустракаюцца польскія злучальны і ўступальны злучнікі *а* (*меў некалькі сёстраў, а стройных і мілых*) і *хоцяж* (*хоцяж сэрца, што за сэрца*), часціца *прэце* ‘усё ж’ (*бо рабак ты прэце*).

Да ліку словаўтваральных адпаведнасцей належаць шматлікія з’явы, якія зафіксаваны найперш для дзеясловаў (*дазнаць*, *зазнаць*, *збудзіцца*, *карыстаць*, *сплываць*, *счырванець*, **успаць* (**успіць*) і інш.).

Шэраг слоў і формаў ужыты з націскам, уласцівым польскай мове: *выгóда*, *ліпóвы*, *пахвáла*, *хвáла* і інш.

Сінтаксіс. У гэтай сферы назіраем вялікую колькасць канструкцый, устойлівых спалучэнняў і фразеалагічных выразаў, якія маюць адпаведнікі ў польскай мове: дзеяслоўную звязку *ёсць* з назоўнікам (займеннікам) у форме творнага склону (*чым ёсць для народа ўпадак і хвала*), выразы *на разе*, *у астатку* (на ўзор польск. *na ostatek* ‘на канец, на заканчэнне’), канструкцыю прычыны з прыназоўнікам *праз* (*праз зэмсту*), устойлівы выраз *развязаць загадку* і інш.

Наяўнасць польскіх (шляхецкіх) элементаў у паэме «Адплата кахання». У некаторых творах Янкі Купалы, дзе ёсць героі-шляхціцы, знаходзім асабліва вялікую колькасць элементаў, абумоўленых польскім уплывам. Такім творам з’яўляецца паэма «Адплата кахання», галоўнымі героямі якой выступаюць закаханыя багатая шляхцянка Зося і парабак Янка. У камунікацыі паміж прадстаўнікамі розных палоў, сялянамі і шляхцянкамі, сялянцамі і шляхціцамі, уцягнутымі ў рамантычныя адносіны, мела месца маўленчая акамадацыя, вынікам якой было збліжэнне асаблівасцей іх маўлення: носьбіты ў значнай

³³На гэту з’яву звяртаў увагу А. Каўрус [32, с. 283–284], аднак не праводзіў паралелі з польскай мовай.

³⁴На ўжыванне Янкам Купалам формы *жыйма* звярнуў увагу яшчэ Я. Карскі.

³⁵Інтэрпрэтуючы формы дзеясловаў загаднага ладу тыпу *ступ*, *паглядзь*, *бач* у творах В. Дуніна-Марцінкевіча, Л. Шакун трактуе іх як «марфалагічныя дыялектызмы» [42, с. 203].

³⁶А. Каўрус адносіць форму *вызве* ‘вызаве’ да (чыста) народнай [32, с. 281].

³⁷На яе ўжыванне Янкам Купалам звярнуў увагу яшчэ Я. Карскі.

ступені польскай мовы набліжалі сваё маўленне да беларускага і наадварот. У адносна невялікай паэме знаходзім каля 60 выпадкаў, якія ілюструюць уплыў польскай мовы на мову гэтага твора: *ашчэрца*, *блюзнерца*, *балесць*, *бяспечна*, *вальчыць*, *відзець*, *ганяць да чаго* (*ганяў да работы*), *гдзе*, *гонты*, *дазнаць*, дзеяслоў *даказаць* з дапаўненнем у форме роднага склону са значэннем ‘дабіцца’ (*даказаць славы*) паводле польск. *dokazać*, *заблыскаць*, *збадаці*, *збродня* ‘злачынства’, *зграбненька*, пераходны дзеяслоў *здрадзіць* з аб’ектам у форме вінавальнага склону (*лёс чорны іх здрадзіў*) (польск. *zdradzić kogoś*), *зэста*, *істы* ‘сапраўдны’, *катлет* ‘катлета’, *кахацца*, *кленкаць* ‘кленчыць’, *мара* ‘здань’, *марне*, *марны* ‘нязначны’, *места* ‘горад’, *міласць* ‘каханне’, *млека*, *мсцівы* ‘помслівы’, *няўмысне*, *пакленчыць*, *пакуса*, *паненка*, *паняверка*, *пасажны (-ая)* ‘які (-ая) мае пасаг’, *патрафіць*, *пекны*, *праняць* ‘вызначаць, растлумачыць’ (*хто пройме, прагледзе спатканні, гулянкі* (польск. *ujść* ‘тс’³⁸), *прышласць* ‘будучыня’, *прэце*, *развязаць загадку*, *разнеціць* ‘распаліць, узбудзіць’ (*Так смутна, так горка таму жыць на свеце, / Кому лёс каханна ў душы не разнеце*) (польск. *roznieść*), *сплываць*, *спрухнеўшы* ‘спарухнелы’, *схадзка* ‘сустрэча, спатканне’, *убогі* ‘бедны’, *цікавасць* (пабочнае слова) ‘цікава’, *чыгаць* ‘падпільноўваць’ (*а столькі на цёмных святлейшых чыгае*), *чыніць*, *чэсць*, *шальмоўства*, *штохвіля*. З апасродкаваным польскім уплывам у гэтым творы, відавочна, звязаны таксама канструкцыі *карыстаць з чаго*, *паехаць да Мінска*, *здоровы на чым (сіле)*, *таго дня*, *мець за жонку*, дзеяслоўныя формы *забіў* (загадны лад) і *падопчэ* (форма будучага часу 3-й асобы дзеяслова *падэптаць*, паводле польск. *podeptać* ‘патаптаць’), злучальны злучнік *а* (*меў некалькі сёстраў, а стройных і мілых*), фразеалагізм *косць з косці*, зрух націску ў прыслоўі *прыкладна* ‘узорна’ і ў прыметніку *круты* (*пад горкай, пад крутай*), формах дзеясловаў загаднага ладу *слухайце* (загадны лад), *прысягне* (будучы час), у прыназоўнікава-іменным спалучэнні ў *бёры* і інш.

Адметна, што такога тыпу з’явы фіксуюцца і ў тым фрагменце твора, у якім падзеі выкладзены часткова з пункту гледжання парабка Янкі і, значыць, ёсць падставы меркаваць, што іх можна было б прывесці на беларускай мове без адзнак шляхецкага маўлення. У гэтым фрагменце знаходзім форму будучага часу 3-й асобы *азвецца* дзеяслова *азвацца* (польск. *ozwie się*), дзеяслоў *збудзіцца* (польск. *zbudzić się*), прыназоўнік *да ў* канструкцыях *выйсці да саду*, *паехаць да Мінска*, прыназоўнік *за ў* канструкцыі *мець за жонку*, прыназоўнік *прад*, канструкцыя *таго дня* ‘ў той дзень’ (польск. *tego dnia*), назоўнікі *зданне* ‘здань’, *міласць* ‘каханне’, *паняверка*, *відма*, прыметнік *пачцівы* як азначэнне да неасабовага назоўніка з незвычайным для беларускай мовы значэннем (*пачцівая* ‘сумленая’ *праца*) (польск. *rozczywu* ‘адкрыты; шчыры’), прыметнік *акропны*, прыслоўе *туж* ‘тут жа’ (польск. *tuż* ‘побач, тут жа’).

Шэраг слоў і формаў з гэтага твора (*акропны*, *ашчэрца*, *вальчыць*, *спрухнеўшы*, *схадзка*, *чыгаць* і інш.) пазней былі выпраўлены³⁹.

Асабліва адчувальны апасродкаваны польскі ўплыў у творах Янкі Купалы бывае ў тых сітуацыях, калі мае месца канцэнтрацыя польскіх з’яў у пэўных кароткіх кантэкстах, што можа нагадваць польскамоўныя ўстаўкі-ўрэзкі ў духу пераклучэння кодаў. З такімі выпадкамі сутыкаемся ў наступных фрагментах: *слухайце прыкладна*, *акропнаю зэмтай палае блюзнерца*, *марныя золты* (слова *марны* ўжыта тут з неўласцівым беларускай мове значэннем ‘нікчэмны’, форма *золты* ўжыта замест беларускай формы *золтыя*), *жаль ця здойме, праз зэмсту* (звяртае ўвагу і сама канструкцыя, і слова *зэмста*), *таго дня да Мінска паехала Зося* і інш.

Рысы шляхецкай разнавіднасці беларускай мовы ў п’есе «Паўлінка» (1912). Як заўважана вышэй, у канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг. мовазнавец М. Жыркевіч, літаратуразнаўцы М. Ярош і А. Сямановіч выказалі важныя меркаванні пра п’есу «Паўлінка», у якой яны знайшлі ў тым ліку адлюстраванне жаргону дробнай шляхты, стылю бытавой мовы правінцыяльнай беларускай шляхты. Тут можам дадаць, што, рэдагуючы твор для пазнейшых выданняў, Янка Купала імкнуўся ўдасканаліць моўныя партрэты герояў, у тым ліку тых, хто карыстаўся шляхецкім маўленнем (такім прадстаўніком у творы быў не толькі Адольф Быкоўскі) або ў асобных выпадках, наадварот, нівеліраваць рысы такога маўлення. На нашу думку, такое ўдасканаленне шляхецкіх моўных характарыстык паэт правёў з дапамогай замены фрагмента *таго-сяго* для прадання на *таго-сяго да прадання* (рэпліка Паўлінкі), устаўкі *каханенькая*, *родненькая* (моўная партыя Сцяпана Крыніцкага), *тудэма-сюдэма* (моўная партыя Агаты Пустарэвіч) і *пане дабрадзею* (моўная партыя Пранціся Пустарэвіча). А замена выразу *маніцца трох гасцей быць* на *маніцца трохі гасцей быць* (рэпліка Паўлінкі), наадварот, дазволіла пазбегнуць рыс такога маўлення. Ва ўсіх пералічаных выпадках можа быць устаноўлена

³⁸У СМК лексема *праняць* тлумачыцца як ‘асэнсавач’.

³⁹Залежнасць характару мовы твора ад яго зместу, прадэманстраваная ў паэме «Адплата кахання», мае сілу і ў некаторых іншых выпадках (верш «Паніч і Марыся», паэма «Нікому»).

пэўная сувязь з польскай мовай. У адносінах да менш відавочнага прыкладу *тудэма-сюдэма* адзначым, што ў польскай літаратурнай мове (у адрозненне ад беларускай) ёсць займеннікі са значэннем кірунку тыпу *któredu* 'як, якой дарогай', *tamtędy* 'тым шляхам, той дарогай' [43, с. 427]. На прыкладзе выразу *тудэма-сюдэма*, на нашу думку, можна назіраць творчае выкарыстанне ў беларускай літаратурнай мове падобнага займенніка. Не зафіксаванае ў нарматыўнай граматыцы беларускай мовы спалучэнне з родным склонам лічэбніка (*маніцца трох гасцей быць*) у сваёй аснове можа мець польскую мадэль. Уведзенае новае спалучэнне *маніцца трохі гасцей быць* выглядае не так каларытна, вельмі агульна. Гэта праўка зроблена для нівеліравання характэрных моўных асаблівасцей герояў у рамках агульнай нармалізацыі мовы.

Звяртае ўвагу тое, што, падобна да іншых выпадкаў, некаторыя спосабы выказвання персанажаў п'есы «Паўлінка», якія можна было б ахарактарызаваць як уласцівыя шляхце, залічаны даследчыкамі да чыста народных рыс. Напрыклад, у тым ліку як сведчанне «глыбокіх ведаў беларускай народнай мовы, яе спецыфічных зваротаў, ідыём» [14, с. 137] (цыт. паводле [15, с. 131–132]) разглядаюцца наступныя прыклады, за якімі можна бачыць не столькі беларускія народныя выразы, колькі польскамоўныя (і, значыць, верагодна, шляхецкія) формульныя, сінтаксічныя або лексічныя прататыпы: *складзен да танцаў*, *як закрыстыян да ружанцаў* (польск. *do tańca i do różańca*), *дзе дзюркі ў носе і сканчылося* (польск. *dwie dziurki w nosie i skończyło się*), *гарэтык* (польск. *heretyk*), *недавярак* (польск. *niedowiarek*), *Бог найвышэйшы, міласэрны* (польск. *Bóg najwyższy, miłosierny*), *у сваім часе 'у свой час'* (польск. *w swoim czasie*), *неспакойства* (польск. *niepokój*), *высвенчу гэтай пляшкай і інш.* Фрагментам шляхецка-каталіцкага прывітання з'яўляецца вокліч *Пахвалёны!* як частка выразу *Бэндзе пахвалёны Езус Хрыстус*.

Даследаванне моўных партый герояў п'есы «Паўлінка» ў ракурсе вывучэнне асаблівасцей шляхецкага маўлення заслугоўвае большай увагі.

Параўнанне мовы першых паэтычных зборнікаў Янкі Купалы і Якуба Коласа. Мове зборніка Якуба Коласа «Песні жалбы» (1910) таксама ўласціва наяўнасць народнага пласта і польскага складніка (словы тыпу *астатны* 'астатні', *борзда*, *вясковы*, *даставаць* 'здабываць', *дзюгі* 'дарагі', *запытанне*, *заспяваць*, *злоты*, *кабета*, *марне*, *мова*, *несканчоны*, *паняверка*, *пражагнаць*, *прамова*, *ральнік*, *скарга*, *скрыдла*, *спатканне*, *сумленне*, *ягомасць* і інш.), што збліжае мову гэтай кнігі з мовай Янкі Купалы. Аднак паміж мовай першых зборнікаў двух класікаў існуе значная розніца.

У мове зборніка «Песні жалбы» сустракаюцца пераважна тыя «непазбежныя», аналагічныя польскай мове, адзінкі, якія шырока ўжываліся ў штодзённым маўленні таго часу. У зборніку на фоне багацця простага народнай лексікі культурная і агульналітаратурная абстрактная лексіка ахарактарызуецца параўнальнай нешматлікасцю. Граматычныя ўплывы польскай мовы ў творчасці Якуба Коласа не назіраюцца.

Асаблівасці польскай мовы ў зборніку Янкі Купалы «Жалейка» сустракаюцца не толькі на лексічным, але і на граматычным узроўні. У кнізе ёсць фрагменты, якія можна трактаваць у рамках пэўнай ідыясінкразіі першапачаткова польскамоўнага паэта, які недастаткова добра ведаў беларускую мову, і дактрыны пераклучэння (беларускага і польскага) кодаў. У жніўні 1907 г. праз паштовую скрынку газеты «Наша ніва» Янка Купала атрымаў наступную рэкамендацыю: «...не ўжывайце беларускіх слоў малавядомых, так званых правінцыяналізмаў» (Купала ПЗТ 9-2, с. 64). У зборніку «Жалейка» даволі многа абстрактнай і культурнай лексікі. Гэта можна патлумачыць валоданнем паэтам разнастайнай агульналітаратурнай лексікай, ужывальнай у той час у культурных асяродках і беларускай літаратурнай мове. Ужо ў 1911 г., аглядаючы літаратуру 1910 г., М. Багдановіч адзначаў, што «ні ў жаднага нашага паэты няма такога багатага слава, як у Купалы»⁴⁰ [44, с. 186].

Абазначаная розніца паміж мовай дзвюх кніг часткова звязана з праблематыкай коласаўскага і купалаўскага зборнікаў. Тэматыка кнігі «Песні жалбы» больш традыцыйная ў параўнанні з тэматыкай зборніка «Жалейка». Купалаўская кніга ў большай ступені, чым коласаўская, адрасавана несялянскаму чытачу. Але адрозненне творчых індывідуальнасцей тлумачыць не ўсе адрозненні ў мове паэтаў. Асаблівасці мовы зборніка Янкі Купалы «Жалейка» – гэта асаблівасці кнігі, напісанай шляхціцам-католікам у тым ліку для адукаваных шляхціцаў-католікаў з выкарыстаннем асаблівасцей мовы свайго асяроддзя, кнігі, напісанай чалавекам, які ведаў польскую мову і карыстаўся ёй, захапляўся польскай літаратурай.

⁴⁰Што да яшчэ больш ранніх твораў, то М. Багдановіч адзначаў іх слабую апрацоўку з боку формы і мовы і пэўную неакуратнасць («нядбаласць»). Паводле крытыка, паэт зусім не цікавіўся, «у якія формы і як выліваліся яго думкі». У прыватнасці, аўтар зборніка «Вянок» крытычна адзваўся пра словы *дым* і *чырвоны* ў радку *Спалі вас, песні, дым чырвоны*, лексему *гарысты* ў радку *Хоць гарыста яна, камяніста яна* (пра Беларусь), слова *барабаніць* у радку *Дзе свістала каса, барабаніў дзе плуг* [44, с. 186]. Відавочна, што М. Багдановіч крытыкаваў Янку Купала не за якасць яго мовы як мовы нарматыўна-літаратурнай (у гэтай сферы М. Багдановіч сам меў складанасці), а за асаблівасці паэтычнай мовы зборніка «Жалейка».

На жаль, няма непасрэдных водгукаў 1908 г. – пачатку 1910-х гг., дзе б разглядалася мова зборніка «Жалейка». Паказальна, што мова другога зборніка Янкі Купалы «Гусляр» (1910) у параўнанні з першай кнігай была часткова нівеліравана, пазбаўлена шэрага рыс, уласцівых першаму зборніку. Можна дапусціць, што гэта адбылося дзякуючы ў тым ліку праведзенаму Янкам Купалам аналізу некаторых асаблівасцей мовы сваёй першай кнігі, частка з якіх была прызнана ім непажаданай. Веданне характэрных рыс шляхецкага маўлення, аднак, неўзабаве зноў спатрэбілася Янку Купалу, калі ён пісаў п'есу «Паўлінка» і іншыя творы.

Заклучэнне

Дапаўненне набору звычайных пунктаў суаднясення, пры дапамозе якіх кваліфікуецца літаратурны узус пачатку XX ст. (народнай беларускай мовы, беларускай пісьмовай мовы XIX – пачатку XX ст., старабеларускай мовы і трох «чужых» – рускай, польскай і ўкраінскай – літаратурных моў), такой разнавіднасцю беларускай мовы, як шляхецкая разнавіднасць і (або) культурнае кайнэ, утрымлівае ў сабе значныя рызыкі. Галоўная з іх – адсутнасць напісаных слоўніка і граматыкі шляхецкай разнавіднасці беларускай мовы. Вызначыць, якія рысы абавязкова варта трактаваць як прыналежныя да шляхецкага маўлення ці культурнага кайнэ, вельмі складана, паколькі гэтыя разнавіднасці (асабліва другая з іх) не маюць цвёрда акрэсленых меж.

Трэба, аднак, сказаць, што пры звычайнай цяпер практыцы даследаванняў гісторыі літаратурнай мовы адсутнасць аб'ектыўных крытэрыяў назіраецца таксама часта. Напрыклад, такая разнавіднасць, як народная мова, таксама не мае кананічнага слоўніка і граматыкі (не гаворым ужо пра тое, што ў дыялектных слоўніках зафіксавана звычайна не аб'ектыўна існуючая ў гаворках, а добра «прасеяная» згодна з тымі або іншымі ўстаноўкамі лінгвістаў лексіка). Такая абавязковая праява народнай мовы, як дыялектызм, у працах па гісторыі літаратурнай мовы таксама акрэсліваецца неадназначна. Паняцце «дыялектызм» для прац па гісторыі літаратурнай мовы можа мець гістарычнае вымярэнне: пэўныя словы становяцца дыялектызмамі не раней, чым тады, калі пры наяўным стане развіцця літаратурнай мовы яны пачынаюць успрымацца як рэгіянальна абмежаваныя адзінкі, супрацьпастаўленыя літаратурнай мове. Між тым у працах па гісторыі літаратурнай мовы нярэдка, асабліва апошнім часам, сустракаем ся з феноменам зваротнага праецыравання, калі нейкія старыя моўныя з'явы (якія бытавалі ў іншых сітуацыях і ў іншых умовах) кваліфікуюцца з апорай на сучасныя ўяўленні пра нарматыўнасць беларускай мовы. Часта можна спрачацца, ці належыць тая або іншая з'ява да народнага маўлення, ці з'яўляецца яна дыялектнай, ці, магчыма, яна належыць да нейкай іншай разнавіднасці і народна-дыялектнай не з'яўляецца. Напрыклад, формы *вызве* 'вызаве', *гойна*, *запрэча* 'запярэча', *камед'я*⁴¹, *праступець* 'пераступець', *прашкода* 'перашкода', зафіксаваныя ў творах Янкі Купалы, аднесены А. Каўрусам да (чыста) народных. Але ў гэтых выпадках можа абмяркоўвацца пытанне польскага ўплыву. Нягледзячы на ўказаную амбівалентнасць у працэсе прымянення такога крытэрыю суаднясення, як народная мова, яна без пярэчанняў прымаецца ў якасці адной з абавязковых моўных разнавіднасцей у даследаваннях па гісторыі літаратурнай мовы.

У мове зборніка Янкі Купалы «Жалейка» і п'есы «Паўлінка» зафіксаваны шэраг рыс, якія былі неўжывальнымі або рэдкімі ў беларускай літаратурнай мове канца 1900-х – пачатку 1920-х гг. Некаторыя з іх уяўлялі сабой адметнасці, што паходзілі са шляхецкай разнавіднасці беларускай мовы. Шляхецкі варыянт пісьмовай беларускай мовы мог выступаць як дыскрэтная адзінка, пэўны рэгістр, які ў некаторых сітуацыях надаваў агульнай беларускай літаратурнай мове своеасаблівы элітарны каларыт або часам успрымаўся як рэпрэзентант беларускай мовы ўвогуле. У сувязі з тым што падчас рэформы 1933 г. былі скасаваны некаторыя рысы, актуальныя для ідэнтыфікацыі шляхецкага варыянта беларускай мовы, магчыма ставіць пытанне аб рэінтэрпрэтацыі гэтай рэформы ў святле яе скіраванасці супраць пэўных элітарных з'яў у беларускай мове, што ў выніку дало дэмакратызацыю беларускай літаратурнай мовы.

Скарачэнні

Жалейка – Купала Я. Жалейка. Пецярбург : Друк. К. Пянткоўскага, 1908 ; **Купала ПЗТ 1** – Купала Я. Поўны збор твораў. Мінск : Маст. літ., 1995. Т. 1 ; **Купала ПЗТ 9-1** – Купала Я. Поўны збор твораў. Мінск : Маст. літ., 2003. Т. 9, кн. 1 ; **Купала ПЗТ 9-2** – Купала Я. Поўны збор твораў. Мінск : Маст. літ., 2003. Т. 9, кн. 2 ; **Песні жалбы** – Колас Я. Песні жалбы. Вільня : [б. в.], 1910 ; **СМК** – Слоўнік мовы Янкі Купалы : у 8 т. Мінск : Беларус. навука, 1997–2012. Т. 1–8 ; **ТСБМ 3** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1979.

⁴¹У СМК (т. 2, с. 338) гэта слова фігуруе як паланізм.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Запрудскі СМ. Яўхім Карскі як даследчык польскага ўплыву на беларускую мову (на матэрыяле першага тома «Беларусаў»). У: Багдановіч ІЗ, Свістунова МІ, рэдактары. *Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі: да 220-годдзя з дня нараджэння Адама Міцкевіча*. Мінск: БДУ; 2018. с. 228–240.
2. Запрудскі СМ. *Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918–1941)*. Мінск: БДУ; 2015. 191 с.
3. Лёсік Я. *Збор твораў. 1921–1930*. Мінск: Логвінаў; 2003. 396 с.
4. Некрашэвіч СМ. *Выбраныя навуковыя працы*. Мінск: Беларуская навука; 2004. 190 с.
5. Некрашэвіч С, Бузук П, укладальнікі. *Праграма для збірання асаблівасцей беларускіх гаворак пераходных да суседніх моваў*. Мінск: Інстытут беларускай культуры; 1927. 74 с.
6. Запрудскі СМ. *Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады*. Мінск: БДУ; 2013. 367 с.
7. Воўк-Левановіч І. Пра некаторыя важнейшыя недахопы беларускай літаратурнай мовы. *Arche*. 2010;11: 354–380.
8. Воўк-Левановіч ІВ. Важнейшыя рысы гаворкі вёскі Татаркавічы і гаворак ваколічных вёсак. У: Некрашэвіч С, рэдактар. *Запіскі аддзела гуманітарных навук. Кніга 2. Працы класа філалогіі. Том 1*. Мінск: Інбелкульт; 1928. с. 147–188.
9. Бузук П, Мацюкевіч Я, Юргілевіч П. *Анкета для збірання матэрыялаў на беларускай мове*. Мінск: [б. в.]; 1931. 16 с.
10. Мозольков Е. Становление белорусского литературного языка и творчество Якуба Коласа. *Дружба народов*. 1952;3: 267–276.
11. Шакун ЛМ. *Нарыс гісторыі беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства асветы БССР; 1960. 223 с.
12. Жыркевіч МІ. Аб мове камедыі Я. Купалы «Паўлінка». У: Гілевіч НІ, рэдактар. *Даследаванні на беларускай і рускай мовах*. Мінск: Выдавецтва Белдзяржуніверсітэта; 1958. с. 69–80.
13. Ярош МГ. *Драматыргія Янкі Купалы*. Мінск: Выдавецтва АН БССР; 1959. 148 с.
14. Семановіч АА. *Беларуская драматыргія (дакастрычніцкі перыяд)*. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР; 1961. 242 с.
15. Анічэнка У, Жураўскі А, укладальнікі. *Пісьменнік і мова. Хрэстаматыя*. Мінск: Выдавецтва Міністэрства вышэйшай, сярэдняй, спецыяльнай і прафесіянальнай адукацыі БССР; 1962. 249 с.
16. Ванковіч ЛА. Некаторыя назіранні над слоўнікам купалаўскай «Жалейкі». *Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук*. 1964;1:103–112.
17. Садоўскі ПВ. Мова Янкі Купалы. У: Шамякін ІП, рэдактар. *Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя; 1986. с. 404–405.
18. Баршчэўскі А. Польскія вершы Янкі Купалы. У: Кандрацюк М, рэдактар. *Навуковы зборнік*. Беласток: Беларускае грамадска-культурнае таварыства ў Польшчы; 1964. с. 153–179.
19. Казбрук УМ, Лойка АА, Саламевіч ІВ. Польская літаратура і Янка Купала. У: Шамякін ІП, рэдактар. *Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя; 1986. с. 492–497.
20. Шатэрнік М. *Краёвы слоўнік Чэрвеніччыны*. Мінск: Інстытут беларускай культуры; 2011. 317 с.
21. Каспярэвіч М. *Віцебскі краёвы слоўнік*. Мінск: Інстытут беларускай культуры; 2011. 371 с.
22. Карскі ЕФ. *Белорусы. Том 2. Язык белорусского народа. Книга 2*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Бровкі; 2006. 502 с.
23. Ломтев ТП. *Белорусский язык*. Москва: Издательство Московского университета; 1951. 132 с.
24. Kozłowska-Doda J. *Tożsamość, losy i język najstarszych mieszkańców okolic Dociszek na Białorusi (na podstawie badań terenowych z przełomu XX i XXI w.)*. Lublin: Wydawnictwo Werset; 2021. 536 s.
25. Крамко П, Юрэвіч АК, Яновіч АІ. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Том II*. Мінск: Навука і тэхніка; 1968. 342 с.
26. Гапоненка ІА. *Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. Асаблівасці станаўлення і развіцця*. Мінск: БДУ; 2012. 307 с.
27. Толстой НІ. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука; 1988. 239 с.
28. Запрудскі СМ. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы (1918–1941 гг.)*. Мінск: БДУ; 2017. 115 с.
29. Дварчанін І. *Хрэстаматыя новай беларускай літаратуры (ад 1905 года)*. Вільня: Беларускае выдавецкае таварыства; 1927. 498 с.
30. Запрудскі СМ. Выпрацоўка ў 1920-я гг. канцэпцыі беларускай літаратурнай мовы. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Лексікалогія беларускай мовы ў даследаваннях і каментарыях*. Мінск: БДУ; 2018. с. 5–62.
31. Запрудскі СМ. Даследаванне мовы твораў Янкі Купалы і Якуба Коласа ў 1920–50-я гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2017;3:5–18.
32. Каўрус АА. Янка Купала. У: Міхневіч АЯ, рэдактар. *Беларуская мова. Энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 1994. с. 280–284.
33. Лёсік Я. *Граматыка беларускае мовы. Фанетыка*. Мінск: [б. в.]; 1926. 132 с.
34. Бобрык УА. Абстрактныя назоўнікі-наватворы ў мове Янкі Купалы. *Беларуская лінгвістыка*. 1983;22:27–31.
35. Уласенка ЛМ, Струкава СМ. Мара здзейснілася. У: Станкевіч АА, рэдактар. *Слова і час. Навуковыя чытанні, прысвечаныя памяці прафесара У. В. Анічэнкі. Частка I*. Гомель: Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны; 2003. с. 16–23.
36. Лойка АА. «Жалейка». У: Шамякін ІП, рэдактар. *Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя; 1986. с. 214–215.
37. Багдановіч І. «Жалейка» Янкі Купалы як прадвесце маладой Беларусі. *Роднае слова*. 2008;3:6–8.
38. Тарасюк ЛК. «Сцёпка Жук». У: Шамякін ІП, рэдактар. *Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя; 1986. с. 579–580.
39. Калеснік УА. «Над магіламі». У: Шамякін ІП, рэдактар. *Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя; 1986. с. 424.

40. Калеснік УА. «Над сваёй Айчызнай». У: Шамякін ІП, рэдактар. *Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя; 1986. с. 426–427.
41. Radzik R. *Między zbiorowości etniczną a wspólnotą narodową*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2000. 301 s.
42. Шакун ЛМ. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Універсітэцкае; 1984. 319 с.
43. Лучыц-Федарэц П. Польская мова. У: Міхневіч АЯ, рэдактар. *Беларуская мова. Энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 1994. с. 425–427.
44. Багдановіч М. Глыбы і слаі. У: Багдановіч М. *Поўны збор твораў. Том 2*. Мінск: Навука і тэхніка; 1993. с. 185–192.

References

1. Zaprudski SM. [E. Karski as a researcher of Polish influence on Belarusian (based on the first volume of «Belarusians»)]. In: Bahdanovich IE, Svistunova MI, editors. *Belaruska-pol'skija mownyja, litaraturnyja, gistarychnyja i kul'turnyja suv'язi: da 220-god-dzja z dnja naradzhennja Adama Mickevicha* [Belarusian-Polish linguistic, literature, historic, and cultural relations: to the 220th anniversary of Adam Mickiewicz]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 228–240. Belarusian.
2. Zaprudski SM. *Gistoryja belaruskaga movaznawstva (1918–1941)* [History of Belarusian linguistics (1918–1941)]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 191 p. Belarusian.
3. Ljosik Ja. *Zbor tvoraw. 1921–1930* [Collection of works. 1921–1930]. Minsk: Logvinaw; 2003. 396 p. Belarusian.
4. Nkrashjievich SM. *Vybranyja navukovyja pracy* [Selected scientific works]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2004. 190 p. Belarusian.
5. Nkrashjievich S, Buzuk P, compilers. *Pragrama dlja zbirannja asablivascej belaruskich gavorak perahodnyh da susednih movav* [The programme for collecting features of Belarusian dialects transitional to neighboring languages]. Minsk: Instytut bielaruskaj kul'tury; 1927. 74 p. Belarusian.
6. Zaprudski SM. *Belaruskae movaznawstva i razvicio belaruskaj litaraturnaj movy: 1920–1930-ja gady* [The Belarusian linguistics and the development of the Belarusian standard language: 1920–1930s]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 367 p. Belarusian.
7. Vowk-Levanovich I. [About some main shortcomings of the Belarusian standard language]. *Arche*. 2010;11:354–380. Belarusian.
8. Vowk-Levanovich IV. [Most important features of the dialect spoken in village Tatarkavichy and dialects of surrounding]. In: Nkrashjievich S, editor. *Zapiski addzeli gumanitarnykh navuk. Kniga 2. Pracy klasa filologii. Tom 1* [Papers of humanities' department. Book 2. The works of philological class. Volume 1]. Minsk: Inbielkul't; 1928. p. 147–188. Belarusian.
9. Buzuk P, Macjukevich Ja, Jurgilevich P, compilers. *Anketa dlja zbirannja matjeryjalaw pa belaruskaj move* [The questionnaire for collecting materials on the Belarusian language]. Minsk: [s. n.]; 1931. 16 p. Belarusian.
10. Mozol'kov E. [Development of Belarusian literary language and works of Jakub Kolas]. *Druhba narodov*. 1952;3:267–276. Russian.
11. Shakun LM. *Narys gistoryi belaruskaj litaraturnaj movy* [The outline of the history of the Belarusian standard language]. Minsk: Dzjarzhawnae vuchhebna-pedagagichnae vydavectva Ministjerstva asvety BSSR; 1960. 223 p. Belarusian.
12. Zhyrkevich MI. [On the language of Ja. Kupala's comedy «Paulinka»]. In: Gilevich NI, editor. *Dasledavanni pa belaruskaj i ruskaj movah* [Research on Belarusian and Russian languages]. Minsk: Vydavectva Beldzjarzhuniversitjeta; 1958. p. 69–80. Belarusian.
13. Jarosh MH. *Dramaturgija Janki Kupaly* [Drama works of Janka Kupala]. Minsk: Vydavectva AN BSSR; 1959. 148 p. Belarusian.
14. Semjanovich AA. *Belaruskaja dramaturgija (dakastrychnicki peryjad)* [The Belarusian drama works (Pre-October period)]. Minsk: Vydavectva Akadzemiji navuk BSSR; 1961. 242 p. Belarusian.
15. Anichjenka U, Zhurawski A, compilers. *Pis'mennik i mova. Hrestamatyja* [The writer and language. Reader book]. Minsk: Vydavectva Ministjerstva vyshhejšaj, sjarjednaj, specyjal'naj i profesyjanal'naj adukacyi BSSR; 1962. 249 p. Belarusian.
16. Vankovich LA. [Some observations on the vocabulary of Kupala's collection «The little flute»]. *Vesci AN BSSR. Seryja hramadskich navuk*. 1964;1:103–112. Belarusian.
17. Sadowski PV. [The language of Janka Kupala]. In: Shamjakin IP, editor. *Janka Kupala. Jencyklapedychny davednik* [Janka Kupala. Encyclopedic handbook]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 1986. p. 404–405. Belarusian.
18. Barshchewski A. [Polish poems of Janka Kupala]. In: Kandracyuk M, editor. *Navukovy zbormik* [Scientific collection]. Białystok: Belaruskae gramadska-kul'turnae tavarystva w Pol'shchy; 1964. p. 153–179. Belarusian.
19. Kazbjaruk UM, Loika AA, Salamevich IU. [The Polish literature and Janka Kupala]. In: Shamjakin IP, editor. *Janka Kupala. Jencyklapedychny davednik* [Janka Kupala. Encyclopedic handbook]. Minsk: Belaruskaja saveckaja jencyklapedyja; 1986. p. 492–497. Belarusian.
20. Shatjernik M. *Krajovy slounik Červienščyny* [The regional dictionary of Chjerven' area]. Minsk: Instytut belaruskaj kul'tury; 2011. 317 p. Belarusian.
21. Kaspiarovich M. *Vicebski krajovy slownik* [Viciebsk regional dictionary]. Minsk: Instytut bielaruskaj kultury; 2011. 371 p. Belarusian.
22. Karskii EF. *Belorusy. Tom 2. Yazyk belorusskogo naroda. Kniga 2* [Belarusians. Volume 2. The language of Belarusian people. Book 2]. Minsk: Belorusskaya entsiklopediya imeni P. Brovki; 2006. 502 p. Russian.
23. Lomtev TP. *Belorusskii yazyk* [Belarusian language]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1951. 132 p. Russian.
24. Kozłowska-Doda J. *Tożsamość, losy i język najstarszych mieszkańców okolic Dociszek na Białorusi (na podstawie badań terenowych z przełomu XX i XXI w.)*. Lublin: Wydawnictwo Werset; 2021. 536 s.
25. Kramko II, Jurjevich AK, Janovich AI. *Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy. Tom II* [The history of the Belarusian standard language. Volume 2]. Minsk: Navuka i tjechnika; 1968. 342 p. Belarusian.

26. Gaponenka IA. *Leksika belaruskaj litaraturnaj movy XIX – pachatku XX st. Asablivasci stanawlennja i razviccja* [Vocabulary of the Belarusian standard language in the 19th – early 20th centuries. Formation and development]. Minsk: Belarusian State University; 2012. 307 p. Belarusian.
27. Tolstoi NI. *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov* [The history and structure of Slavonic standard languages]. Moscow: Nauka; 1988. 239 p. Russian.
28. Zaprudski SM. *Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy (1918–1941 gg.)* [The history of the Belarusian standard language (1918–1941)]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 115 p. Belarusian.
29. Dvarchanin I. *Hrjestamatyja novaj belaruskaj litaratury (ad 1905 goda)* [The reader of the new Belarusian literature (from 1905)]. Vil'nja: Belaruskaj vydaveckaj tavarystva; 1927. 498 p. Belarusian.
30. Zaprudski SM. [The development of the concept of the Belarusian standard language in the 1920s]. In: Prygodzich MR, editor. *Leksikalogija belaruskaj movy w dasledavannjah i kamentaryjah* [Lexicology of the Belarusian language in research and commentaries]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 5–62. Belarusian.
31. Zaprudski SM. The linguistic study of works of Janka Kupala and Jakub Kolas in 1920–50s]. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;3:5–18. Belarusian.
32. Kawrus AA. [Janka Kupala]. In: Mihnevich AJa, editor. *Belaruskaja mova. Jencyklapedyja* [Belarusian language. Encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja Petrusja Browki; 1994. p. 280–284. Belarusian.
33. Losik Ja. *Gramatyka belaruskaj movy. Fanetyka* [The grammar of the Belarusian language. Phonetics]. Minsk: [s. n.]; 1926. 132 p. Belarusian.
34. Bobryk UA. [Coining words in Janka Kupala's language (on the material of abstract nouns)]. *Belaruskaja lingvistyka*. 1983;22:27–31. Belarusian.
35. Ulasenka LM, Strukava SM. [The dream came true]. In: Stankevich AA, editor. *Slova i chas. Navukovyja chytanni, prysvechanyja pamjaci prafesara U. V. Anichjenki. Chastka I* [Word and time. Scientific readings in memory of professor U. V. Anichjenka. Part 1]. Homiel: Francisk Skorina Gomel State University; 2003. p. 16–23. Belarusian.
36. Loika AA. [«The little flute»]. In: Shamjakin IP, editor. *Janka Kupala. Jencyklapedychny davednik* [Janka Kupala. Encyclopedic handbook]. Minsk: Belaruskaja saveckaja jencyklapedyja; 1986. p. 214–215. Belarusian.
37. Bahdanovich I. [«The little flute» collection by Janka Kupala as a precursor of young Belarus]. *Rodnae slova*. 2008;3:6–8. Belarusian.
38. Tarasjuk LK. [«Scjopka Žuk»]. In: Shamjakin IP, editor. *Janka Kupala. Jencyklapedychny davednik* [Janka Kupala. Encyclopedic handbook]. Minsk: Belaruskaja saveckaja jencyklapedyja; 1986. p. 579–580. Belarusian.
39. Kalesnik UA. [«Over the graves»]. In: Shamjakin IP, editor. *Janka Kupala. Jencyklapedychny davednik* [Janka Kupala. Encyclopedic handbook]. Minsk: Belaruskaja saveckaja jencyklapedyja; 1986. p. 424. Belarusian.
40. Kalesnik UA. [«Over own homeland»]. In: Shamjakin IP, editor. *Janka Kupala. Jencyklapedychny davednik* [Janka Kupala. Encyclopedic handbook]. Minsk: Belaruskaja saveckaja jencyklapedyja; 1986. p. 426–427. Belarusian.
41. Radzik R. *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 2000. 301 s.
42. Shakun LM. *Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy* [The history of the Belarusian standard language]. Minsk: Universyteckaj; 1984. 319 p. Belarusian.
43. Luchyc-Fedarjec II. [The Polish language]. In: Mihnevich AJ, editor. *Belaruskaja mova. Jencyklapedyja* [Belarusian language. Encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja Petrusja Browki; 1994. p. 425–427. Belarusian.
44. Bahdanovich M. [Depths and layers]. In: Bahdanovich M. *Powny zbor tvoraw. Tom 2* [The complete collection of works. Volume 2]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1993. p. 185–192. Belarusian.

УДК 82–312.2

ТОПОСЫ СМЕРТИ В РОМАНЕ Э. СИБОЛД «МИЛЫЕ КОСТИ»

Н. С. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Э. Сиболд не только делает мотив смерти центральным в романе «Милые кости», но и представляет идею смерти в религиозном контексте, несвойственном американской реалистической детской, подростковой и молодежной литературе второй половины XX – XXI в. Христианские культурные установки и средневековая картина мира влияют как на семантику этого мотива, так и на структурную организацию пространства текста. Рассматриваются топосы подвала, землянки, заваленной шахты, родного дома, школы, городка и леса. Топосы смерти в горизонтальном и вертикальном срезе анализируются в ракурсе теории трехчастного пространства (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров). Значимую роль в интерпретации семантики и прагматики топосов смерти играют дихотомии *свой – чужой, страдание – блаженство, земля – небеса, ад – рай, притягательный – скучный* и др. Для их реализации Э. Сиболд апеллирует к средневековому менталитету, а также к концепции чистилища раннего Нового времени. Исследуются аксиологический потенциал романа и способность современного молодого человека принять данность мира в его красоте и ужасе. Осознание своей отдельности и самости, смирение с необратимостью смерти, признание существования «мира без меня» и обретение радости за другого человека предопределяют финал произведения – метафорический переход героини из чистилища в рай. Обозначается связь прагматики романа с новейшими теориями современной философии.

Ключевые слова: пространство; топос; проблемный реалистический подростковый и молодежный роман; мотив смерти; отказ от субъектоцентрической картины мира; постмодернизм; средневековая картина мира; религиозный контекст; христианские культурные установки; аксиология; Ю. М. Лотман; В. Н. Топоров; Э. Сиболд.

Образец цитирования:

Зелезинская НС. Топосы смерти в романе Э. Сиболд «Милые кости». *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;3:26–40.

For citation:

Zelezinskaya NS. Topos of death in the novel «The lovely bones» by A. Sebold. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;3:26–40. Russian.

Автор:

Наталья Станиславовна Зелезинская – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natalia S. Zelezinskaya, senior lecturer at the department of theory and practice of translation, faculty of social and cultural communication.
zelennew@tut.by
<http://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ТОПАСЫ СМЕРЦІ Ў РАМАНЕ Э. СІБАЛД «МІЛЫЯ КОСЦІ»

Н. С. ЗЕЛЯЗІНСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Э. Сібалд не толькі робіць матыў смерці цэнтральным ў рамане «Мілыя косці», але і паказвае ідэю смерці ў рэлігійным кантэксце, неўласцівым амерыканскай рэалістычнай дзіцячай, падлеткавай і моладзевай літаратуры другой паловы XX – XXI ст. Хрысціянскія культурныя ўстаноўкі і сярэдневяковая карціна свету ўплываюць як на семантыку гэтага матыву, так і на структурную арганізацыю прасторы тэксту. Разглядаюцца топасы падвала, зямлянкі, заваленай шахты, роднага дома, школы, гарадка і лесу. Топасы смерці ў гарызантальным і вертыкальным зрэзе аналізуюцца ў ракурсе тэорыі трохчасткавай прасторы (Ю. М. Лотман, В. М. Тапароў). Значную ролю ў інтэрпрэтацыі семантыкі і прагматыкі топасаў смерці выконваюць дыхатаміі *свой – чужы, пакуты – шчасце, зямля – нябёсы, пекла – рай, прыцягальны – нудны* і інш. Для іх рэалізацыі Э. Сібалд апелюе да сярэдневяковага менталітэту, а таксама да канцэпцыі чыстца ранняга Новага часу. Даследуюцца аксіялагічны патэнцыял рамана і здольнасць сучаснага маладога чалавека прыняць дадзенае свету ў яго прыгажосці і жаху. Усведамленне сваёй асобнасці і самасці, пакора з незваротнасцю смерці, прызнанне існавання «свету без мяне» і здабыццё радасці за іншага чалавека прадвызначаюць фінал твора – метафарычны пераход гераіні з чыстца ў рай. Пазначаецца сувязь аксіялогіі матыву смерці з найноўшымі тэорыямі сучаснай філасофіі.

Ключавыя словы: прастора; топас; праблемны рэалістычны падлеткавы і моладзевы раман; матыў смерці; адмова ад суб'ектацэнтрчнай карціны свету; эстэтыка постмадэрнізму; сярэдневяковая карціна свету; рэлігійны кантэкст; хрысціянскія культурныя ўстаноўкі; аксіялогія; Ю. М. Лотман; В. М. Тапароў; Э. Сібалд.

TOPOS OF DEATH IN THE NOVEL «THE LOVELY BONES» BY A. SEBOLD

N. S. ZELEZINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

A. Sebald not only makes the motif of death central in the novel «The lovely bones», but also presents the idea of death in the unusual for American realistic children's, teenage and youth literature of the second half of the 20th – 21st centuries religious context. Christian cultural attitudes and the medieval picture of the world influence not only the semantics of this motif, but also the structural organisation of the text space. Such topos as a basement, a dugout, a littered mine, a home, a school, a town and a forest are considered. Topos of death in a horizontal and vertical section are analysed from the perspective of a three-part space (Yu. M. Lotman, V. N. Toporov). A significant role in the interpretation of the semantics and pragmatics of topos of death is played by the dichotomies of *one's own – someone else's, suffering – bliss, earth – heaven, hell – paradise, attractive – boring*, etc. To implement them, A. Sebald appeals to the medieval mentality, as well as to the concept of purgatory of early modern period. The axiological potential of the novel and the ability of a modern young person to accept the reality of the world in all its beauty and horror are explored. Awareness of one's separateness and selfhood, resignation to the irreversibility of death, recognition of the existence of a «world without me» and finding joy for another person predetermine the finale of the novel – the heroine's metaphorical transition from purgatory to paradise. The connection between the pragmatics of the novel and the latest theories of modern philosophy is indicated.

Keywords: space; topos; problem realistic teenage and youth novel; the motif of death; renunciation from the subjective picture of the world; aesthetics of postmodernism; medieval picture of the world; religious context; Christian cultural attitudes; axiology; Yu. M. Lotman; V. N. Toporov; A. Sebald.

Введение

«Милые кости» – первый автобиографический роман Элис Сиболд, который представляет собой исследование женской души, навсегда травмированной подростковым опытом. Произведение моментально привлекло внимание критиков и читателей. Так, в 2002 г. оно было удостоено премии Брэма Стокера в номинации «Дебютный роман», а в 2003 г. – премии Американской ассоциации книготорговцев в номинации «Книга года для взрослых». Роман был экранизирован в 2005 г. и поставлен на сцене театра *Royal & Derngate* (Нортгемптон) в 2018 г.

Причиной успеха этого текста является удивительное мастерство писательницы, которая благодаря нетривиальному подходу к сюжету сумела раскрыть очень сложную тему и избежать банальности и пафосности, обычных в романах о детских трагедиях¹.

Привлечение автобиографического материала, написание нехудожественной книги «Счастливая» и многолетняя волонтерская борьба с преступлениями против несовершеннолетних позволили Э. Сиболд объективно осветить такие проблемы, как насилие над ребенком и его смерть, низкая раскрываемость преступлений, совершенных в отношении детей, и дисфункциональность американской семьи, а также обратиться к сознанию и чувствам читателей, пробудить в них эмпатию и сохранить баланс между негативным миром зла и светлым миром детства и юношества. Критики характеризуют произведение как прекрасную и светлую книгу об ужасных событиях². Благодаря этому парадоксальному и на тот момент непривычному сочетанию семантики и прагматики основных мотивов роман поднялся на верхние позиции рейтингов и стал бестселлером. Стоит отметить, что миллионный тираж был распродан в первый месяц после издания текста, причем для этого не потребовались громкая реклама и продвижение продукта в телепередачах типа «Шоу Опри Уинфри»³. Авторы множества противоречащих друг другу рецензий на произведение стремились свести его к устойчивым характеристикам.

Несомненно, в прагматическом аспекте роман «Милые кости» Э. Сиболд является тенденциозным для американской детской, подростковой и молодежной литературы XXI в. С 1900-х по 1910-е гг. происходит расцвет жанра проблемного реалистического подросткового и молодежного романа [1]. Авторы описывают трудности жизни в современном глобальном обществе и освещают попытки девушек и юношей преодолеть травматический опыт (смерть близкого человека, депрессия, суицидальные попытки, смертельная болезнь, теракт, стрельба в школе, война и т. п.). В интервью газете *The Guardian* Э. Сиболд отметила, что она повествует о насилии, потому что оно является частью жизни, и подчеркнула, что нельзя отделять тех, кто подвергся насилию, от тех, кого оно обошло стороной⁴. Хотя Э. Сиболд сделала тему насилия центральной в романе, мотив смерти в нем выходит на первый план (недаром в названиях большинства рецензий на книгу фигурируют слово «смерть» и выражение «жизнь после смерти»⁵). Этому способствуют многозначность, нетривиальная структура, актуальная современному американскому менталитету прагматика, а также непривычная форма повествования, которое ведет с небес погибшая девочка-подросток. Важно отметить, что Э. Сиболд не изобрела нарративный прием, при котором рассказчиком является умерший человек. Он использовался во многих известных текстах (например, в романе У. Фолкнера «Когда я умираю») и не мог не быть знаком писательнице, получившей профессиональное образование. Однако автор настоящей статьи полагает, что обновление интереса ученых к этому приему связано непосредственно с книгой Э. Сиболд «Милые кости», поэтика которой отразилась в таких произведениях подростковой и молодежной литературы, как романы Дж. Эшера «Тринадцать причин почему», М. Элбома «На небесах ты встретишь пятерых» и др. Более широко об этом литературном феномене говорит М. Этвуд [2].

Кроме того, интерес к роману Э. Сиболд «Милые кости» вызван тем, что в нем идея смерти представлена в религиозном контексте, несвойственном американской реалистической детской, подростковой и молодежной литературе XX и XXI вв. Многочисленные читатели говорят о христианском уте-

¹ Достичь того же не удалось П. Р. Джексону – режиссеру, прославившемуся экранизацией трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» и снявшему фильм по роману Э. Сиболд «Милые кости». Согласно агрегатору рецензий *Rotten Tomatoes* рейтинг кинокартины П. Р. Джексона, основанный на 246 отзывах зрителей, составляет 32 %. Средняя оценка экранизации – 4,99 из 10,00 баллов. Критики считают, что фильм наполнен типично ослепляющими образами режиссера, но страдает от резких переходов между ужасающим насилием и надоедливой сентиментальностью (*The lovely bones* [Electronic resource]. URL: https://www.rottentomatoes.com/m/1189344-lovely_bones (date of access: 01.07.2021)).

² Donaldson K. Why Peter Jackson failed so hard with «The lovely bones» [Electronic resource]. URL: <https://www.syfy.com/syfy-wire/why-peter-jackson-failed-so-hard-with-the-lovely-bones> (date of access: 06.09.2021).

³ Darby A. Publishing weekly talks with Alice Sebold [Electronic resource]. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/33797-pw-talks-with-alice-sebold.html> (date of access: 11.09.2021).

⁴ Viner K. Above and beyond [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2002/aug/24/fiction.features> (date of access: 21.10.2021).

⁵ Smith A. A perfect afterlife [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2002/aug/17/fiction.alismith> (date of access: 08.08.2021); Hensher Ph. An eternity of sweet nothings [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2002/aug/11/fiction.features2> (date of access: 20.10.2021); Death and afterlife in «The lovely bones» [Electronic resource]. URL: <https://relevantmagazine.com/culture/19466-death-and-afterlife-in-the-lovely-bones/> (date of access: 08.02.2022); Abramovitz R. Building an afterlife [Electronic resource]. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-nov-01-ca-bones1-story.html> (date of access: 08.02.2022); Richardson E. Reading Room: «The lovely bones». After life [Electronic resource]. URL: <https://www.oprah.com/omagazine/alice-sebolds-book-the-lovely-bones> (date of access: 08.02.2022); Kakutani M. Books of the times. The power of love leaps the great divide of death [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2002/06/18/books/books-of-the-times-the-power-of-love-leaps-the-great-divide-of-death.html> (date of access: 08.02.2022).

шении, которое принесло им произведение⁶. В этом отношении удивительно то, что писательница не уверена в том, верит ли она в Бога и в жизнь после смерти⁷.

Таким образом, книга Э. Сиболд, с одной стороны, является успешным и ярким примером жанра проблемного реалистического подросткового и молодежного романа, а с другой стороны, обновляет семантику мотива смерти.

Материалы и методы исследования

Актуальность проблем, поднимаемых в произведении и значимых для современного общества, сложная мотивика и своеобразная поэтика предопределили исследовательский интерес к роману Э. Сиболд «Милые кости». Наибольшее внимание литературоведов привлекли женские образы, причем в подобных публикациях⁸ [3–5] гендерные вопросы рассматриваются в рамках феминизма. Так, К. Велинг-Джорджи анализирует образы второстепенных персонажей (мать, сестра) и приходит к выводу о том, что фемининность и материнство являются ключом к событиям, последовавшим после убийства главной героини [5].

Другие ученые исследуют мотивы насилия, травмы, молчания, жизни после смерти, потери близкого человека, преступления и наказания, спасения и жертвы, семьи и брака. Например, В. Буфаччо и Дж. Джилсон выступают против интерпретации насилия как действия, так как в этой трактовке акцент делается на насильнике как на акторе. Представление насилия в качестве опыта позволяет перенести внимание на жертву и с феноменологической точки зрения говорить о вневременности и неопределенности последствий насилия, другими словами, о его волновом эффекте [6, р. 31]. Смещение фокуса с интерпретации насилия как действия на его восприятие как опыта можно рассматривать в контексте принципиальной оппозиции феминизма патриархальным установкам Нового времени, переход к которым произошел в эпоху Ренессанса. Например, повествование о Лукреции имеет десятки художественных трактовок, и лишь У. Шекспир делает акцент на образе насильника. Многие исследователи творчества этого английского писателя отмечают, что главным героем его поэмы «Лукреция» является Тарквиний, проработке характера и описанию чувств и сомнений которого уделяется особенно много внимания. Тарквиний осознает противозаконность и аморальность своих действий, колеблется и уговаривает себя отказаться от замысла склонить Лукрецию к измене. Это позволило С. Хайнсу затронуть вопрос о том, как воздействовало на Тарквиния его решение изнасиловать Лукрецию, и рассмотреть насильника как жертву, лишаящуюся духовных качеств в результате собственного насильственного акта [7]. Установившаяся в раннее Новое время традиция интерпретации насилия оставалась актуальной вплоть до конца XX в.

В ракурсе дихотомии *насильник – жертва* образы героев рассматривает также С. Уитни [8]. В свою очередь, Ш. Ахмад анализирует проблему молчания жертвы с позиции гендерных ролей, показывает, как безмолвие влияет на дальнейшую жизнь человека, подвергнувшегося насилию, и приходит к выводу об иррадирующем разрушительном эффекте изнасилования, который затрагивает многих людей [9].

Повествовательные стратегии романа Э. Сиболд «Милые кости» привлекли внимание нарратологов⁹ [10–11]. Так, И. Каллус рассматривает стратегические возможности, которые предоставляет писателю выбор в качестве рассказчика умершего протагониста (исследователь обозначает рассказ о собственной смерти термином «танатография») [12, р. 428]. Между тем К. Борг объясняет связь между мотивом травмы и приемом мертвого нарратора следующим образом: «Если обычно литература говорит о психологической травме, то мертвый нарратор возвращает нас к физической буквальности, показывает, что сексуальное насилие не ограничивается душевной болью, но является разрывом всего»¹⁰ [11, р. 451]. Кроме того, К. Борг указывает на парадокс, в соответствии с которым повествовательная стратегия мертвого нарратора (по умолчанию смерть должна разрушать автонарратив) позволяет оказать психологическую помощь герою: «Автор позволяет рассказчику не только поведать свою историю, но и обрести контроль над травмой» [11, р. 451].

Ряд исследований посвящены другим сторонам поэтики романа Э. Сиболд «Милые кости», а именно мотивике и стилистике текста [3; 13]. Так, К. Борг рассуждает о семантике мотивов травмы, воли, гнева, отчуждения и изоляции, а также о комплексе вины, потере голоса и моральной позиции героев [11], а Э. Шивани – о мотиве спасения [14, р. 43].

А. Беннетт полагает, что «...мертвый нарратор – это манифестация встречи (разножанровых. – Н. З.) мотивов убийства и ожившего призрака. Что-то в этой комбинации очевидно апеллирует к современным

⁶Darby A. Publishing weekly talks with Alice Sebold...

⁷Ibid.

⁸Pertiwi M. The portrayal of women in Alice Sebold's «The lovely bones» [Electronic resource]. URL: <http://etheses.uin-malang.ac.id/28765/1/17320111.pdf> (date of access: 11.02.2022).

⁹Rizki A. Maturation beyond the grave: a narratology reading to Susie Salmon in Alice Sebold's «The lovely bones» [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/52578663/Maturation_Beyond_the_Grave_A_Narratology_Reading_to_Susie_Salmon_in_Alice_Sebolds_The_Lovely_Bones (date of access: 07.02.2022).

¹⁰Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Н. З.

чувствительности и интересам»¹¹ [15, р. 100]. Эта встреча позволяет читателям задуматься об устройстве того, что будет после смерти. По мнению ученого, роман Э. Сиболд «Милые кости» обрел популярность благодаря тому, что образ небес в нем является неким компромиссом между высококультурными и обывательскими представлениями о загробной жизни. Мертвый нарратор «открывает путь к фамильярному обращению» с образом небес и пастишу [15, р. 98].

К религиозному прочтению обращаются многие литературоведы, но наиболее подробно на этом вопросе останавливаются С. Кайе и М. Сафдари [16]. Предметом их внимания является симулякр небес, концепции Бога и Диснейленда с позиций деконструкции. Автор настоящей статьи преследует схожую цель – выявление эксплицитных и имплицитных смыслов романа Э. Сиболд «Милые кости» путем рассмотрения его художественного пространства. Однако в данной работе, во-первых, объект анализа не ограничивается местом пребывания Сюзи (характеризуется все пространство текста), а во-вторых, исследование происходит с опорой на теоретические выводы о данной категории художественного произведения и методологические принципы ее изучения, разработанные в трудах М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова.

Автор настоящей статьи исходит из того, что литература многообразно отражает реальность и так или иначе преображает ее. Следовательно, пространство является главнейшей категорией этого вновь созданного мира. В рамках произведения оно наделяется аксиологическими смыслами (так, традиционно оппозиция *высокий* – *низкий* соотносится с оппозицией *хороший* – *плохой*). Под художественным пространством Ю. М. Лотман понимает «модель мира данного автора» и утверждает, что «язык пространственных представлений в литературном творчестве принадлежит к первичным и основным» [17, с. 414]. Таким образом, пространство художественного произведения по меньшей мере двухслойное. Иными словами, оно может быть интерпретировано с точки зрения как его физических характеристик (в терминах реальности или нереальности), так и менталитета (в силу антропоцентричности текста). Об этой двухслойности говорит В. Н. Топоров, которому принадлежит наиболее разработанная теория пространственности в культуре. Исследователь отмечает, что «...вся проблема соотношения пространства и текста приобретает существенно различный вид в зависимости от того, понимается ли пространство по-ньютоновски, т. е. как нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися (пространство как “чувствилище бога”, как орган ощущения вещного мира), или оно понимается в соответствии с идеями Лейбница, т. е. как нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей. Тем не менее оба варианта философского решения проблемы пространства (“пустое” пространство или “объектно-заполненное” пространство) кажутся ущербными, поскольку каждый из них удовлетворительно отвечает лишь на часть вопросов, в которых понятие пространства призвано бросить луч света на другие важные конструкты (включая и текст)» [18, с. 319]. Очевидным следствием рассуждений ученого является комплексное решение методологической задачи.

Ввиду необходимости учитывать имманентную многослойность интерпретации категории пространства одним из наиболее продуктивных представляется контекстуальный подход. В соответствии с ним для анализа конкретного художественного произведения исследователь с позиций современной философии оценивает потребность в исторической объективности и ее потенциал. В контексте данной работы актуальной является позиция А. А. Гугнина – основателя полоцкой научной школы «Историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы». Ученый полагает, что «историко-контекстуальный подход позволяет четко систематизировать религиозные, политические, социокультурные, социолингвистические и прочие многочисленные различия локальных контекстов литературного развития» [19, с. 6]. Посредством анализа их влияния на объект исследования настоящей статьи (мотив смерти в романе «Милые кости») можно объяснить неоднородность и противоречивость идей Э. Сиболд, которые зачастую наблюдаются в литературе XX–XXI вв. в рамках одного жанра и даже произведения. Литературоведческий контекстуальный анализ предполагает включение разноречивых и разномасштабных аспектов жизни и характеристик менталитета данного общества в определенный, качественно выделенный, отрезок времени в целях выявления влияния ряда культурных установок на определенную идею (в данном случае на идею смерти) и ее художественное воплощение.

Результаты и их обсуждение

В романе Э. Сиболд «Милые кости» пространство расслаивается на земное и небесное. Земное пространство населяют мама, папа, сестра и братишка главной героини, ее одноклассники, друзья и соседи, а также мистер Гарви (убийца девочки). В небесном пространстве обитает сама Сюзи, наблюдая за

¹¹Под словом «современные» А. Беннетт понимает вкусы Нового времени, поскольку соединение мотивов убийства и ожившего призрака характерно уже для эпохи Возрождения (см. пьесы У. Шекспира «Гамлет», «Юлий Цезарь» и др.).

расследованием своей смерти и малоуспешными попытками семьи преодолеть травму потери близкого человека:

My name was Salmon, like the fish; first name, Susie. I was fourteen when I was murdered on December 6, 1973 [20].

‘Меня звали Сьюзи Сэлмон, Сэлмон как лосось. Мне было 14 лет, когда я была убита 6 декабря 1973 года’.

Художественное пространство многих текстов мировой литературы организовано на основе оппозиции *небесная жизнь – земная жизнь* (Библия, поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай», Данте «Божественная комедия»). Аксиологически это всегда оппозиция *добро – зло*. Таким образом, пространство романа Э. Сиболд «Милые кости» апеллирует к христианской (в значительной мере к средневековой) традиции. Кстати, в Новое время примеров такой организации художественного пространства меньше. Характеризуя некоторые отличительные черты средневекового пространства, Ю. М. Лотман делает акцент на том, что в этой системе мышления категория земной жизни является оценочной и противостоит категории небесной жизни. По мнению ученого, «понятия нравственной ценности и локального расположения выступают слитно: нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный» [21, с. 242]. Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду.

С небес Сюзи наблюдает за земной жизнью, которая представляется ей кипучей, интересной, смертельно опасной и несправедливо отобранной у нее, и комментирует происходящее. Девочке очевидно, что ее родители бессильны и маньяк не пойман, а близкие не справляются с потерей, потому что ребенок умер насильственной смертью. Семья избегает разговоров о Сюзи и своих переживаниях. Темы смерти, убийства и изнасилования, которые традиционно вызывают чувство стыда, до сих пор замалчиваются обществом, даже людьми, вовлеченными в трагедию, что приводит к дальнейшим бедам. Члены семьи боятся произносить даже имя Сюзи, недомолвки отдалают их друг от друга. Мама девочки не может принять реальность, изменяет мужу и, бросив все, уезжает работать на виноградные плантации в Калифорнию, чтобы забыться. Папа, наоборот, одержим Сюзи и с трудом замечает живых детей. Он настолько поглощен поисками маньяка, что исключительно интуитивно угадывает его, бежит в поле, чтобы убить (потому что полиция не верит в его версию), насккивает на подростков, занимающихся сексом, получает по колену своей же битой и становится инвалидом. Испуганный мистер Гарви скрывается в неизвестном направлении. Бакли видит призрак Сюзи, общается с ней в своем воображении, строит для нее крепость, но в целом под опекой бабушки Линн и бойфренда Линдси, его сестры, на удивление хорошо справляется с потерей. Линдси же пришлось тяжелее всех: при виде нее все думают о Сюзи, а ее саму будто не видят. Девушку спасает любовь, победившая фобии, горе и неуверенность героини в себе. Время идет, и читатели понимают, что расследование уже не ведется, и постепенно вместе с рассказчицей с головой погружаются в жизнь тех, кто остался там, внизу, на земле.

Детективная линия окончательно замирает. С точки зрения жанра роман Э. Сиболд «Милые кости» нельзя определить как детектив не только потому, что убийца известен сразу (вопрос лишь в том, раскроют ли его преступление герои), но и потому, что сама идея расследования иронизируется:

My favorite teacher was Mr. Botte, who taught biology and liked to animate the frogs and crawfish we had to dissect by making them dance in their waxed pans.

I wasn't killed by Mr. Botte, by the way. Don't think every person you're going to meet in here is suspect. That's the problem. You never know. Mr. Botte came to my memorial (as, may I add, did almost the entire junior high school – I was never so popular) and cried quite a bit. He had a sick kid. <...>

My murderer was a man from our neighborhood. My mother liked his border flowers, and my father talked to him once about fertilizer. My murderer believed in old-fashioned things like eggshells and coffee grounds, which he said his own mother had used. My father came home smiling, making jokes about how the man's garden might be beautiful but it would stink to high heaven once a heat wave hit [20].

‘Моим любимым учителем был мистер Ботт, который на своих уроках биологии развлекался тем, что учил нас препарировать лягушек и раков, а потом при помощи электродов заставлял их дергаться.

Сразу скажу: убил меня вовсе не мистер Ботт. Не стоит думать, будто каждый новый человек, о ком здесь пойдет речь, окажется в числе подозреваемых. Вовсе нет. Просто чужая душа – потемки. Мистер Ботт пришел на мою панихиду (там, кстати, собралась почти вся школа – раньше я и мечтать не могла о такой популярности) и даже прослезился. У него тяжело болела дочка. <...>

Тот, кто меня убил, жил в нашем квартале. Мама восхищалась его цветочными бордюрами, и отец как-то у него поинтересовался, чем их лучше удобрять. Оказалось, убийца использовал только старые, проверенные средства, такие как яичная скорлупа и кофейная гуща; сказал, что этому его научила матушка. Вернувшись домой, отец с ехидной улыбкой приговаривал: цветочки – дело хорошее, спору нет, но в жару от них пойдет такой дух, что небесам будет тошно’ [22].

Постепенно детективная составляющая произведения и его сюжет теряют значение. На первый план выходит эмотивное пространство, воплощенное в душном замкнутом мирке Норристауна. Его физическая и метафорическая ограниченность подчеркнута несбыточными мечтами Линдси и ее бойфренда (они выбирают колледж, но так никуда и не уезжают), а также письмами мамы. Она шлет их из всех штатов, через которые проезжает, и рассказывает про достопримечательности. Но о чем бы ни говорилось в этих письмах, суть одна: героиня бросила семью и уехала, она там, а ее близкие тут. Горькая ирония состоит в осознании мамой Сюзи бессмысленности перемещений, которые лишь ярче показывают, что географическая и психологическая свободы не тождественны.

Описывая распавшуюся на отдельные истории жизнь семьи, Сюзи создает в повествовании несколько семантических центров. Однако каждый из них является центростремительным по отношению к одному объекту – дому. Это важнейшая точка земного пространства, обладающая наибольшей степенью аксиологической значимости. В доме находится все самое важное, родное, теплое и доброе для Сюзи: семья, ее комната и личные вещи. Степень чуждости возрастает по мере удаления от центра, т. е. от родного и безопасного (дом Сюзи), и приближения к непонятному (своеобразно устроенные быт и отношения в домах Рэя и Рут), тревожному (школа), опасному (дом мистера Гарви) и ужасному (кукурузное поле).

Ужас сосредоточен на периферии эмотивного пространства, но он никогда не отступает до конца, напоминает о прошлых и будущих жертвах мистера Гарви и других маньяков. В романе задействована лотмановская оппозиция *дом – антидом* [23]. Дом Сюзи рассматривается как «безопасное, культурное, охраняемое покровительственными богами» пространство, противопоставляемое «“антидому”, “лесному дому” (чужому, дьявольскому пространству, месту смерти)» мистера Гарви [23, с. 313]. Последнюю метафору можно прочесть буквально: это дом маньяка, куда он приносит тело, где играет браслетом, снятым с руки мертвой девочки, и строит планы новых убийств. Для большей наглядности Э. Сиболд противопоставляет дома семьи Сюзи и ее убийцы как по семантическому, так и по структурному признаку. Построенные по одинаковому проекту, они не похожи друг на друга, потому что наделены противоположными аксиологическими смыслами:

I knew the floor plan of Mr. Harvey's by heart. I had made a warm spot on the floor of the garage until I cooled. He had brought my blood into the house with him on his clothes and skin. I knew the bathroom. Knew how in my house my mother had tried to decorate it to accommodate Buckley's late arrival by stenciling battleships along the top of the pink walls. In Mr. Harvey's house the bathroom and kitchen were spotless. The porcelain was yellow and the tile on the floor was green. He kept it cold. Upstairs, where Buckley, Lindsey, and I had our rooms, he had almost nothing. He had a straight chair where he would go to sit sometimes and stare out the window over at the high school, listen for the sound of band practice wafting over from the field, but mostly he spent his hours in the back on the first floor, in the kitchen building dollhouses, in the living room listening to the radio or, as his lust set in, sketching blueprints for follies like the hole or the tent [20].

‘Планировку дома мистера Гарви я знала как свои пять пальцев. Сначала на полу в гараже оставалось мое теплое пятно, которое вскоре остыло. Он принес в дом мою кровь на собственной одежде и коже. Знала я и ванную. Сравнивала ее с ванной комнатой в нашем доме, которую мама постаралась отделать с учетом рождения позднего ребенка, Бакли: на розовых стенах появились нарисованные по трафарету изображения боевых кораблей. У мистера Гарви в кухне и ванной царил образцовый порядок. Вся сантехника – в желтоватых тонах, кафельные плитки на полу – зеленые. Отопление его не волновало. Наверху, там, где в нашем доме располагались детские, у него, по сути дела, было пусто. Иногда он опускался в жесткое кресло с прямой спинкой, смотрел из окна вдаль, за школьную крышу, и слушал, как на поле репетирует духовой оркестр, но большую часть времени все же проводил внизу: либо на кухне, где мастерил домики, либо в гостиной, где слушал радио или, когда подступала похоть, углублялся в чертежи землянок или шатров’ [22].

Однако характеристика дома мистера Гарви интересна с точки зрения не только атмосферы, но и наполненности пространства. Сюзи подробно описывает немногочисленные предметы мебели и обстановки: шезлонг, столик, будильник и металлическую полку. Каждая вещь нужна для чего-то, и мистер Гарви использует ее в определенное время своей размеренной уединенной жизни. Главная героиня отмечает, когда и как мистер Гарви пользуется этими предметами, подчеркивает отсутствие ковров и аксессуаров и часто использует слово *empty* ‘пустой’ по отношению к комнатам и этажам. Такое обозримое количество объектов со множеством деталей и ассоциаций, а также функции топоса дома отсылают к средневековому мировидению. По словам П. Бицилли, «...мир средневекового человека был

невелик, понятен, удобен и обозреваем. Все в этом мире было упорядочено и распределено по местам, всем и всему было указано собственное дело и собственная честь. Нигде не было пустых мест и проделов, не было также ничего ненужного и лишнего» [24, с. 462].

В христианском мировоззрении рассмотренное выше горизонтально ориентированное пространство является срединной частью вертикального пространства. Верхняя часть последнего представлена наблюдательным пунктом Сюзи – небесами. Как известно, начиная с позднего Средневековья менталитету человека все в большей степени становилось свойственно дихотомическое деление, что относится также к паре *небесная жизнь – земная жизнь* [25, с. 19]. В представлении язычников сакральное верхнее пространство богов организовано по аналогии со срединным пространством, и граница между ними проницаемая. Это проявляется в том, будто античные боги постоянно спускаются к людям, а также отражается в фольклорном мотиве лестницы в небо и т. д. Однако в позднее Средневековье и раннее Новое время связь небесного и срединного пространств постепенно теряется и небеса становятся недостижимыми. Это обусловлено тем, что культ святых и мучеников ослабевает, кладбища выносятся за черту города, макабрическая эстетика уходит, а смерть окончательно мыслится как необратимая [26]. В результате возникают дихотомии *небесное – земное, свое – чужое, грешное – святое, страдание – блаженство*. Стоит отметить, что Э. Сиболд добавляет к этому списку достаточно неожиданные и современные оппозиции: пусть небеса прекрасные, но они скучные и непонятно устроенные, тогда как земная жизнь, хотя она полна жестокости и слез, притягательная и интересная.

Неканоничность топоса небес в романе Э. Сиболд «Милые кости» выражена через категорию предметности. В структуре небесного пространства как симулякра, созданного Сюзи, С. Кайи и М. Сафдари выделяют элементы, привнесенные современной реальностью и менталитетом. К ним относятся игровые площадки наподобие школьных, газебо, качели и газеты. Вслед за Ж. Бодрийяром С. Кайи и М. Сафдари считают их частью Диснейленда [16]. Кроме того, небеса заполнены только теми объектами, которые Сюзи хочет там видеть. Их девочка могла знать по своей земной жизни. Таким образом, в романе Э. Сиболд «Милые кости» небеса теряют часть архетипической уникальности и сакральности и являются небесами четырнадцатилетней девочки [16]. По мнению исследователей, при помощи воображения Сюзи создает симулякр небес, который представляет собой гиперреальность, отражение Америки как Диснейленда с развлекательными парками, музеями и школой, идеализированное американское представление о небесах, скрывающее настоящие небеса и делающее реальное менее реальным, чем гиперреальное [16]. Современный религиозный и культурно-социальный контекст объясняет главное отступление от традиции в романе – отсутствие Бога, поскольку культурный опыт четырнадцатилетней американки из семьи атеистов бесконечно далек от церковного учения.

Зависимость образа небес от современного менталитета акцентирована тем, что Сюзи способна выдумать и привнести в свою небесную жизнь лишь нечто материальное, но обнять оставшуюся на земле маму или (что было бы логичнее) умершую бабушку она не может. Погибшая девочка как бы продолжает существовать на земле, а все ее мысли, стремления и заботы направлены на живых людей. В связи с этим вокруг Сюзи на небесах присутствует мало физических объектов: они ей не нужны, она не может отпустить брэнность земного существования и отдаться небесным делам. В концепции Э. Сиболд с небес можно рассмотреть любое место на планете, но нельзя ничего сделать (помочь или помешать кому-либо, подсказать что-либо). Сюзи является живым, но чувствует ее только подруга Рут, а из родных ей людей девочку видит лишь брат и порой сестра ощущает движение воздуха. Сюзи все время находится то с одним, то с другим членом своей семьи, то со всеми сразу, но они не замечают ее. На небесах же круг общения девочки очень ограничен, а расстояния такие огромные, что дойти куда-нибудь она не может, и это тревожит и пугает ее. Данные эмотивные смыслы усилены цикличностью художественного времени (в противовес линейному времени на земле).

Бесконечность, непознанность и открытость небес противопоставлены замкнутости Норристауна. Но эта дихотомия не распространяется на аксиологию пространства, не делает городок уютным и приветливым. Оба топоса наделены отрицательной модальностью. Это значит, что душа Сюзи не может обрести покой ни на небесах, ни на земле, поскольку нигде нет ее реального присутствия¹². Таким образом, хронотоп, который «всегда включает в себя ценностный момент» [28, с. 403], определяет образ девочки и помогает осмыслить аксиологию произведения.

Э. Сиболд помещает героиню на границе двух пространств, которая по функции ассоциируется с чистилищем, несмотря на то что это слово ни разу не упоминается в тексте романа. Однако

¹²Термин «реальное присутствие» (*real presence*) ввел Х. У. Гумбрехт [27, с. 12].

само название этого локуса очень точно указывает на происходящую с Сюзи трансформацию: она до тех пор будет сидеть в гамаке у домика и смотреть на свою семью, друзей, преступника и его потенциальных жертв, пока не очистит от них свои мысли, не освободится от земного притяжения и не сможет воссоединиться с умершими родственниками. Концепция чистилища также указывает на то, что, хоть в романе широко использованы средневековые культурные установки, Средневековые лишь отправная точка, пласт, на который наложены установки Нового времени (что неизбежно для писателя XXI в.).

Таким образом, Сюзи находится в неопределенности, на границе, которая, как известно, всегда имеет большúю аксиологическую значимость в художественном произведении. Следовательно, хоть героиня и мертва, она существует как персонаж, обладает устойчивыми чертами характера и определенной ценностной системой, развивается и является носителем эмотивных, денотативных и прагматических смыслов. В первую очередь прослеживается путь от субъективности к объективности, ведь граница, с одной стороны, не принадлежит ни этому, ни тому миру, а с другой стороны, принадлежит обеим культурам, соединяет и разделяет их одновременно. Пограничность состояния Сюзи, ее желание указать на улики, помочь сестре, неспособность вмешаться и в то же время тоска по умершему дедушке и стремление к нему указывают на неправильность и нестабильность этого состояния.

Логичным следствием нестабильности ситуации является проницаемость границы между небом и землей. Сюзи на одну ночь возвращается на землю в теле своей подруги Рут, которая обладает паранормальными способностями и всегда чувствует незримое присутствие убитой девочки. Кульминацией романа становится встреча Сюзи и Рэя. Вера в возможность перехода границы между миром живых и миром мертвых инкорпорирована в сознание европейцев до Нового времени. Позже произошел разрыв между этими мирами ввиду целого спектра событий: от вынесения кладбища за пределы города и изобретения концепции чистилища (позднее Средневековье) до отказа от омовения умерших родственников и распространения погребальных контор – буфера между живыми и мертвыми (вторая половина XX в.).

В формировании семантики романа «Милые кости» важнейшую роль играют и другие границы. Часто идея границы (пограничности) воплощается в топосе двери. Повествование постоянно фокусируется на входе героев в дом, их выходе из него, приходе посторонних, проникновении в чужое жилище или на прощании у дверей. Подобным образом Э. Сиболд указывает на роль дверей и окон, которые выступали в качестве своеобразной границы в процессе восприятия и оценки пространства, а также на их семантическую значимость для мотивов встречи, расставания, дороги, смерти и выбора.

Кроме того, Э. Сиболд обращается к функции средневекового дома, которая заключается в том, чтобы скрыть, спрятать и защитить его собственника от воздействия внешних (враждебных) сил и отгородиться от окружающего мира. В Средневековье двери оковывались железом, а окна закрывались плотными ставнями [29, с. 40–51]. Таков дом мистера Гарви. Стремление героя спрятаться за стенами и окнами гиперболизировано до странности. Чтобы не выделяться и следовать принятым в городке привычкам, он ставит несколько будильников: на время, когда все жители городка задергивают шторы и включают свет, и на время, когда они выключают его и ложатся спать. Огородившись замком и занавесками, убийца любит свои трофеи: детской туфелькой, подвеской для браслета и др. Жилище мистера Гарви – проход в другой мир, жуткий и смутно угадываемый всеми, кто туда попадает.

Наконец, в романе Э. Сиболд «Милые кости» реализована охранная функция дверей и окон. Линдси, желая убедиться в версии отца, прокрадывается в дом мистера Гарви через окно. Когда хозяин возвращается, девочка убегает, разбивает окно, выпрыгивает из него и перескакивает через забор, будто преодолевая границу подземного царства, которое не властно над ней за своими пределами. Разбитое окно символизирует нарушение тайны мистера Гарви и переломный момент детективной линии романа.

Художественную картину мира этого произведения нельзя рассматривать только в контексте оппозиции *небо – земля*. Необходимо учитывать нижний мир, ад, геенну. В символическом отношении этот топос – корни мирового древа (*arbor mundi*), его подземная часть. В романе под землей находится землянка. Мистер Гарви устраивает ее специально, чтобы заманить девочку, изнасиловать и убить. Таким образом, землянка соответствует аду с точки зрения не только пространства, но и семантики и аксиологии.

Средневековому человеку нижний мир, или ад, представляется замкнутым пространством, имеющим в качестве границы двери. Ему соответствует чрезвычайно тесная землянка в романе, а закрывающаяся дверь в нее выступает в качестве вестника смерти:

It was awkward to get into, that much he admitted once we were both inside the hole. But I was so amazed by how he had made a chimney that would draw smoke out if he ever chose to build a fire that the awkwardness of getting in and out of the hole wasn't even on my mind [20];

It was the size of a small room, the mud room in our house, say, where we kept our boots and slickers... [20];

...Mr. Harvey had to stoop [20];

I was so alive then. I thought it was the worst thing in the world to be lying flat on my back with a sweating man on top of me. To be trapped inside the earth and have no one know where I was [20].

‘Внутри было не повернуться, он и сам это признал, когда мы втиснулись в землянку. Но моим вниманием уже завладел искусно сделанный дымоход, который позволял при необходимости разводить под землей огонь, поэтому я уже и думать не думала, как неудобно было забираться внутрь и каково будет вылезать наружу’ [22];

‘Землянка была размером с чулан: у нас дома примерно в таком же закутке хранились плащи и резиновые сапоги...’ [22];

‘...Мистер Гарви сгибался в три погибели’ [22];

‘Но как-никак я была еще жива. Мне казалось: ничего не может быть ужаснее, чем лежать навзничь, придавленной потным мужским туловищем. Биться в подземной ловушке, о которой не знала ни одна душа’ [22].

В романе Э. Сиболд «Милые кости» действия, производимые героями на нижнем и верхнем уровнях, отвечают требованиям ритуальности. По мнению Е. Г. Кошкиной, «...все действия человека разворачиваются в границах культурного горизонта. Действия ниже или выше него имеют ритуально-мифологический смысл и запрещены в обыденной обстановке» [30, с. 137]. Исследователь подчеркивает, что «вертикальная структура дома иерархична и включена в иерархическую структуру мира» [30, с. 137]. Так, поцелуи с Рэем на декорациях школьного театра – единственный любовный опыт Сюзи, которой не дано повзрослеть. Это то небо, на которое рассчитывает каждая девочка и которого Сюзи лишится всего через несколько дней. Подвал дома мистера Гарви, как и землянка, наоборот, соотнесен с адом, кладбищем и подземным миром. Тут герой хранит мешок с костями убитых животных, любит ими и мечтает о новых жертвах. Там же стоят маленькие игрушечные домики, которые мистер Гарви делает на заказ, но у читателей они ассоциируются с гробами для убитых им девочек.

Еще одним пространством, тождественным аду, является старая заваленная шахта, куда жители поселка выбрасывают громоздкий мусор: старую бытовую технику, просиженные диваны и др. Туда же мистер Гарви отнес сейф с трупом Сюзи.

Таким образом, нижний мир представлен в романе тремя топосами: землянкой, подвалом и разломом в земле.

Особое пространство представлено лесом, куда добираются на мотоцикле Сэм и Линдси. Этот топос одновременно мыслится как вполне средневековый (слияние героев с природой) и символизирует инициацию юной пары, пересечение ими границы из детства во взрослость, которую никогда не сможет преодолеть Сюзи. Пространство леса апеллирует к летнему солнцестоянию, когда отмечается праздник Ивана Купалы – ночь любви, брачных обетов и гроз. В нем сливаются языческие и христианские традиции. Из юности в зрелость переходят друзья и близкие Сюзи: Кларисса с ее бойфрендом и Рут с Рэем. Это предопределяет дальнейший разрыв героини с миром живых. Однако окончательное пересечение через границы происходит лишь по принятии девочкой свершившегося с нею преступления как факта реальности. Она отпускает страхи, беспокойство, тревоги дольного мира, понимает и принимает конец своей жизни, обретая надежду и радость в горнем мире.

Несомненно, пространство в романе статичное. Однако периферийная динамика в нем присутствует. Анализ семантики мотива путешествия с точки зрения христианской и средневековой символики дает неожиданные результаты. Так, еще одним неканоническим, даже эпатажным решением Э. Сиболд является наделение некоторых персонажей функциями героев-странников. По мнению Ю. М. Лотмана, «...длительное путешествие увеличивает святость человека. Стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь. Разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение» [21, с. 240]. Первой путешественницей становится мама Сюзи, хотя внешне ее отъезд выглядит как побег. Но с учетом того, какие непостижимые страдания испытывает мать изнасилованного и убитого ребенка, всякие оценки ее эскапизма видятся автору настоящей статьи морально ущербными. Героиня в своем горе, несомненно, поднимается до уровня святой, мученицы, обреченной нести крест на Голгофу. Еще больше похоже на паломничество путешествие мистера Гарви, когда он вдруг начинает ездить по стране и посещать места убийств других девочек. Такое сюжетное решение не укладывается ни в какую логическую или оценочную систему, пока читатели не доходят

до слов Сюзи о прощении. В рамках христианской этики сюжетная развязка текста (ответ на вопросы о том, увидят ли в мистере Гарви убийцу, найдут и осудят ли его) не имеет значения, поскольку героя ждет высший суд и он неизбежен. Важны судьбы людей, вовлеченных в трагедию. В действительности именно их душевное здоровье и благополучие находятся в фокусе романа. Так, за счет снижения актуальности детективной линии выделяются религиозная и философская составляющие произведения.

В этом контексте переход от негативных эмотивных смыслов к оптимистическим (на первый взгляд, очень неожиданным в романе об изнасилованной и убитой девочке) становится понятным:

At some point, to counter the list of the dead, I had begun keeping my own list of the living. It was something I noticed Len Fenerman did too. When he was off duty he would note the young girls and elderly women and every other female in the rainbow in between and count them among the things that sustained him. That young girl in the mall whose pale legs had grown too long for her now-too-young dress and who had an aching vulnerability that went straight to both Len's and my own heart. Elderly women, wobbling with walkers, who insisted on dyeing their hair unnatural versions of the colors they had in youth. Middle-aged single mothers racing around in grocery stores while their children pulled bags of candy off the shelves. When I saw them, I took count. Living, breathing women [20].

‘В противовес списку мертвых, я в какой-то момент начала составлять свой личный список живых. Лен Фенэрмен, по моим наблюдениям, занимался тем же. В свободное от службы время он брал на заметку юных девушек и старух, а также каждую вторую женщину из тех, что расцвечивали собой весь возрастной спектр между этими двумя полюсами; таков был его путь к выживанию. Девочка-подросток в торговом центре: незагорелые ноги, куцее детское платьишко, щемящая незащищенность, которая запала в душу и мне, и Лену. Трясущиеся старушки с «ходунками»: упрямо красят волосы в ненатуральные оттенки своего бывшего натурального цвета. Немолодые матери-одиночки, которые мечутся по продуктовому отделу, не видя, что их детишки втихаря тащат с полок сладости. Заметив кого-нибудь из числа таких женщин, я пополняла свой список. Все они пока были целы и невредимы’ [22].

Пожалуй, именно этот переход от мрачной темы изнасилования к мотивам надежды, спокойствия, смирения, участия и заботы превратил роман Э. Сиболд в произведение с глубоким смыслом, отзвучившимся в сознании сегодняшних американцев: «“Милые кости” – это тревожная история, полная ужаса, смятения и глубокого, изматывающего горя. И все же она отражает трогательный, страстный интерес и любовь к обычной жизни, самой замечательной, самой ужасной и даже самой обыденной»¹³.

Ту же прагматику принятия, обращения к добру, надежде и свету продуцирует и закрепляет конец романа. Помимо прочего, в нем объясняется метафора названия произведения. Прежде чем уйти на небо, в рай, Сюзи размышляет о том, как ее семья и друзья нашли в себе силы жить дальше, а также о своем восприятии мира без нее (идея несубъектоцентрической картины мира XXI в.):

These were the lovely bones that had grown around my absence: the connections – sometimes tenuous, sometimes made at great cost, but often magnificent – that happened after I was gone. And I began to see things in a way that let me hold the world without me in it. The events my death brought were merely the bones of a body that would become whole at some unpredictable time in the future. The price of what I came to see as this miraculous body had been my life [20].

‘На месте пустоты, возникшей с моей гибелью, постепенно вырастали и соединялись милые косточки: одни хрупкие, другие – оплаченные немалыми жертвами, но большей частью дорогие сердцу. И я увидела вещи в ином свете: мне открылся мир, где нет меня. Обстоятельства, причиной которых стала моя смерть, – те самые косточки – обещали когда-нибудь обрасти плотью, стать единым телом. Ценой этому волшебному телу была моя жизнь’ [22].

Слова Сюзи выражают культурный код христианского смирения, в соответствии с которым утешение даруется за соблюдение человеком таких добродетелей, как любовь, прощение, покорность и жертвенность. К тем же аксиологическим смыслам (но вне христианской парадигмы) восходят романы Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко», Дж. Пиколт «Девятнадцать минут», Дж. Грина «Винноваты звезды», Дж. Эшера «Тринадцать причин почему», Э. Томас «Ненависть, которую порождаете вы» и многие другие лучшие произведения подростковой и молодежной литературы, хотя в основе семантики мотива смерти этих книг лежит идея фатальности.

Универсальность этих аксиологических установок очевидна не только при сравнении романа Э. Сиболд «Милые кости» с другими художественными текстами XXI в., но и на фоне религиозного контекста современного глобального общества, который представляет собой пеструю палитру. Несложно

¹³Kakutani M. Books of the times...

обнаружить, что ту же стратегию предлагают восточные религии. В романе идеи индуизма и буддизма воплощены в образе Рэя – друга Сюзи. Согласно этим учениям (в романе они представлены в смешанной форме и никогда не называются) прекратить страдания и достигнуть пробуждения, в котором жизнь видится такой, какая она есть на самом деле, можно путем разрушения привязанностей и иллюзий. Индуисты проповедуют отречение от мира, тогда как буддисты считают добродетелями сострадание, любовь и отношение к другому человеку как к самому себе:

What did dead mean, Ray wondered. It meant lost, it meant frozen, it meant gone. He knew that no one ever really looked the way they did in photos. He knew he didn't look as wild or as frightened as he did in his own. He came to realize something as he stared at my photo – that it was not me. I was in the air around him, I was in the cold mornings he had now with Ruth, I was in the quiet time he spent alone between studying. I was the girl he had chosen to kiss. He wanted, somehow, to set me free. He didn't want to burn my photo or toss it away, but he didn't want to look at me anymore, either. I watched him as he placed the photograph in one of the giant volumes of Indian poetry in which he and his mother had pressed dozens of fragile flowers that were slowly turning to dust [20].

‘Что значит «умерла», размышлял Рэй. Пропала, застыла, исчезла. Он знал, что на фотографиях все выглядят не так. Он знал, что сам всегда выходит каким-то безумным, испуганным. Глядя на мою фотографию, он окончательно убедился: это – не я. Я витала в воздухе, плыла в утреннем холоде, который он теперь делил с Рут, растворялась в одинокой тишине между его занятиями. Со мной он хотел целоваться. Хотел выпустить меня на свободу. Он не сжег и не выбросил мой портрет, но и разглядывать его больше не хотел. Под моим взглядом он вложил эту фотографию в толстенный том индийской поэзии, между страницами которого они с матерью засушивали нежные цветы, со временем рассыпавшиеся в прах’ [22].

Размышления Рэя о гибели Сюзи совпадают с индуистской идеей о том, что насильственная смерть заставляет умершего человека существовать в виде призрака, пока он не потеряет связь с мирскими эмоциями, чувствами и отношениями и не найдет успокоение. Вслед за метафорическим жестом Рэя описывается сцена воссоединения Сюзи с умершими бабушкой и дедушкой. Идеалом восточных религии и философии является мать Рэя. Руана – пример незлобивости, силы, достоинства, дружественного расположения ко всему миру и умения отстаивать собственные границы и безопасность своих близких. Она мастер «мягкой» силы, ее красота, голос и манера поведения увещивают и полицейских, и отца Сюзи, и ее собственную семью. Однако в ее образе также присутствует прагматика принятия прекрасной данности мира со всеми его ужасами.

Наконец, идея принятия доступна сознанию человека, находящему свои ценностные ориентиры не в науке и религии. Воплощением эзотерических практик является лучшая подруга Сюзи, которая благодаря своим сверхъестественным способностям остается в этом статусе после трагического события. Рут чувствует Сюзи и понимает ее, девочки часто думают одинаково. Неслучайно в конце романа Рэй и Рут влюбляются друг в друга. Через тело Рут Сюзи обретает кратковременную возможность общения с Рэем. В отличие от персонажей, в структуре личности которых превалируют христианская или индуистская модели, Рут ничего не объясняет. Она не стремится к пониманию мира разумом, ей достаточно чувств, и они часто оказываются более надежными и точными толкователями происходящего.

Стоит отметить, что и Рут, и Руана, и Рэй, и сестра, и брат с отцом вне зависимости от системы своих взглядов к концу романа принимают действительность такой, какая она есть, а именно во всей ее имманентной красоте и чудовищности.

Заключение

Обращение к религиозному контексту для передачи семантики мотива смерти и формирования аксиологического поля произведения не характерно для современной художественной литературы, в частности для проблемного реалистического подросткового и молодежного романа. Однако успех произведения Э. Сиболд «Милые кости» говорит о том, что в современном американском обществе существует запрос на новые аксиологические смыслы и христианскую парадигму мышления.

Мотив смерти обретает религиозную семантику за счет специфической структуры книги. Его сирокантами являются топосы, традиционно наполненные христианской символикой ада, рая и мирового древа. Так, убийство совершается под землей, в вырытой маньяком землянке, которая ассоциируется у американских и европейских читателей с геенной огненной и описывается соответствующими эмоциями (страх, ужас, паника, безнадежность). После смерти девочка, как чистая безвинно лишенная жизни душа, попадает на небеса, т. е. в рай, и оттуда смотрит на земную юдоль, доступную лишь ее созерцанию, но не вмешательству. Топосы дома, городка и леса располагаются между небесами

и землянкой, т. е. между раем и адом, и в христианской картине мира представляют собой срединное пространство, ствол мирового древа, людскую обитель, где происходят все события романа.

Вертикальная трехчастная структура пространства смерти поддерживается горизонтальной иерархической организацией срединного пространства: топос родного дома помещается в центр, а топосы школы, городка, дома мистера Гарви, кукурузного поля и леса по мере отдаления от центра приобретают все более отчетливо выраженные значения чуждости и враждебности. Восприятие близкого как хорошего, а далекого как плохого составляет одну из черт христианского (особенно средневекового) менталитета. Вертикаль и горизонталь образуют крестообразную схему, в которую встраиваются все топосы произведения. Стоит сказать, что даже структурно они апеллируют к христианской символике.

Вместе с тем первоначально целостное восприятие художественного пространства произведения как архетипически средневекового локуса к концу романа несколько размывается. Это происходит по мере появления деталей, противоречащих христианской догматике и (или) порожденных модернитетом. К ним относятся отсутствие фигуры Бога на небесах, буддистская идея о реинкарнации и переселении душ, неразличимость небесного и земного пространства, паранормальные явления, а также существование чудесного за гранью божественного, обращение к современным реалиям при описании рая, подмена устойчивых образов симулякрами и т. д. Однако вне зависимости от конкретных религий и верований события оцениваются с точки зрения одних и тех же аксиологических категорий: эмпатии, заботы о ближнем, непротивления злу, осознания зла и добра как явлений, имманентно присущих миру. И Сюзи, и ее родители, и Рэй, и Рут, и Руана, и Линдси в попытках унять ужасную боль и восполнить потерю разными путями медленно, неуверенно, шаг за шагом пришли к любви и принятию.

Э. Сиболд прибегает к средневековой картине мира по нескольким причинам. Во-первых, это инструмент влияния на читателей, знакомый им прецедентный пласт установок и смыслов. Во-вторых, писательница обращается к ней в силу того, что окончившаяся эпоха постмодернизма в наибольшей степени противостояла именно средневековому типу мышления. Несомненно, изображение ужасов мира свойственно философии и культуре модернитета, однако сопровождающие это описание эмотивные смыслы спокойствия и эмпатии, прагматика принятия и солидарности, представленные в романе Э. Сиболд «Милые кости», представляют собой современную реакцию на реальность XXI в. В организации пространства на основе оппозиций *свое – чужое, земля – небеса, зло – добро* автор настоящей статьи видит поворот от постмодернистской относительности суждения и приверженности парадигме *субъект – объект* к средневековой оценочности.

С раннего Нового времени до конца XX в. критика традиционного, оттолкнувшаяся от укорененного в своих идеалах Средневековья и особенно усилившаяся в XIX в., становилась все более острой. В то же время идея религиозности распадалась, дефрагментировалась, обогащалась негативными коннотациями и обеднялась с точки зрения семантики. Соблюдение религиозных (и других) норм все чаще переводилось в сферу индивидуального выбора. В XX в., когда вариативность поведенческих установок достигла пика, идея религиозности представляла собой калейдоскоп отдельных практик. Многие люди, не имея никаких ограничений, не руководствуясь исторической, национальной или семейной традицией, свободно переходили от одних верований к другим. Мир стал восприниматься фрагментарно и избирательно, что привело к утрате чувства безопасности и ощущению неопределенности. Но сегодня психологическая потребность в некоторой сформированной картине мира заставила огромное количество людей начать произвольно выстраивать ее из имеющихся фрагментов. Человечество пытается построить устойчивую конструкцию ценностных предпочтений, способную справиться с вызовами времени, и фундамент этой конструкции закладывается в религии. Люди стремятся сохранить такие приобретенные в Новое время культурные ценности, как свобода выбора, категоричность суждений, гибкость оценок, многообразие, социокультурная солидарность и самоидентичность. Христианство, как нравственная опора, предстает очевидной противоположностью постмодернистской эстетике, прочитанным заново ответом на десятилетия релятивизации нравственных ценностей.

Библиографические ссылки

1. Зелезинская НС. Подростковая литература как зеркало общества. *Вопросы литературы*. 2020;1:159–175. DOI: 10.31425/0042-8795-2020-1-159-175.
2. Atwood M. *Negotiating with the dead: a writer on writing*. Hamburg: Anchor; 2003. 256 p.
3. Bliss AV. «Share moments, share life»: the domestic photograph as a symbol of disruption and trauma in «The lovely bones». *Taylor & Francis*. 2008;37(7):861–884. DOI: 10.1080/00497870802344776.
4. von Czarnowsky L-M. The postmortal rape survivor and the paradox of female agency across different media: Alice Sebold's novel «The lovely bones» and its 2009 film adaptation. *Gender Forum*. 2013;1:18–32.

5. Wehling-Giorgi K. Picturing the fragmented maternal body: rethinking constructs of maternity in the novels of Elena Ferrante and Alice Sebold's. *Women: a Cultural Review*. 2019;30(1):66–83. DOI: 10.1080/09574042.2018.1478541.
6. Bufaccio V, Gilson J. The ripples of violence. *Feminist Review*. 2016;112:27–40. DOI: 10.1057/fr.2015.49.
7. Heines S. The rape of Tarquin. *Shakespeare Quarterly*. 1959;10(3):451–453. DOI: 10.2307/2866881.
8. Whitney S. Uneasy lie the bones: Alice Sebold's postfeminist gothic. *Tulsa Studies in Women's Literature*. 2010;29(2):351–367.
9. Ahmad S. Silencing of rape: treatment of rape events and rape victims by media and fiction. *Jurnal Komunikasi-Malaysian Journal of Communication*. 2020;36(1):419–435.
10. Ahmad S, Nadarajan S. Thought presentation in Alice Sebold's «The lovely bones». *Journal of Language and Literature*. 2020;20(1):70–79.
11. Borg K. Narrating trauma: Judith Butler on narrative coherence and the politics of self-narration. *Life Writing*. 2018;15(3):447–465. DOI: 10.1080/14484528.2018.1475056.
12. Callus I. (Auto)thanatography or (auto)thanatology? Mark C. Taylor, Simon Crichtley and the writing of the dead. *Forum for Modern Language Studies*. 2005;41(4):427–438. DOI: 10.1093/fmls/cqi030.
13. Ahmad S, Nadarajan S. Investigating stylistic devices in Alice Sebold's «The lovely bones». *Modern Research Studies*. 2018;5(4):226–238.
14. Shivani A. Chad Harbach's «The art of fielding»: college baseball as an allegory for American national greatness. *The Cambridge Quarterly*. 2014;43(1):39–59. DOI: 10.1093/camqtly/bft043.
15. Bennett A. Plotting murder: genre, plot and the dead narrator. In: Bennett A. *Afterlife and narrative in contemporary fiction*. London: Palgrave Macmillan; 2012. p. 98–117.
16. Kiaei S, Safdari M. Hyper-reality in Sebold's «The lovely bones». *International Journal of Comparative Literature & Translation Studies*. 2014;2(2):53–58.
17. Лотман ЮМ. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. В: Лотман ЮМ. *Избранные статьи. Том 1*. Таллин: Александра; 1992. с. 413–447.
18. Топоров ВН. Пространство и текст. В: Топоров ЮН. *Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Том 1*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2010. с. 318–381.
19. Гутнин АА. *Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте*. Москва: Индрик; 2001. 180 с.
20. Sebold A. *The lovely bones* [Internet]. Boston: Little, Brown and Company; 2002 [cited 2022 April 11]. Available from: <https://www.amazon.com/Lovely-Bones-Alice-Sebold-ebook/dp/B000FA5TTW>.
21. Лотман ЮМ. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах. В: Лотман ЮМ. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры; 1996. с. 238–249.
22. Сиболд Э. *Милые кости* [Интернет]. Петрова ЕС, переводчик. Москва: Эксмо; 2010 [процитировано 11 апреля 2022 г.]. Доступно по: <https://www.litres.ru/elis-sibold/milye-kosti/>.
23. Лотман ЮМ. Дом в «Мастере и Маргарите». В: Лотман ЮМ. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ; 2000. с. 313–320.
24. Бицилли П. Салимбене и Данте. В: Бицилли П. *Избранные труды по средневековой истории. Россия и Запад*. Москва: Языки славянских культур; 2006. с. 462–490.
25. Гуревич АЯ. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство; 1994. 350 с.
26. Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти*. Ронин ВК, переводчик; Оболенская СВ, редактор. Москва: Прогресс-Академия; 1992. 528 с.
27. Гумбрехт ХУ. *Производство присутствия: чего не может передать значение*. Зенкин С, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2006. 184 с.
28. Бахтин ММ. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. В: Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература; 1975. с. 234–407.
29. Ястребицкая АЛ. *Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха, быт, костюм*. Москва: Искусство; 1978. 169 с.
30. Кошкина ЕГ. Социально-культурная детерминация коллективного знания об объективной пространственной действительности Средневековья (на примере лексико-семантической системы средневрхненемецкого). В: Ахметова ГД, редактор. *Филологические науки в России и за рубежом. Материалы Международной заочной научной конференции; 20–23 февраля 2012 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Реноме; 2012. с. 131–138.

References

1. Zelezinskaya NS. Young adult literature as a mirror of the society. *Voprosy literatury*. 2020;1:159–175. Russian. DOI: 10.31425/0042-8795-2020-1-159-175.
2. Atwood M. *Negotiating with the dead: a writer on writing*. Hamburg: Anchor; 2003. 256 p.
3. Bliss AV. «Share moments, share life»: the domestic photograph as a symbol of disruption and trauma in «The lovely bones». *Taylor & Francis*. 2008;37(7):861–884. DOI: 10.1080/00497870802344776.
4. von Czarnowsky L-M. The postmortal rape survivor and the paradox of female agency across different media: Alice Sebold's novel «The lovely bones» and its 2009 film adaptation. *Gender Forum*. 2013;1:18–32.
5. Wehling-Giorgi K. Picturing the fragmented maternal body: rethinking constructs of maternity in the novels of Elena Ferrante and Alice Sebold's. *Women: a Cultural Review*. 2019;30(1):66–83. DOI: 10.1080/09574042.2018.1478541.
6. Bufaccio V, Gilson J. The ripples of violence. *Feminist Review*. 2016;112:27–40. DOI: 10.1057/fr.2015.49.
7. Heines S. The rape of Tarquin. *Shakespeare Quarterly*. 1959;10(3):451–453. DOI: 10.2307/2866881.
8. Whitney S. Uneasy lie the bones: Alice Sebold's postfeminist gothic. *Tulsa Studies in Women's Literature*. 2010;29(2):351–367.
9. Ahmad S. Silencing of rape: treatment of rape events and rape victims by media and fiction. *Jurnal Komunikasi-Malaysian Journal of Communication*. 2020;36(1):419–435.
10. Ahmad S, Nadarajan S. Thought presentation in Alice Sebold's «The lovely bones». *Journal of Language and Literature*. 2020;20(1):70–79.

11. Borg K. Narrating trauma: Judith Butler on narrative coherence and the politics of self-narration. *Life Writing*. 2018;15(3): 447–465. DOI: 10.1080/14484528.2018.1475056.
12. Callus I. (Auto)thanatology or (auto)thanatology? Mark C. Taylor, Simon Critchley and the writing of the dead. *Forum for Modern Language Studies*. 2005;41(4):427–438. DOI: 10.1093/fmls/cqi030.
13. Ahmad S, Nadarajan S. Investigating stylistic devices in Alice Sebold's «The lovely bones». *Modern Research Studies*. 2018;5(4):226–238.
14. Shivani A. Chad Harbach's «The art of fielding»: college baseball as an allegory for American national greatness. *The Cambridge Quarterly*. 2014;43(1):39–59. DOI: 10.1093/camqtly/bft043.
15. Bennett A. Plotting murder: genre, plot and the dead narrator. In: Bennett A. *Afterlife and narrative in contemporary fiction*. London: Palgrave Macmillan; 2012. p. 98–117.
16. Kiaei S, Safdari M. Hyper-reality in Sebold's «The lovely bones». *International Journal of Comparative Literature & Translation Studies*. 2014;2(2):53–58.
17. Lotman YuM. [The problem of artistic space in Gogol's prose]. In: Lotman YuM. *Izbrannye stat'i. Tom 1* [Selected articles. Volume 1]. Tallinn: Aleksandra; 1992. p. 413–447. Russian.
18. Toporov VN. [Space and text]. In: Toporov VN. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы. Tom 1* [The world tree. Universal sign complexes. Volume 1]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi; 2010. p. 318–381. Russian.
19. Gugnin AA. *Serboluzhitskaya literatura XX veka v slavyansko-germanskoy kontekste* [Lusatian Serb literature of the 20th century in the Slavic-Germanic context]. Moscow: Indrik; 2001. 180 p. Russian.
20. Sebold A. *The lovely bones* [Internet]. Boston: Little, Brown and Company; 2002 [cited 2022 April 11]. Available from: <https://www.amazon.com/Lovely-Bones-Alice-Sebold-ebook/dp/B000FA5TTW>.
21. Lotman YuM. [On the concept of geographical space in Russian medieval texts]. In: Lotman YuM. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. p. 238–249. Russian.
22. Sebold A. *The pretty bones* [Internet]. Petrova ES, translator. Moscow: Eksmo; 2010 [cited 2022 April 11]. Available from: <https://www.litres.ru/elis-sibold/milye-kosti/>. Russian.
23. Lotman YuM. [The house in the «Master and Margarita»]. In: Lotman YuM. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB; 2000. p. 313–320. Russian.
24. Bitsilli P. [Salimbene and Dante]. In: Bitsilli P. *Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii. Rossiya i Zapad* [Selected works on Medieval history. Russia and the West]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2006. p. 462–490. Russian.
25. Gurevich AY. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of the Medieval culture]. Moscow: Iskustvo; 1994. 350 p. Russian.
26. Aries P. *L'homme devant la mort*. Paris: Le Seuil; 1977. 642 p.
Russian edition: Aries P. *Chelovek pered litsom smerti*. Ronin VK, translator; Obolenskaya SV, editor. Moscow: Progress-Academiya; 1992. 528 p.
27. Gumbrecht KU. *Production of presence: what meaning cannot convey*. Redwood: Stanford University Press; 2004. 180 p.
Russian edition: Gumbrecht KU. *Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhnet peredat' znachenie*. Zenkin S, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2006. 184 p.
28. Bakhtin MM. [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: Bakhtin MM. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975. p. 234–407. Russian.
29. Yastrebitskaya AL. *Zapadnaya Evropa XI–XIII vekov. Epokha, byt, kostyum* [The Western Europe 11th–13th centuries. Epoch, life, costume]. Moscow: Iskustvo; 1978. 169 p. Russian.
30. Koshkina EG. [Socio-cultural determination of collective knowledge of objective spatial reality of the Middle Ages (on the example of lexico-semantic system of middle upper German)]. In: Akhmetova GD, editor. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom. Materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii; 20–23 fevralya 2012 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Philological sciences in Russia and abroad. Proceedings of the International correspondence scientific conference; 2012 February 20–23; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Renome; 2012. p. 131–138. Russian.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022.
Received by editorial board 12.09.2022.

УДК 8138:659.13;659.1(075)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ТОРГОВОГО БИЗНЕСА НА СОБСТВЕННЫХ САЙТАХ: РЕКЛАМА ИЛИ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ?

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе исследования структуры контента веб-сайтов восьми белорусских предприятий торговли определяется место сайта в совокупной информации о предприятии, имеющейся в обществе, и характеризуются коммуникативные механизмы маркетингового менеджмента. Показано, что сайты с информацией о предлагаемых фирмой товарах не представляют собой особенно эффективного двигателя продаж, однако для торговой фирмы в частности и для бизнес-сообщества в целом сайт важен как свидетельство профессиональных компетенций руководства фирмы в сфере коммерческой коммуникации. Сайты торговой фирмы выполняют три основные функции. Во-первых, они регистрируют дисконтные карты клиентов (постоянных покупателей, членов клуба покупателей и т. п.), тем самым создают клиентскую базу данных для таргетированной рекламы и прямых, или личных, продаж. Во-вторых, сайты организуют базы данных о товарах и услугах (этой фирмы), что позволяет со временем трансформировать информационно-рекламные сайты в продающие сайты, т. е. в предприятия интернет-торговли. В-третьих, собственный сайт торговой фирмы – важный канал для ее самопрезентации и повышения статуса в бизнес-сообществе, поскольку коммуникационное качество сайта само по себе является источником данных, позволяющих бизнес-сообществу судить об уровне профессиональной компетенции руководителей фирмы в сфере маркетинговой коммуникации и дизайна.

Ключевые слова: маркетинговая коммуникация; место сайта в совокупной информации о торговой фирме; структура контента маркетингового сайта; коммуникативный менеджмент; коммуникативный дизайн; основные функции маркетингового сайта; таргетированная информация о товарах; снижение значимости обычной рекламы.

Образец цитирования:

Мечковская НБ. Презентация белорусского торгового бизнеса на собственных сайтах: реклама или самоутверждение? *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;3:41–55.

For citation:

Mechkovskaya NB. Presentation of the Belarusian trading business on their own websites: advertising or self-assertion? *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;3: 41–55. Russian.

Автор:

Нина Борисовна Мечковская – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Nina B. Mechkovskaya, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
nina.mechkovskaya@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-2726-0083>

ПРЭЗЕНТАЦЫЯ БЕЛАРУСКАГА ГАНДЛЁВАГА БІЗНЕСУ НА ЎЛАСНЫХ САЙТАХ: РЭКЛАМА АБО САМАСЦВЯРДЖЭННЕ?

Н. Б. МЯЧКОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На аснове даследавання структуры кантэнту вэб-сайтаў васьмі беларускіх прадпрыемстваў гандлю вызначэцца месца сайта ў сукупнай інфармацыі аб прадпрыемстве, якая ёсць у грамадстве, і характарызуюцца камунікатыўныя механізмы гандлёвага менеджменту. Паказана, што сайты з інфармацыяй аб прапанаваных фірмай таварах не ўяўляюць сабой асабліва эфектыўнага рухавіка продажаў, аднак для гандлёвай фірмы ў прыватнасці і для ўсёй бізнес-супольнасці ў цэлым сайт важны як сведчанне прафесійных кампетэнцый кіраўніцтва фірмы ў сферы камерцыйнай камунікацыі. Сайты гандлёвай фірмы выконваюць тры асноўныя функцыі. Па-першае, яны рэгіструюць дысконтныя карты кліентаў (пастаянных пакупнікоў, членаў клуба пакупнікоў і пад.), тым самым ствараюць кліенцкую базу даных для таргетаванай рэкламы і прамых, ці асабістых, продажаў. Па-другое, сайты арганізуюць базы даных аб таварах і паслугах (гэтай фірмы), што дазваляе з часам трансфармаваць інфармацыйна-рэкламныя сайты ў сайты, якія прадаюць, гэта значыць у прадпрыемствы інтэрнэт-гандлю. Па-трэцяе, уласны сайт гандлёвай фірмы – важны канал для яе самапрэзентацыі і павышэння статусу ў бізнес-супольнасці, паколькі камунікацыйная якасць сайта сама па сабе з’яўляецца крыніцай даных, якія дазваляюць бізнес-супольнасці меркаваць аб узроўні прафесійнай кампетэнцыі кіраўнікоў фірмы ў сферы маркетынгавай камунікацыі і дызайну.

Ключавыя словы: маркетынгавая камунікацыя; месца сайта ў сукупнай інфармацыі аб гандлёвай фірме; структура кантэнту маркетынгавага сайта; камунікатыўны менеджмент; камунікатыўны дызайн; асноўныя функцыі маркетынгавага сайта; таргетаваная інфармацыя аб таварах; зніжэнне значнасці звычайнай рэкламы.

PRESENTATION OF THE BELARUSIAN TRADING BUSINESS ON THEIR OWN WEBSITES: ADVERTISING OR SELF-ASSERTION?

N. B. MECHKOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Based on the investigation of the content structure of the websites of eight Belarusian trade enterprises, the place of the site in the aggregate information about the enterprise available in society is determined, and the communicative mechanisms of marketing management are characterised. It is shown that sites with information about the goods offered by the company do not represent a particularly effective sales engine, however, for a trading company and the business community as a whole, the site is important as evidence of the professional competencies of the company's management in the field of commercial communication. Trading company websites perform three main functions. Firstly, they register customer discount cards (regular customers, members of the buyers' club, etc.), thereby creating a customer database for targeted advertising and direct, or personal, sales. Secondly, sites organise databases about goods and services (of a given company), which allows, over time, to transform information and advertising sites into selling sites, i. e., into Internet commerce enterprises. Thirdly, a trading company's own website is an important channel for its self-presentation and raising its status in the business community, since the communication quality of the website itself is a source of data that allows the business community to judge the level of professional competence of the company's managers in the field of marketing communication and design.

Keywords: marketing communication; place of the site in the aggregate information about the trading company; content structure of the marketing site; communicative management; communicative design; main functions of the marketing site; targeted information about products; reduction of the importance of conventional advertising.

1. Исследования веб-сайтов торговых предприятий: многопрофильность аналитики, разнообразие аспектов и адресации

Комплексная проблематика предлагаемой статьи – функции и организация контента на сайтах крупных торговых предприятий – лежит на стыке таких разных дисциплин, как теория коммуникации и семиотика, экономика и маркетинговые коммуникации, реклама и коммуникативный дизайн, социальная психология и практическая стилистика конкретных языков, теории журналистики и пиар (от англ. *public relations* – связи с общественностью, PR), принципы сайтостроения и практика компьютерно-опосредованной коммуникации, а также других смежных отраслей знаний и занятий.

В силу широты очерченной проблематики литература по этим вопросам разнообразна по аспектам темы и основательности их разработки, а также по жанрам и адресации. Большинство книг представляют собой практические руководства, адресованные организаторам торгового бизнеса, менеджерам по маркетингу рекламных кампаний, бизнес-тренерам (см., например, [1–3]). Есть книги, сулящие моментальную монетизацию шагов, которые известны автору, и он готов быстро и без «лишних теорий» дать поэтапную инструкцию «прямо вот на этих страницах»¹.

В СНГ стали выходить журналы о маркетинговой коммуникации, в том числе о продающей коммуникации в интернете. К ним относятся периодические издания «Маркетинг в России и за рубежом» (выпускается с 1997 г.) с постоянными рубриками «Маркетинговые коммуникации» и «Интернет-маркетинг», «Рекламные технологии» (с 2000 г.), «Индустрия рекламы» (с 2001 г.), «Маркетинговые коммуникации» (с 2001 г.). Некоторые журнальные статьи носят исследовательский характер.

Наиболее содержательными публикациями об интернет-коммуникации в торговле являются монографии, в первую очередь переводные [4–7].

К подобным трудам близки учебные пособия для экономистов, менеджеров, специалистов по рекламе и связям с общественностью, а также терминологические словари и справочники [8–12]. Вместе с тем они нередко более систематичны и шире по содержанию.

Исследование маркетинговых сайтов находится на этапе становления и бурного количественного роста. Трудности становления связаны с относительно недолгой историей интернет-маркетинговых исследований, многочисленностью возможных объектов изучения, разнообразием тем и подходов к их разработке. Существенно также, что некоторые базовые ИТ-понятия, связанные с функционированием как любых коммерческих сайтов, так и отдельных типов сайтов, остаются недостаточно определенными или становятся размытыми. Другого рода трудности связаны с морально-юридическими аспектами некоторых практик, например в SEO (продвижение сайтов) – в той сфере, которая пока, на мой взгляд, представляет собой «50 оттенков серого» бизнеса (подробнее см. [13, с. 230–240]).

В силу названных причин филологические публикации о маркетинговых сайтах нередко оказываются торопливыми и поверхностными сочинениями, содержащими много путаницы, надуманных проблем и результатов исследований феноменов, масштаб и значимость которых во всей системе попросту неясны. Многие из, казалось бы, традиционных для филологии и искусствознания вопросов (например, о жанровой структуре сайта) применительно к интернету в обозримое время просто не могут иметь адекватного решения. Неясен сам состав объектов интернет-жанроведения: хештеги или баннеры – это жанры или что? А эмодзи и смайлики, а также их имитации с помощью знаков препинания – это тоже жанры? Многомерные классификации интернет-жанров с бесчисленными дроблениями по вертикали и горизонтали и полусотнями терминов [14–16] не успевают за приростом новых разновидностей интернет-сообщений.

При этом недопонимания и споры о значениях терминов постоянны. Приведу пример: в авторской аннотации и основном тексте статьи О. А. Шуманской говорится о том, что в работе представлены результаты анализа «корпоративных медиатекстов белорусских ИТ-компаний» [17, с. 49]. В определении термина «корпоративный дискурс» исследователь опирается на его трактовку как «коммуникации сообщества (организации) или института, корпорации в целом, обеспечивающей профессиональную деятельность группы/института»² [18, с. 44]. Однако ниже в статье автор толкует понятие «корпоративный сайт» принципиально иначе: не как закрытую для посторонних, но доступную для сотрудников внутреннюю сеть предприятия или организации, а как сайт рекламно-пиаровского назначения, открытый для всех желающих. Ср.: «Важной функцией корпоративного сайта является продвижение и сбыт собственных услуг и продуктов. На его страницах размещается информация об истории компании, ее товарах, услугах, партнерах и достижениях».

¹Ср. заглавия некоторых книг, которые интригуют так же, как заголовки о сенсациях или слоганы: Бабаев А., Евдокимов Н., Костин Е. и др. Раскрутка: секреты эффективного продвижения сайтов / под ред. Е. Каляевой. СПб. : Питер, 2013. 272 с. ; Бабаев А., Евдокимов Н., Штарев А. Зарабатывай в интернете! Кнопка «Бабло» / под ред. Е. Власовой. СПб. : Питер, 2013. 272 с. ; Петроченко А. С., Новиков Е. С. Идеальный Landing Page. Создаем продающие веб-страницы. СПб. : Питер, 2015. 310 с. ; Каплунов Д. А. Контент, маркетинг и рок-н-ролл. Книга-муза для покорения клиентов в интернете / под ред. И. Мироновой, Р. Болдиновой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 384 с.

²Это определение соответствует английскому словосочетанию *enterprise portal*, синонимично русской лексеме *интранет*. Ср.: «Корпоративный портал – это... веб-интерфейс... для доступа сотрудника к корпоративным данным и приложениям. <...> Первоначальным назначением корпоративных порталов являются функции внутреннего сайта организации: публикация новостей и других материалов для сотрудников; создание базы файлов и документов; форум для внутреннего общения» (Корпоративный портал [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Корпоративный_портал (дата обращения: 10.08.2022)); «Корпоративная сеть – это локальная сеть масштаба предприятия, корпорации, использующая возможности интернета для хранения информации, организации внутренних баз данных и т. п., но защищенная от доступа к своим ресурсам со стороны внешних пользователей» (Корпоративная сеть // Информатика. Толковый словарь / Е. Ю. Ваулина. М. : Эксмо, 2005. С. 222).

Корпоративный сайт также выполняет функцию информационной поддержки. <...> Многофункциональность корпоративного сайта проявляется в разнообразии свойственных ему дискурсивных жанров. На его страницах встречаются:

- 1) байлайнеры, пресс-релизы, биографии, кейс-стори, поздравления;
- 2) репортажи, фоторепортажи, новостные заметки, аналитические статьи, интервью, очерки;
- 3) коммерческие предложения, вакансии» [17, с. 52]. Текстовый материал статьи соответствует второму, максимально широкому, пониманию корпоративного сайта как сайта, принадлежащего корпорации. Следует, впрочем, отметить, что размытая и расширительная трактовка сочетания «корпоративный сайт» (которая, по сути, лишает термин его специального значения и в результате делает его ненужным) в непрофессиональном словоупотреблении встречается. В терминоведении подобные явления называют детерминологизацией.

2. Задачи и материал исследования

В статье определяется место веб-сайтов торгового бизнеса в маркетинговой коммуникации компаний и характеризуются коммуникационные механизмы, используемые на сайтах для позитивного информирования населения о предлагаемых товарах и услугах, а также для укрепления социальных позиций и престижа торгового бизнеса. Исследуются содержание и структура сайтов восьми перечисленных ниже предприятий торговли³:

- «Евроопт» (<https://evroopt.by>) – частная сеть продовольственных магазинов, основанная в 1993 г. В настоящее время на территории Беларуси имеется более 1000 магазинов «Евроопт»;
- «Green» (<https://www.green-market.by>) – сеть продовольственных магазинов, принадлежащих ООО «ГРИНрозница», которые были открыты инвестиционно-девелоперской компанией «РАПА» в Солигорске (2012) и Минске (2013). Сейчас в Беларуси насчитывается девять супермаркетов «Green». Компания позиционирует себя как сеть магазинов экологически чистых продуктов питания;
- «Материк» (<https://diy.by>) – первый в Минске строительный гипермаркет международного формата DIY (от англ. *do it yourself* – сделай сам), соответствующий стандартам обслуживания европейского уровня. Магазин был открыт в 2010 г. Он, наряду с сетью магазинов «Палас», входит в ООО «Эрнис»;
- «Соседи» (<https://sosed.by>) – сеть неспециализированных магазинов, торгующих преимущественно продуктами питания, напитками и табачными изделиями. Она функционирует в Беларуси с 1991 г. В настоящее время сеть включает 17 супермаркетов, а также десятки кафе, кафетериев и мелких магазинов, в которых продаются десерты, пицца, колбасная гастрономия, рыбные блюда и другие продукты, и принадлежит СООО «Либретик» (Россия);
- ГУМ (<https://gum.by>) – главный универмаг страны, существующий в Минске с 1951 г. В 2000 г. предприятие было преобразовано в открытое акционерное общество;
- ЦУМ (<https://tsum.by>) – самый крупный в Беларуси универмаг, который был основан в Минске в 1964 г. В качестве открытого акционерного общества предприятие было зарегистрировано в 2000 г. В настоящее время ЦУМ имеет ряд филиалов и интернет-магазин;
- «Галантея» (<https://galanteya.by>) – крупнейшее в Беларуси производство кожгалантерейных изделий, которое выросло из минской фабрики «Восход», основанной в 1924 г. В 1994 г. предприятие было преобразовано в открытое акционерное общество. В 2017 г. был создан 30-й магазин «Galanteya» в Беларуси (в Минске он стал 10-м), а в 2021 г. – фирменный интернет-магазин в России;
- «Маттиоли» (<https://mattioli.by>) – частная компания, один из крупнейших в Беларуси производителей кожгалантерейных изделий. Начав в 1998 г. с двух швейных машин, но купив собственные производственные площади в Заславле, предприятие быстро выросло в высокотехнологическое производство. Итальянские материалы и фурнитура, а также продуманные стили модных женских сумок сделали продукцию компании «Маттиоли» узнаваемой и продаваемой. Под слоганом «Итальянское качество по белорусским ценам» росла сеть фирменных магазинов в Минске и областных городах. В 2006 г. компания «Маттиоли» была преобразована в совместное общество с ограниченной ответственностью.

3. Источники общественного мнения о крупном предприятии торговли

Репутация торгового холдинга, сети супермаркетов или универсального магазина складывается из ряда составляющих. Первый компонент – циркулирующие в городе, основанные на личном опыте людей и преимущественно субъективно-оценочные представления (сарафанное радио, молва, слухи)

³Характеристики бизнесов строятся на основе сведений, которые содержатся на их собственных сайтах. Дополнительные источники данных указываются по ходу изложения. Здесь и далее информация о сайтах и материалы публикаций приводятся по состоянию на 15 августа 2022 г.

о том, какие товары, в каких магазинах и в какое время дешевле и удобнее покупать. Второй компонент – информация о торговых домах и компаниях, которую сообщают СМИ (экранные, эфирные, печатные) и интернет (помимо информации, генерируемой самим предприятием) в социальных сетях для туристов (например, сайт *Tourister.ru*), на минском сайте *Shopogoliki.by*, американском сайте о путешествиях *TripAdvisor.com* и других онлайн-платформах, а также информация в специальной (адресованной профессионалам) экономической литературе. Третий компонент – контент, который наполняет маркетинговую коммуникацию торговой фирмы. В первую очередь это все виды ее собственной рекламы (реклама товаров, цен, т. е. продвижение продаж)⁴; организуемые фирмой пиар-кампании, а также кампании по повышению лояльности покупателей и иные мероприятия⁵; контент, распространяемый с помощью интернет-компьютерных технологий (собственный сайт, форумы, инициированные или поддержанные фирмой блоги, сетевые отзывы покупателей о стиле обслуживания и др.).

Позитивное общественное мнение о супермаркете формируется его специальным подразделением по связям с общественностью – пиар-службой. Однако далеко не всегда информация, которую создают пиар-департаменты, является по-настоящему релевантной и эффективной для позитивного имиджа супермаркета. В массовом сознании пиар-служба ассоциируется с рекламой, самовосхвалением (что в народе традиционно не поощряется; неслучайно на сайте любого гипермаркета трудно встретить ссылку с аббревиатурой PR). Однако имплицитный пиар-контент в той или иной мере присутствует на всех страницах сайта любой торговой фирмы.

В формировании сетевого облика торговой компании у потенциальных клиентов дизайн веб-сайта (продуманность и мастерство в подаче контента) превышает по своей пиар-ценности его содержательную весомость, поскольку, как известно, нас встречают по одежке. Коммуникативный дизайн сайтов разных торговых домов зримо различается по своим финансово-экономическим затратам, т. е. по объему вложенного в сайты разностороннего квалифицированного труда. Веб-сайт представляет собой многомерную (нелинейную) и многоуровневую (иерархически организованную) информационно-семиотическую конструкцию. Ее основание составляет продуманное соотношение словесного (читаемого) и наглядно-образного, а также аудиовизуального, анимационного и мультимедийного компонентов в структуре как сайта в целом, так и его основных разделов в частности. На каждом этапе семиотической организации сайта требуется множество частных решений, начиная от выбора слова, шрифтовой гарнитуры, кегля или цвета для записи слов и заканчивая подбором или созданием фотографий или рисованных изображений, видеороликов и музыки. Это создает качество семиотического произведения – то, о чем говорят, комбинируя слова типа *вкус, профессионализм, мастерство, искусство, модно, стильно*, все те с трудом называемые, но хорошо чувствуемые черты семиотических произведений (искусства, архитектуры, технической и прикладной эстетики), которые отличают первоклассные образцы от второ- или третьеразрядных.

4. Тематические разделы сайтов торговых домов и гиперссылки главной страницы, представляющие структуру сайта

В построении сайтов гипермаркетов к настоящему времени сложился определенный шаблон, который облегчает массовое восприятие сообщаемой информации, но в принципе не мешает дизайнерским поискам и реализации креативных проектов. Заметнее всего этот шаблон сказывается в обязательном наличии на главной странице сайта его меню – столбика и (или) горизонтального ряда баннеров (гиперссылок), ведущих к основным разделам сайта. Вот, например, восемь баннеров, которыми открывается сайт продовольственных супермаркетов «Green»: «Компания», «Акции», «Новости», «Собственное производство», «Наши бренды», «Сотрудничество», «Работа в “Green”», «Клуб». Перечень ссылок на сайте так же естествен и необходим, как оглавление в книге, и так же, как оглавление, позволяет быстро (в один клик) открыть нужный раздел. Несмотря на шаблонность главной страницы

⁴На потребительском рынке «на рекламу чаще всего выделяется самая большая доля коммуникационного бюджета» [4, с. 62].

⁵Кроме торговых сайтов, на которые клиент волен зайти или не зайти по своему выбору, фирмы используют рассылки сообщений на e-адреса клиентов, имеющих карту постоянного покупателя. Обычно это краткие призывы-напоминания, иногда с иконками, в том числе анимированными (*Не пора ли отдохнуть?*; *Ворвись в лето ярко!*; *Какая удача ! Неделя скидок на товары для дачи, сада и огорода; Доставим на дачу или в деревню; Врываемся в выходные!*; *Спасибо, что вы с нами*), объявление о скидках (*Каждый день выгодно; Готовь банки летом*) и т. п. После объявления о скидках нередко даются 2–3 десятка цветных изображений тех продуктов (с указанием цен), которые имел призывает купить. Назойливость подобных рассылок умеряется возможностью (наличием кнопки) «отписаться» от них.

торговых сайтов в названиях и очередности баннеров, их состав и тем более пространственно-колористический дизайн и декор до некоторой степени варьируются от сайта к сайту, а на конкретных сайтах – время от времени в ходе текущих обновлений контента и дизайна сайта. Иногда на главной странице представлены названия и логотипы филиалов или дискаунтеров основных магазинов (в частности, на сайтах гипермаркетов «Евроопт» и «Соседи»); некоторые фирмы уже на главной странице начинают представлять свои товары, завлекать скидками (как ГУМ и ЦУМ), напоминать о товарах к новому учебному году или о подарках к приближающемуся празднику. Впрочем, на мобильных устройствах генеральное меню сайтов даже крупных торговых компаний может быть сокращено или вообще не показано.

5. Многофункциональность основных разделов торговых сайтов.

Пиар-функция под разными баннерами сайта

Менеджмент всей открытой (публичной) коммуникации торгового дома исходит из того, что на его сайте всякий контент и всякая форма представления контента – это, по большому счету, самопрезентация предприятия, т. е. более или менее удачный пиар, зависящий, с одной стороны, от востребованности предлагаемых товаров, а с другой стороны, от информативности сайта (качества контента и искренности его выражения).

Содержание каждой тематической группы информации, к которой ведут баннеры главной страницы, многослойно и потому полифункционально. Так, сайты компаний продовольственных товаров открываются на смартфонах картой расположения ближайших магазинов данной компании по отношению к геолокации пользователя. Таково прямое назначение карты. Но кроме него, у данной информации есть и другие функции, способствующие положительным оценкам сайта и компании (которую сайт представляет). В ситуациях с картой магазинов у клиента складывается следующее мнение: 1) компания заботится о его быстром доступе к магазину; 2) в компании работают квалифицированные ИТ-специалисты; 3) компания идет в ногу с временем, поэтому он будет чаще заходить в ее магазины. Все три имплицитных прагматических смысла относятся к пиар-сфере. Их подспудное присутствие и ненавязчивое выражение способствуют тому, что клиент считает, будто это его собственное мнение.

Страница «Клуб (покупателей)», форумы и объявления о встречах офлайн имеются только на сайте гипермаркета «Green», однако это направление в развитии торговых сайтов симптоматично. Клубы покупателей распространены на Западе, особенно в США, где процент неработающих женщин все еще выше, чем в Европе. Создание клубов покупателей призвано расширить коммуникацию между гипермаркетом и клиентом: сделать ее более широкой по тематике, более личностной по стилю, а в конечном счете прочнее привязать клиента к гипермаркету. На сайте компаний «Маттиоли» и «Галантэя» сходным целям служит рубрика «Вопросы и ответы», а на сайте компании «Маттиоли» – рубрика «Полезная информация». Трудно сказать, что реально, физически стоит за рубрикой «Клуб покупателей» и ее расплывчатым гламуром на сайте супермаркета. Однако, даже если это только фантазии о чем-то желательном, в них все же слышен отзвук стремления торгового бизнеса придать (или вернуть?)⁶ шопингу культурно-развлекательную составляющую. Характерны в этом плане современные обозначения торговых центров: аббревиатура ТРЦ (торгово-развлекательный центр), лексема *галерея*, слово *молл*⁷ и его производные (*Citi Молл / City Mall* (самый крупный в Минске ТРЦ), *Дубай Молл / Dubai Mall* (крупнейший в мире ТРЦ), *Дана Молл / Dana Mall* (ТРЦ в Минске)⁸, *е-молл/emall* (интернет-магазин фирмы «Евроопт» в Минске) и др.).

Если имплицитный пиар, как правило, входил в планы разработчиков сайта (или по меньшей мере в планы тех дизайнеров, которые первыми придумали и реализовали тот или иной прием), то антиреклама на маркетинговом сайте возникает гораздо реже и явно по недосмотру (он сам по себе представляет собой мотив для антирекламы).

⁶Ярмарки издавна были местом не только торговли, но и развлечений. На рыночных площадях ставились балаганы и давались представления комедий дель арте, народных драм, кукольных театров, батлсек, вертепов и т. п. Цирки и ранний кинематограф вначале были ярмарочными аттракционами.

⁷Английское слово *mall* в своем современном и наиболее частом употреблении имеет значение ‘a large building with a lot of shops, restaurants, and sometimes a cinema’ (‘большое здание с множеством магазинов, ресторанов, а иногда и кинотеатром’) (Macmillan dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/open-dictionary> (date of access: 10.08.2022)). Сема ‘развлечение; приятное времяпровождение’ имеется в слове с XVII в.: когда-то это был открытый переулок, на котором играли с деревянным мячом; век спустя развилось значение ‘затененная аллея, используемая для променада’. По данным Д. Харпера, значение ‘закрытая торговая галерея’ появилось в 1962 г. (Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 10.08.2022)).

⁸Ср. информацию на сайте минского ТРЦ «Дана Молл»: Для досуга гостей торгового центра «Дана Молл» открыты детский развлекательный центр «Карамелька», парк развлечений «Evrikum» и «Velcom cinema» – семизальный кинотеатр от *Citi «Silver Screen»* (Торгово-развлекательный центр «Dana Mall» [Электронный ресурс]. URL: <https://dana-mall.com/o-nas.html> (дата обращения: 10.08.2022)).

Примером подобного недосмотра может быть информация о размере дивидендов на сайтах ГУМа и ЦУМа. В 2021 г. в ЦУМе на 1 акцию было начислено 0,412 294 руб. (т. е. около 40 коп.), а в ГУМе – 0,079 775 руб. (т. е. менее 1 коп.). Поскольку сайты обоих универмагов не приводят данных о численности акционеров и количестве выпущенных акций, то информация о размере дивидендов способна вызвать только насмешку и горечь по отношению к ЦУМу и особенно к ГУМу. Между тем владельцы сайтов не были обязаны публиковать сведения о дивидендах в своих открытых акционерных обществах (по юридическим нормам эта информация в обязательном порядке доводится до сведения каждого держателя акций, но отнюдь не до сведения каждого посетителя сайта). Данные о дивидендах были скопированы на сайт, скорее всего, по инерции, «заодно» с другими сведениями об экономико-юридической организации универмага. Репутациям репрезентативных универмагов страны (*главного и самого крупного*) эти публикации нанесли двойной урон: 1) обнародовали сведения об их экономическом неблагополучии; 2) стали свидетельством слабой организации (если не сказать халатности) разработки сайта.

6. «Декларации о намерениях» под ссылками типа «Компания», «О нас», «Наша миссия»: ожидаемое и неожиданное

Контент, который открывается по ссылкам типа «О компании», «Наши принципы» независимо от того, представлен он эксплицитно на сайте компании или вообще не сформулирован в явном виде, естественно, имеется у руководства компании. Поэтому некоторые торговые компании дают такого рода информацию (в известном смысле стратегическую) не на общедоступном, а на корпоративном (закрытом для посторонних) сайте. Если же компания помещает часть своей стратегической информации на общедоступном сайте, то тем самым она подчеркивает свою открытость и социальную ориентированность, следуя в данном случае коммуникативным моделям западного рынка. Объединение покупательского и корпоративного сайта более перспективно для бизнеса; оно отвечает тенденции к расширению коммуникации и сближению обоих участников процесса. Клиентам всегда интересно, как «это» (фильм, автомобиль, хирургическая операция) делается и что происходит «за витриной универмага» или в «рубке капитана» дискотеки.

Естественно, что в разделе «О нас» (или в рубрике с похожим названием) по соседству с фактографической объективной информацией встретится целиком хвалебная информация, призванная повысить привлекательность магазина в глазах посетителя сайта. По сути, это реклама, однако не товаров, а предприятия, «декларация о намерениях» торгового бизнеса (не больше и не меньше).

В условиях рынка и по мере расширения интернет-коммуникации между торговым домом и покупателями запросы последних становятся все более разнообразными и личностными. С заявлением (публикацией текста) о своей «миссии» выступают в первую очередь те участники рынка, которые непосредственно контактируют с конечным покупателем и потребителем своей продукции.

Постсоветская торговля, которой еще не под силу рыночные стандарты в обслуживании, в саморекламе как бы компенсирует недостающее, стремится заявить о своей приверженности современной организации торговли и по мере сил следует западному дружелюбному и психологически насыщенному тону в разговорах о «простых вещах» – о здоровье, еде, одежде, мебели и расходах на все это. Так на русскоязычных сайтах супермаркетов появились страницы, абзацы или рубрики под названием «(Наша) миссия», иногда «(Наши) ценности», «(Наши) задачи/принципы» и т. п.

Русское слово *миссия* на сайте супермаркета семантически калькирует английскую лексему *mission*. Однако английское слово *mission* шире по семантике и имеет такие более скромные, близкие к повседневной жизни значения, как «задача, задание», «поручение, командировка». На продающем сайте русская лексема *миссия*, в отличие от английского слова *mission*, звучит излишне высокопарно, что тотчас оборачивается иронией⁹. Из рассмотренных сайтов белорусских фирм слово *миссия* в качестве баннера или заглавия рубрики используется на сайтах двух компаний – «Евроопт» и «Green» (см. разделы 6.2 и 6.3). По-видимому, языковое чутье стилистов сайтов остальных предприятий удержало их от такого рискованного словоупотребления.

Сходные по функции абзацы или строки есть на всех рассмотренных сайтах. На сайте гипермаркета «Соседи» блок саморекламы открывает красноцветная рубрика «Система ценностей», на ряде других сайтов – ссылки «О нас», «О компании» и др. Самопрезентации различны как по самому замыслу или центральной идее, сформулированной в строках о «миссии» или «наших ценностях», так и по тому, насколько удачным оказалось вербальное воплощение замысла.

⁹Первое (основное) значение слова *миссия* – «предназначение к чему-л. важному, ответственная роль кого-л. или чего-л.»; характерны приводимые иллюстрации употребления лексемы: *Миссия поэта. Высокая миссия искусства* (Миссия // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. С. 546). Однако в повседневной речи у слова *миссия* развилось «простое» значение («задание, поручение, связанное с визитом к кому-л., приходом куда-л.»); в этом значении слово стало ощущаться как разговорное; иногда оно звучит иронически. Ср.: *Отправиться с миссией к теще*.

6.1. Самопрезентация гипермаркета «Материк». Она дана на главной странице сайта в его самоопределении: *«Материк» – первый в Минске строительный гипермаркет формата DIY, а затем в широком по адресации приглашении, в лексике которого звучит новое словосочетание строительная цивилизация, ключевое для выражения «миссии»: Добро пожаловать в строительную цивилизацию «Материк»!* Из рассматриваемых маркетинговых сайтов самореклама магазина «Материк» самая краткая и одна из самых удачных.

6.2. Самореклама на сайте гипермаркета «Green». В отличие от рекламного минимализма на сайте магазина «Материк» самореклама на сайте гипермаркета «Green» занимает максимальное пространство (в сравнении с другими сайтами), при этом его использование едва ли можно считать удачным. Сайт стремится представить сразу два субъекта хозяйствования: сеть продуктовых магазинов «Green» и компанию, которая владеет этой сетью, – ООО «ГРИНрозница». Поэтому рубрикация страницы под ссылкой «О компании» сбивчива. На ней представлены две функционально близкие рубрики:

1. ««Green» сегодня. ООО «ГРИНрозница»». (Пройдя по ссылке, читатель узнает, что «Green» позиционирует себя как сеть магазинов, в которых реализуются исключительно экологически чистые продукты питания без искусственных добавок, пестицидов, консервантов и ГМО. Особое внимание предполагается уделить ассортименту зелени, овощей и фруктов.)

2. «Наша миссия» (о супермаркетах). (Вслед за формулировками «миссии» следуют рубрики «Наши бренды. Местное известное» и «Торговая марка для правильного питания».)

Под первой рубрикой приводятся четыре грамматически и логически разнородные формулировки, каждая из которых в своем контексте или даже порознь могла бы звучать вполне релевантно, но, сгруппированные под представительской рубрикой в столбик, они кажутся если не пародией, то черновым наброском нужных пунктов, записанных в случайном порядке.

Социально ответственная компания, которая заботится о здоровье и благополучии нации.

Программа лояльности с индивидуальными скидками и поддержкой мобильного приложения.

Prime steak (от англ. prime steak – превосходный стейк¹⁰) – огромный выбор лучшей мраморной говядины по правильным ценам.

ООО «ГРИНрозница» – один из лидеров на рынке розничной торговли Беларуси – 1 декабря выпустило токены на инвестплатформе ОАО «Банк БелВЭБ» Finstore.by. Это первая в Беларуси сделка по выпуску токенов для сетевой розницы.

Далее следуют два баннера – «Декларация» и «Финансовый отчет от 25 марта 2022 г.» – с информацией, важной, возможно, для инвесторов и девелоперов, но не для покупателей в магазинах «Green».

Пункты, записанные на сайте гипермаркета под рубрикой «Наша миссия», едва ли похожи на формулировку «миссии».

Основная задача сети гипермаркетов «Green» – обеспечить белорусов возможностью комфортно покупать качественные товары в современных магазинах.

Контроль качества товаров на всех этапах.

Помощь покупателям в выборе товаров, которые способствуют активному образу жизни и не оказывают отрицательного влияния на их здоровье.

Это содержательно пустой, синтаксически разнородный и, по сути, случайный контент (особенно в двух последних пунктах); логико-языковое качество всех формулировок «миссии» крайне низкое¹¹.

¹⁰ Английское слово *prime* здесь употреблено одновременно в значениях 'of the highest quality' ('высшего качества') и 'most likely to be chosen or to be suitable for something' ('лучший при выборе или наиболее подходящий для чего-либо') (Macmillan dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/open-dictionary> (date of access: 10.08.2022)).

¹¹ Покажу это на примере первой формулировки, отметив следующие ее недостатки: 1) употребление слова *белорусы* в значении 'жители (или граждане) Беларуси' характерно для живой устной речи (ср. в спортивном репортаже: *В полуфинале белорусы играют с чехами*), но не соответствует официальному стилю, более уместному в формулировках «миссии»; 2) торговое предприятие не обязано и не в состоянии обеспечить [население] возможностью покупать товары, поскольку обеспечение возможности покупать зависит не от торговой сети, но от покупательной способности населения; 3) наречие и прилагательные в сочетаниях *комфортно покупать, качественные товары, современные магазины* являются не дескриптивными, а комплиментарно-оценочными определениями; их употребление не поддается количественным или иным объективным обоснованиям и потому не соответствует «объективистскому» (официальному) стилю заявлений о «миссии». Приведенные формулировки «миссии» по своей логике и стилистике как целое не дотягивают до зачета по практикуму студентов, обучающихся по специальностям «журналистика» и «связь с общественностью».

6.3. Раздел «О компании» на сайте гипермаркета «Евроопт»¹². Баннер открывает ряд сжатых формулировок, в том числе определение «миссии» холдинга.

Миссия:

Помогаем улучшить качество жизни жителей Беларуси, предлагая наилучшие цены и тщательно продуманный ассортимент товаров.

После презентации «миссии» следует ряд позитивных самохарактеристик и (или) обещаний «хорошо работать».

Принципы:

Клиент – приоритет № 1. Приоритетом сети магазинов «Евроопт» являются работа с покупателем, обеспечение широкого ассортимента, удовлетворяющего потребности жителей Беларуси, установление доступных цен и развитие программ лояльности.

Честность и справедливость. Мы честны с покупателями и партнерами. Мы выполняем свои обещания и берем ответственность за свои решения.

Работа на 110 %. Мы используем в своей работе передовые технологии и знания, наши сотрудники – уверенные в себе профессионалы.

Стандарты качества. Все магазины сети работают по единому стандарту обслуживания вне зависимости от размера или географического положения торгового объекта. С самого момента своего основания «Евроопт» является для покупателя сетью, предлагающей наиболее выгодные цены на свой ассортимент, что неоднократно подтверждалось республиканскими и международными исследовательскими компаниями.

В отличие от самопрезентации сайта магазина «Green» самопрезентация сайта гипермаркета «Евроопт» свободна от логико-стилистических неаккуратностей. Недостаток приведенных формулировок состоит в их запредельной абстрактности и размытости. Поразительно, но по презентации сети магазинов «Евроопт» невозможно даже понять, чем они торгуют. Может быть, такова вообще стилистика жанра презентаций торговых домов? Не думаю. Тем более что стилистические нормы жанра едва ли определены; маркетинговые самопрезентации строятся и будут строиться по-разному. Дело, однако, не только в логико-стилистическом разнообразии формулировок маркетологов о «миссиях» и «принципах» супермаркетов. Сама полезность «деклараций о намерениях» под рубриками «Наша миссия» или «Основные цели» дискуссионна. Обсуждение вопроса см. ниже, в разделах 7 и 8.

6.4. Сайт ООО «Либретик»¹³: с «новой искренностью» о целях компании. На первой странице сайта записана (возможно, не без насмешки над коллегами – менеджерами торговых сайтов) та общеизвестная цель, которая разумеется сама собой (получение прибыли): *Основной целью деятельности является получение прибыли для удовлетворения социальных и экономических интересов организации посредством осуществления хозяйственной деятельности.* С процитированной юридической истиной никто (ни хозяин магазина, ни покупатель) не поспорит, но на первой странице сайта никто и не станет объявлять прибыль основной целью предприятия. В приведенном определении легко увидеть полемический вызов и (или) иронию по отношению к пустым и ни к чему не обязывающим декларациям о «миссиях» торговых сайтов. На сайте компании «Либретик» просто повторяется юридическая формула устава любого торгового бизнеса, как бы предлагается не тратить высоких слов и декларировать не благие намерения, а реальные задачи. Следует, однако, иметь в виду, что эта «новая искренность» с оттенком цинизма адресована скорее не покупателям, а коллегам-менеджерам и записана на сайте ООО «Либретик», т. е. владельца (оператора) сети магазинов «Соседи», а не на сайте самих магазинов, который устроен совсем иначе. Впрочем, на сайте гипермаркета «Соседи», как и на сайте компании «Либретик», нет баннера или рубрики со словом *миссия*.

6.5. Сайт гипермаркета «Соседи»: о психолингвистической эмпатии рекламистов. Все хронологические версии сайта магазина «Соседи», а также первая ссылка о нем в Google открываются логотипом холдинга и фразой, которая рекламирует сеть в целом: *«Соседи» – всегда выгодно зайти.* Это и слоган, и побуждение или приглашение зайти. Ниже объясняется, почему *всегда выгодно зайти*: Мы

¹²Заглавный слоган сайта магазина «Евроопт» – «радость выгодных покупок!» функционирует, по-видимому, как бренд-концепт супермаркетов «Евроопт».

¹³ООО «Либретик» – российская компания, владеющая сетью магазинов «Соседи», в том числе 17 магазинами в Беларуси. Сетевая информация о компании на белорусских сайтах крайне скупа (адреса, часы приема, номера телефонов и факсов). На англоязычном сайте директора минского филиала компании М. Кухаренко большинство ссылок никуда не ведут.

всегда рядом! У нас много товаров на «акции», потому что мы экономим ваши деньги. С «Купилкой»¹⁴ вы можете получать уникальные скидки, копить баллы и расплачиваться ими на кассах.

Под общей рубрикой «Система ценностей» (что может показаться похожим на баннеры типа «(Наша) миссия», но на деле сходства немного)¹⁵ даются короткие и энергичные рекламные слоганы, обоснованность которых раскрывается в идущих ниже 2–3 строках.

«Соседи» – это удобно! Наши магазины расположены в шаговой доступности, поэтому свежие и необходимые продукты всегда можно приобрести без проблем. А также не забывайте, что мы вкусно готовим и выпекаем, делаем пиццу и суши!

«Соседи» – это выгодно! Что может быть приятнее скидок и специальных предложений? Специально для вас мы собрали все самое лучшее в карте лояльности «Купилка». Копи бонусы и получай уникальные скидки!

«Соседи» – это профессионально! «Соседи» – сеть магазинов с многолетней историей! Благодаря профессионализму специалистов и опыту, полученному за годы работы, «Соседи» имеют высокую планку на рынке. Мы всегда с радостью принимаем в семью!

«Соседи» – это вкусно! «Nravizza pizza» – это отличный повод зайти в «Соседи». Наши пиццеры готовят с любовью для каждого покупателя! И, что важно, начинки они точно не жалеют! Если еще не пробовали нашу пиццу, советуем скорее это исправить!

После раздела «Наши ценности» баннеры ведут к информации, объединенной рубрикой «Наши марки». Это примерно 10–12 названий, придуманных маркетологами и бренд-менеджерами гипермаркета «Соседи» для типовых торговых заведений определенного профиля: «Львята», «Суседскі маёнтак», «Nravizza»¹⁶, «Lavanda», «Alvado», «Del Mare», «Умный выбор» и т. п. После логотипа каждой марки в 2–3 строках энергично, привлекательно и с легкой самоиронией «солидарности» говорится о том, что можно отведать или купить в каждом из заведений. Приведу примеры:

Вкусные мясные и колбасные изделия из мяса для взрослых и детей торговой марки «Львята». Сочные сосиски высшего сорта из мяса цыплят-бройлеров с деликатным ароматом копчения в оболочке с рисунком львят точно придутся по вкусу маленьким гурманам!

«Смачна. Удзячна» – менавіта так можна сказаць пра гэтую гандлёвую марку. Толькі натуральныя інгрэдыенты і хатні густ! Гэта ўсё «Суседскі маёнтак»!

Ешь то, что «Nravizza». Купи больше! (и рядом приписка: Предусмотрено накопительное снижение, если в одном чеке 2 порции, а тем более 3).

«Alvado» никого не оставит равнодушным! Итальянские макароны и оливковое масло, вкуснейший зефир, ароматный чай... Стоит только попробовать!

Для вас важно качество и цена? Отборная рыба «Del Mare» точно порадует вас! Скумбрия, хек, горбуша... Осталось только выбрать!

Таким образом, на сайте гипермаркета «Соседи» не тратятся место и время на казенные вымученные и абстрактные формулировки «миссии» и «основных целей» магазинов, но с первой страницы энергично и изобретательно расхваливается то, чем торгуют филиалы сети «Соседи», иначе говоря, активно рекламируются товары и услуги, и умелая реклама товаров оборачивается наилучшим пиаром самой сети. Для самопрезентации магазинов «Соседи», в сопоставлении с семью другими сайтами (о которых идет речь), характерны наибольшее лексическое разнообразие, легкость стиля, живой и непринужденный синтаксис, не всегда совпадающий с нормативной грамматикой¹⁷.

¹⁴Фирменный неологизм гипермаркета «Соседи» обозначает бонусную накопительную программу (в ряду других средств удержания лояльности покупателей).

¹⁵Не исключено, что для авторов и некоторых читателей сайта словосочетание *система ценностей* имеет еще и игровой подтекст: это сочетание, родом из культурологии и социальной психологии, прочно связано с рядами абстрактных концептов («верность», «иерархия», «запрет», «долг», «доверие», «предпочтение», «осознание» и т. п.), но на сайте магазина «Соседи» оно предваряет совсем другие «ценности» – материальные, конкретные и вполне доступные за рубли. По сути, и местоимение *наши* здесь, в сочетании *наши ценности*, также оказывается двусмысленным: понятные всем ценности вкусной еды и удачных покупок не только «наши» (хозяев магазинов), но и «ваши» (покупателей).

¹⁶Скорее всего, шуточный намек на подзабытое со времен раннего массового интернета «олбанское письмо» или на белорусскую латиницу.

¹⁷В этом плане характерен синтаксис фразы, которой открывается сайт: «Соседи» – всегда выгодно зайти. В академической грамматике нет синтаксической модели, по которой построено это предложение, но оно абсолютно естественно для повседневной устной речи. Это как бы контаминация двух реплик диалога с попутным эллипсисом.

Тексты сайта гипермаркета «Соседи» отличает максимальное разнообразие персуазивных (убеждающих) тактик и приемов речи. Персуазивная речь направлена на проникновение в сознание адресата, поэтому менеджер коммуникации стремится понимать психологию основных групп своих покупателей и настроен на эмпатию к ним. Он стимулирует то, что называется «покупками импульсивного типа» [4, с. 64]: мягко уговаривает купить и «попробовать», или напоминает об удовольствии легких необязательных покупок, или создает настроение, при котором так просто «зайти в кафе», и это не будет казаться непредвиденным расходом («могу себе позволить»).

Вот один из ключевых текстов на странице с одной из «Наших марок», как раз той, которая создана из слова *nравizza*. Текст лиричен и похож на осторожные советы психолога, едва ли отличимые от дружеских советов, и вместе с тем это продающий текст, реклама, причем не только группы товаров, но и настроения и того образа жизни, который вновь приведет человека к сети «Соседи» – в пиццерию «Nравizza»:

«Nравizza» – эмоция твоего дня!

Живи как нравится: встречайся с любимыми чаще, работай в свое удовольствие, путешествуй, куда тянет душа, уделяй время себе, занимайся спортом и развитием, посещай кино, выставки и любимые курсы.

Главное – цени момент: ешь и пей то, что нравится!

Мы тоже хотим вам нравizza, поэтому предлагаем аппетитную пиццу, сочные бургеры, блинчики и сэндвичи, вкусные суши и воки, а еще ароматный кофе на любой вкус.

А еще забыть о готовке и уделить время тому, что действительно нравится!

6.6. Самопрезентации компаний «Маттиоли» и «Галантэя»: показать товар лицом. На сайтах компаний «Маттиоли» и «Галантэя» есть абзацы и страницы с информацией о компании, ее истории и перспективах, но оба сайта на своих главных страницах открываются каскадом профессиональных фотографий продукции своих фирм и своей основной объем отдают показам сумок и портфелей и рассказам о них. На сайте компании «Маттиоли» под баннером «Витрина» есть еще и отдельная страница с фотоизображениями продукции, распределенными по группам товаров (сумки, портфели, ремни, портмоне, аксессуары).

Оба сайта информативны и логично структурированы. На обоих сайтах есть подборка типичных вопросов и ответов на них, а также окно, в котором можно задать вопрос, не предусмотренный авторами сайта. Но на сайте компании «Маттиоли» есть еще и ссылка «Полезная информация» с небольшими специальными, но достаточно понятными и действительно полезными статьями о сумках. Вот названия двух из них: «Мужской стиль в сумках. Он есть?»; «Как подобрать сумку для зимы...». Все это создает у посетителя сайтов вполне положительное впечатление о фирмах, которые так широко и зримо (товарными массами) представлены на своих сайтах.

Значит ли это, что права старая пословица, в которой утверждается, что гречневая каша сама себя хвалит? Или, говоря по-рыночному, если товаров много, они хороши, а цены реалистичны, то самореклама торгового бизнеса не особенно нужна. Но так ли это?

6.7. Сайты ГУМа и ЦУМа: «реклама скидок» или (анти)реклама торговых домов? В отличие от продовольственного магазина, в котором горожанин что-то покупает практически каждый день, в ГУМе и ЦУМе продаются товары более разнообразного, но не ежедневного спроса. Поэтому в универсаме можно не заходить неделями. Минчане так бы и делали, если бы не ценовая политика ГУМа и ЦУМа, их программы укрепления лояльности покупателей и стимулирования продаж путем проведения «акций» и скидок. На протяжении нескольких последних лет ценовое поведение двух крупнейших универсамов страны состоит в резких, частых и коротких (однодневных) снижениях цен (на 30–35 %). Объявления о снижениях цен, скидках, «акциях», распродажах составляют основное событийное содержание маркетинговой коммуникации ГУМа и ЦУМа.

Так, несколько месяцев весны и лета 2022 г. (до начала школьных базаров) главным рекламным слоганом сайта ГУМа был девиз «Скидки каждый день!». В августе реклама товаров для школьников под общим слоганом «ГУМ готовит к школе!» стала заглавной (открывающей сайт), но объявления о скидках по-прежнему приоритетны. Слоган «Скидки каждый день!» появляется первым в бегущей строке сайта, точнее, в широкой рекламной полосе, заполненной бегущими объявлениями о многочисленных и разнообразных скидках и «акционных» продажах. Скидки распределены по дням недели, по товарам разных ценовых категорий (в какие-то дни они распространяются на товары стоимостью от 5 руб., в другие дни – на всю продукцию независимо от ее цены); есть скидки на товары определенной потребительской категории (например, скидки на сезонную обувь для взрослых) или определенного

производителя (например, скидки на обувь витебской компании «Marko»). Имеются скидки для разных категорий покупателей: для пенсионеров, держателей разных дисконтных карт ГУМа, клиентов определенных банков, скидки за безналичные банковские платежи и т. д.

Понятно, что бухгалтерия (и планирование, и подсчет реальных доходов) в таких условиях двойная. Казалось бы, зачем удваивать непроизводственные издержки сверхсложным учетом? Не лучше ли снизить цены до того порога, какой необходим для получения ожидаемой итоговой выручки? Но нельзя. Для множества людей в этих колебаниях цен состоит главный финансовый стимул покупок в ГУМе или ЦУМе; в этой финансовой игре есть свои победы и удовольствие (не потребительская ценность товара, не гарантированное качество от известного производителя, не редкость вещи, а возможность ощутимо сэкономить, выиграть по сравнению с вчерашним, завтрашним или послезавтрашним днем). В «бесскидочные» дни главные универмаги почти пусты, а редкие посетители смотрят и «прикидывают», сколько вот эта ковровая дорожка или этот сервис будут стоить завтра, в день скидок.

Реклама цен (а не товаров), скидок, рассрочек, возвратных выплат (кешбэк) – это давно известный маркетинговый ход, разработанный в программах «лояльности» и стимулирования продаж. Однако реклама скидок в минских ГУМе и ЦУМе по своему размаху превосходит обычные масштабы таких кампаний. И менеджеры «акционных» продаж, и покупатели, ждущие дня скидок, как дети праздника, – все они как бы забыли, что уцененные товары – это ненужная, невостребованная продукция, (поза)вчерашний день качества, секонд-хенд, последняя остановка товара перед мусорной свалкой. Обилие «уцененки» говорит о неблагополучии в торговом доме; по большому счету, это антиреклама.

Однако у маркетологов, по-видимому, другое отношение к рекламе скидок. В объявлениях о скидках покупатели видят те же предлагаемые в магазинах товары, но только с бонусом в виде ценовой разницы: прежняя цена здесь же, на ценнике, но платить надо меньше. Реклама действует, на сайте расположена бегущая строка объявлений с разноцветными картинками вещей и процентами скидок, товар расходуется, торговые залы заполняются новым товаром.

7. Зачем коммерческому сайту заявлять о миссии, принципах или задачах торговой компании?

Выше (в разделе 6.3) говорилось о смысловой и логико-стилистической неопределенности, а в конечном счете также и о неопределенности функций тех текстовых фрагментов, которые на сайтах обозначены как «(Наша) миссия», «О компании», «О нас», «(Наши) принципы». По своим названиям эти тексты могли бы быть смысловым центром, ядром самопрезентации компании. Могли бы, но не стали (в силу своего невысокого логико-стилистического качества); более того, на некоторых сайтах таких деклараций вообще нет.

Что касается сайтов, где декларации торговой компании о своих намерениях и принципах имеются, то, по-видимому, с этими текстами знакомятся новые сотрудники, поступающие на работу в компанию; эти формулировки полезно прочитать, в какой-то мере (в какой получится) осознать и принять к сведению всему персоналу компании.

Нужны ли эти строки для привлечения покупателей или хотя бы для продвижения коммерческого сайта? Сомневаюсь. Покупатели, если и заметят эти страницы строгой («официальной») саморекламы на сайте, то едва скользнут по ним недоверчивым взглядом с мыслью: «Знаем мы вашу заботу». На объеме продаж все это не отзовется.

И тем не менее «декларации о намерениях» нужны коммерческому сайту для полноты самопрезентации торговой компании.

8. Что важнее на сайте торговой компании: реклама товаров или самореклама?

По занимаемому объему, информативности контента и разработанности дизайна на сайтах торговых компаний первенствует информация о товарах и услугах во всех семиотических модальностях (слова, цифры, фотографии и рисованные изображения, сюжетные картинки, анимация, музыка, видеоролики и т. д.), доступных заказчикам и разработчикам сайта.

Тем не менее совокупный объем информации о собственно компании (то, что можно назвать самопрезентацией и саморекламой) также весьма значительный и разнообразный. Это и сведения об истории компании, ее филиалах, кафе и детских игровых площадках внутри гипермаркета и многом другом вплоть до информации о том, на каком этаже гипермаркета размещены товары разных групп¹⁸. Глубинную часть информации о торговых компаниях составляют их программные заявления («(Наша)

¹⁸Такая страница, в частности, имеется на сайте ЦУМа, хотя обычно все это дается в структурированных объявлениях или на плане при входе в магазин.

миссия» и другие «декларации о намерениях»); на сайтах большинства предприятий приводятся фамилии руководителей или членов наблюдательных советов ОАО, обычно с фотографиями.

На сайтах ГУМа и ЦУМа (ссылки «О нас», «Аб кампаніі») приводятся факты по истории универсамов (особенно подробно рассказано о реконструкции ЦУМа), можно видеть фотоснимки памятных экскурсий и концертных выступлений. По стилю эти материалы напоминают стенгазеты советских учреждений. На сайтах гипермаркетов «Соседи» и «Материк» рубрик типа «О нас», «(Наша) миссия» нет; на сайтах, где подобные ссылки имеются («Евроопт», «Green»), они ведут к таким безликим, а иногда и беспомощным текстам, что их трудно соотнести с реально действующими успешными предприятиями.

Две самые крупные в Беларуси сети по розничной продаже продуктов питания («Евроопт» и «Green») различаются по объему самопрезентации на собственном сайте. «Евроопт», несмотря на наличие рубрик «Миссия» и «Принципы», и хронологии роста числа магазинов, не говорит о том, как соотносятся между собой «Евроопт» и «Евроторг»¹⁹, а также о том, что два самых крупных акционера компании «Евроторг» из-за обвинений в неуплате таможенных платежей проживают за границей; что компания является абсолютным лидером рынка, поэтому ближайший конкурент («Гиппо», «БелМаркет»), работающий в современных форматах торговли, отстает от нее в пять раз с долей рынка 8,2 %; что «Евроторг» – недостижимый лидер в Беларуси по доставке продуктов питания через онлайн-заказы (он контролирует около 98 % рынка); что у компании мощная складская инфраструктура и собственный автопарк из 500 автомобилей. Всего этого нет на сайте ни «Евроопта», ни «Евроторга», но есть в источниках за пределами компании (см., например, публикацию²⁰).

Сайт гипермаркета «Green», напротив, не жалеет места для подробной самопрезентации, в том числе о своем будущем: *«Green» позиционирует себя как сеть магазинов, в которых реализуются исключительно экологически чистые продукты питания без искусственных добавок, пестицидов, консервантов и ГМО. Особое внимание предполагается уделить ассортименту зелени, овощей и фруктов.* К гиперссылке «О компании» привязаны два баннера («О криптоденьгах» и «Годовой отчет»), которые ведут к специальной информации не для покупателей. В целом коммуникационный менеджмент сайта гипермаркета «Green» с учетом сказанного о его определении «миссии» (см. раздел 6.2) представляется довольно слабым.

Высказанная осторожная оценка сайта явно противоречит видимому успеху и процветанию супермаркетов «Green». Это противоречие связано с тем, что покупатели редко и ненадолго заходят на сайты торговых фирм. В покупателях вообще нельзя видеть ту целевую группу пользователей, которым адресуется сайт. Роль абсолютного большинства сайтов (многих миллионов) в обеспечении населения земного шара актуальной информацией сильно преувеличена. На самом деле, как писал П. Кент, «большинство поисков выполняется с помощью немногих поисковых сайтов» [20, с. 30]. То, что интересует обычного пользователя, который собирается в универсам, легко и быстро покажет *Google*: адрес, время работы, телефон (чтобы спросить, допустим, есть ли в магазине отдел шкафов для ванн). Более того, поисковик покажет, как меняется загруженность магазина по часам на протяжении дня, на каком этаже и в какие часы открыто кафе и т. п. Остальное покупатель увидит сам уже в магазине. Сайт ему практически не нужен (ни в информации о товарах, ни тем более в формулировках «миссий» и «принципов»). Неслучайно сайты супермаркетов молчат о количестве покупательских посещений (хотя счетчики вполне доступны): число посещений невелико, а торговля идет.

Тогда встает вопрос: кому нужны сайты торговых домов и супермаркетов? Веб-сайты нужны, во-первых, самому торговому предприятию в частности; во-вторых, бизнес-сообществу в целом.

Для предприятия сайт важен как инструмент обратной и прямой связи с покупателями при реализации программ лояльности клиентов к своей сети: дисконтные карты и накопительные бонусы предоставляются покупателю при условии, что он зарегистрируется на сайте компании, т. е. предоставит компании свой электронный адрес и возможность контакта. Регистрация позволяет компании включить новый адрес в список для рассылок рекламных призывов и иных объявлений. В результате компания, имея согласие клиента всего лишь на регистрацию, получает возможность напрямую входить в его аккаунт так часто, как захочет (по мере готовности очередных рекламных призывов), а при наличии у компании *cookies*-информации о зарегистрированных пользователях она может определять социально-возрастную группу, к которой относится тот или иной покупатель, что позволит фирме посылать

¹⁹ «Евроторг» является владельцем крупнейших в Беларуси сетей розничных магазинов «Евроопт», «Хит!», «Магия» и др. (Чуясов В. Что мы знаем о «Евроопте»: активы, владельцы, доля рынка, скандалы, доходы [Электронный ресурс]. URL: <https://officelife.media/article/money/10957-what-do-we-know-about-the-euroopt-assets-owners-market-share-national-income/> (дата обращения: 10.08.2022)). Аналогично на сайте гипермаркета «Green» не говорится о том, что сеть принадлежит ООО «ГРИНрозница», а на сайте магазина «Соседи» не указано то, что сеть принадлежит ООО «Либретик» (с 1991 г.).

²⁰ Чуясов В. Что мы знаем о «Евроопте»...

таргетированные сообщения на аккаунты своих клиентов с учетом их групповой отнесенности. У фирмы появляется возможность прямого маркетинга (или каталог-маркетинга), под которым понимается рассылка таргетированным группам покупателей товарных каталогов (многостраничные проспекты с фотографиями товаров и указанием цен на них). В литературе по современному маркетингу торговля по каталогам рассматривается как один из наиболее перспективных видов рекламно-торговой деятельности [11, с. 245–246]. Если к перечисленным возможностям маркетингового сайта добавить его взаимодействие с товарными складами, системой доставки заказанных товаров по физическим адресам покупателей и оплаты доставленных товаров, то, как легко видеть, маркетинговый сайт становится интернет-магазином. Социальные последствия расширения онлайн-торговли, которая преодолевает расстояния, границы государств и языков, не нуждается в продавцах и торговых залах, неисчислимы. Интернет-торговля становится мощным фактором ускорения глобализации.

Наконец, коммерческий сайт в качестве коммуникационно-семиотического произведения со всем своим контентом и дизайном, с презентацией как товаров, так и компании важен для определения статуса компании в бизнес-сообществе. Еще до появления веб-сайтов (1991) в интернете распространился такой афоризм-мем: «Если вас нет в интернете, значит, вы не существуете». Применительно к отдельному человеку это, конечно, преувеличение. А вот для самого мелкого бизнеса это действительно так. Владельцы торговых сайтов знают, как мала посещаемость их сайта и как ничтожно влияние количества посещений на объем продаж. Но сайты нужны не для продаж, а для поддержания репутации, престижа, имиджа компании как ее визитная карточка и сертификат профессиональной состоятельности. В информационном продвижении нуждаются не товары, а торговые холдинги и сети супермаркетов (для определения своего профиля, расширения известности и роста не только продаж, но и престижа, для демонстрации своих менеджерских сил и укрепления собственных позиций в своей нише и во всем бизнес-сообществе).

Из рассмотренных восьми торговых сайтов менее всех сообщает фактографическую информацию о себе сайт гипермаркета «Соседи»: не сказано, например, когда бизнес основан (хотя на сайте есть слова *о нашем многолетнем опыте*), кто и когда придумал бренд и логотип; нет фамилии владельцев или акционеров бизнеса и т. д. Но содержание и коммуникационный дизайн сайта таковы, что, на мой взгляд, это лучший сайт из рассмотренных, его делала самая креативная и находчивая команда (не исключено, что один человек). И самое главное: судя по сайту, эти же черты характеризуют коммуникационных менеджеров сайта в частности и компанию в целом. Мое предположение может быть ошибочным. Но такова убеждающая сила репрезентативного сайта: качество, смысловая глубина сайта (или, напротив, его поверхностность), логика (или бессвязность) контента, художественный вкус (или безвкусице), ИТ-профессионализм (или неумелость и примитивность) дизайнера – все эти оценочные черты в сознании аналитика маркетингового сайта переносятся на его заказчика, создателя или владельца, а в конечном счете распространяются на сам бизнес и его товар.

Итак, на вопрос, сформулированный в заглавии статьи, ответ может быть следующим: свой сайт нужен торговому дому для организации интернет-торговли, таргетированной рекламы и укрепления своего статуса в бизнес-сообществе.

Библиографические ссылки

1. Успенский ИВ. *Интернет как инструмент маркетинга*. Санкт-Петербург: БХВ; 1999. 256 с.
2. Иванова КА. *Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2006. 160 с.
3. Гроховский Л, Севостьянов И, Иванов Д, Фиронов Ф. *Продвижение порталов и интернет-магазинов*. Санкт-Петербург: Питер; 2013. 224 с.
4. Романов АА, Панько АВ. *Маркетинговые коммуникации*. Москва: Эксмо; 2006. 432 с.
5. Хейг М. *Электронный Public Relations*. Кашников В, переводчик. Москва: Фаир-пресс; 2002. 192 с.
6. Стоун М, Дейвис Д, Бонд Э. *Прямой маркетинг: пособие для маркетолога и специалиста по рекламе*. Козлов ВВ, переводчик. Минск: Амалфея; 2003. 447 с.
7. Филлипс Д. *PR в Интернете*. Гаврилов И, переводчик. Москва: Фаир-пресс; 2004. 320 с.
8. Коноплицкий ВА, Филина АИ. *Это – бизнес: толковый словарь экономических терминов*. 2-е издание. Киев: Альтер-пресс; 2007. 622 с.
9. Иванова КА. *Англо-русский словарь по рекламе и публичным рилейнз (с толкованиями)*. Санкт-Петербург: Политехника; 2004. 320 с.
10. Жильцова ОН, редактор. *Интернет-маркетинг: учебник для академического бакалавриата*. 2-е издание. Москва: Юрайт; 2017. 301 с.
11. Борушко НВ. *Маркетинговые коммуникации: курс лекций для студентов специальностей 1-26 02 03 «Маркетинг», 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)»*. Минск: БГТУ; 2012. 307 с.

12. Алексеева АО, Варганова ЕЛ, Круглова ЛА, Лосева НГ, Лукина ММ, Лученко КВ и др. *Интернет-СМИ: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов*. Лукина ММ, редактор. Москва: Аспект Пресс; 2013. 348 с.
13. Мечковская НБ. Расточительная гуманитаристика и экономная реклама (о некоторых трендах в социальной коммуникации времен интернета). В: Федорова ЛЛ, редактор. *Экономия в языке и коммуникации: сборник статей*. Москва: РГГУ; 2018. с. 223–248.
14. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 282 p.
15. Горошко ЕИ, Полякова ТЛ. К построению типологии жанров социальных медий. *Жанры речи*. 2015;2:119–127.
16. Гончарова АА. Обзор поджанров коммерческой электронной медиакommunikации. *Медиалингвистика*. 2019;6(4): 512–525. DOI: 10.21638/spbu22.2019.407.
17. Шуманская ОА. Дискурс белорусских ИТ-компаний в интернете. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;1:49–58.
18. Ромашова ИП. К определению термина «корпоративный дискурс» в современной лингвистике. *Омский научный вестник*. 2015;3:42–45.
19. Кент П. *Поисковая оптимизация для чайников*. Гусев ВС, переводчик. 4-е издание. Москва: Вильямс; 2011. 432 с.

References

1. Uspenskii IV. *Internet kak instrument marketinga* [Internet as a marketing tool]. Saint Petersburg: BKhV; 1999. 256 p. Russian.
2. Ivanova KA. *Kopiraiting: sekrety sostavleniya reklamnykh i PR-tekstov* [Copywriting: the secrets of writing advertising and PR texts]. 2nd edition. Saint Petersburg: Piter; 2006. 160 p. Russian.
3. Grokhovskii L, Sevost'yanov I, Ivanov D, Fironov F. *Prodvizhenie portalov i internet-magazinov* [Promotion of portals and online stores]. Saint Petersburg: Piter; 2013. 224 p. Russian.
4. Romanov AA, Pan'ko AV. *Marketingovyie kommunikatsii* [Marketing communications]. Moscow: Eksmo; 2006. 432 p. Russian.
5. Kheig M. *Elektronnyi Public Relations* [Electronic public relations]. Kashnikov V, translator. Moscow: Fair-press; 2002. 192 p. Russian.
6. Stoun M, Deivis D, Bond E. *Pryamoi marketing: posobie dlya marketologa i spetsialista po reklame* [Direct marketing: a guide for the marketer and advertiser]. Kozlov VV, translator. Minsk: Amalfeya; 2003. 447 p. Russian.
7. Fillips D. *PR v Internete* [PR on the Internet]. Gavrilov I, translator. Moscow: Fair-press; 2004. 320 p. Russian.
8. Konopliitskii VA, Filina AI. *Eto – biznes: Tolkovy slovar' ekonomicheskikh terminov* [This is business: explanatory dictionary of economic terms]. 2nd edition. Kyiv: Al'terpress; 2007. 622 p. Russian.
9. Ivanova KA. *Anglo-russkii slovar' po reklame i publik rileishnz (s tolkovaniyami)* [English-Russian dictionary of advertising and public relations (with interpretations)]. Saint Petersburg: Politekhnik; 2004. 320 p. Russian.
10. Zhil'tsova ON, editor. *Internet-marketing: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Internet marketing: a textbook for academic baccalaureate]. 2nd edition. Moscow: Yurait; 2017. 301 p. Russian.
11. Borushko NV. *Marketingovyie kommunikatsii: kurs lektzii dlya studentov spetsial'nostei 1-26 02 03 «Marketing», 1-26 02 02 «Menedzhment (po napravleniyam)»* [Marketing communications: a course of lectures for students of specialties 1-26 02 03 «Marketing», 1-26 02 02 «Management (by directions)»]. Minsk: Belarusian State Technological University; 2012. 307 p. Russian.
12. Alekseeva AO, Vartanova EL, Kruglova LA, Loseva NG, Lukina MM, Luchenko KV, et al. *Internet-SMI: teoriya i praktika: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Internet media: theory and practice: textbook. Allowance for university students]. Lukina MM, editor. Moscow: Aspekt Press; 2013. 348 p. Russian.
13. Mechkovskaya NB. [Wasteful humanitarian studies and economical advertising (about some trends in social communication of the Internet times)]. In: Fedorova LL, editor. *Ekonomiya v yazyke i kommunikatsii: sbornik statei* [Economy in language and communication: collection of articles]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2018. p. 223–248. Russian.
14. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 282 p.
15. Goroshko EI, Poljakova TL. The construction of genre typology of the social media. *Speech Genres*. 2015;2:119–127. Russian.
16. Goncharova AA. Commercial e-communication subgenres review. *Media Linguistics*. 2019;6(4):512–525. Russian. DOI: 10.21638/spbu22.2019.407.
17. Choumanskaya OA. The discourse of Belarusian IT-companies on the Internet. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;1:49–58. Russian.
18. Romashova IP. To the definition of the term «corporate discourse» in modern linguistics. *Omsk Scientific Bulletin*. 2015;3: 42–45. Russian.
19. Kent P. *Poiskovaya optimizatsiya dlya chainikov* [Search engine optimisation for dummies]. Gusev VS, translator. 4th edition. Moscow: Vil'yams; 2011. 432 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.09.2022.
Received by editorial board 11.09.2022.

ВНУТРИГОРОДСКАЯ ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М. Л. ДОРОФЕЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа внутригородских ономастических терминов в русском и французском языках. Установлены общие и частные черты данных терминологических систем. Определено, что отличия преобладают над сходствами в количественном отношении. В обоих языках обнаружены одинаковые термины, однако их семантика не всегда совпадает. Различия в употреблении и содержании терминов обусловлены разными теоретическими подходами к исследованию ономастической системы в целом и традициями ономастических школ в частности. Отмечено, что не все разряды внутригородских названий обозначаются специальными терминами, причиной чего является периферийное положение данных единиц в онимном пространстве поселения. Установлено, что имеется более или менее гармоничная система русских ономастических терминов, которые позволяют полноценно описывать онимы любого города. Подчеркнуто, что Список базовых ономастических терминов, предназначенный для упорядочивания международной терминологии, не всегда способствует поиску иностранных эквивалентов русским терминам. Выявлено, что основные затруднения, с которыми встречаются исследователи при сопоставлении отдельных ономастических терминологий, связаны с лакунарностью, терминологической избыточностью, а также с нетождественным наполнением (содержанием) одного и того же термина в различных ономастических школах одной или нескольких стран.

Ключевые слова: внутригородской ономастический термин; ономастическая терминология; русский язык; французский язык; словарь ономастической терминологии.

УНУТРЫГАРАДСКАЯ АНАМАСТЫЧНАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ Ў РУСКАЙ І ФРАНЦУЗСКАЙ МОВАХ: ПАРАЎНАЛЬНА-СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫ АСПЕКТ

М. Л. ДАРАФЕЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлены вынікі параўнальна-супастаўляльнага аналізу ўнутрыгарадскіх анамастычных тэрмінаў у рускай і французскай мовах. Выяўлены агульныя і прыватныя рысы дадзеных тэрміналагічных сістэм. Вызначана, што адрозненні прэваліруюць над падабенствамі ў колькасных адносінах. У абедзвюх мовах знойдзены аднолькавыя тэрміны, аднак іх семантыка не заўсёды супадае. Адрозненні ва ўжыванні і змесце тэрмінаў абумоўлены рознымі тэарэтычнымі падыходамі да даследавання анамастычнай сістэмы ў цэлым і традыцыямі анамастычных школ, што параўноўваюцца, у прыватнасці. Адзначана, што не ўсе разряды ўнутрыгарадскіх найменняў

Образец цитирования:

Дорофеев М. Л. Внутригородская ономастическая терминология в русском и французском языках: сравнительно-сопоставительный аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;3:56–66.

For citation:

Darafeyenka M. L. Intercity onomastic terminology in Russian and French languages: a comparative aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;3:56–66. Russian.

Автор:

Марина Леонидовна Дорофеев – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Maryna L. Darafeyenka, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
mari008@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1094-7316>

абазначаюцца спецыяльнымі тэрмінамі, прычынай чаго з'яўляецца перыферыйнае становішча дадзеных адзінак у онімнай прасторы паселішча. Устаноўлена, што маецца больш-менш гарманічная сістэма рускіх анамастычных тэрмінаў, якія дазваляюць паўнавартасна апісваць онімы любога горада. Падкрэслена, што Спіс базавых анамастычных тэрмінаў, прызначаны для ўпарадкавання міжнароднай тэрміналогіі, не заўсёды спрыяе пошуку замежных эквівалентаў рускім тэрмінам. Выяўлена, што асноўныя цяжкасці, з якімі сустракаюцца даследчыкі пры супастаўленні асобных анамастычных тэрміналогій, звязаны з лакуарнасцю, тэрміналагічным лішкам, а таксама з нятоесным нападуненнем (зместам) аднаго і таго ж тэрміна ў розных анамастычных школах адной ці розных краін.

Ключавыя словы: унутрыгарадскі анамастычны тэрмін; анамастычная тэрміналогія; руская мова; французская мова; слоўнік анамастычнай тэрміналогіі.

INTERCITY ONOMASTIC TERMINOLOGY IN RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES: A COMPARATIVE ASPECT

M. L. DARAFEYENKA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The results of the comparative analysis of intracity onomastic terms in Russian and French are presented. General and particular features of terms compound based on the material of Russian and French languages are established. The quantitative prevalence of differences over similarities is determined. It has been demonstrated that it is possible to find the same terms in two terminological systems, however, their meanings do not always coincide. Differences in terms usage and their scope are established by different theoretical approaches to the study of the onomastic conceptual system in general and inconsistent traditions of the compared onomastic schools in particular. It has been noted that in Russian and French terminology not all of categories of intercity names are designated by a special onomastic terms both, which has derived from the peripheral position of these units in the onymic space of the settlement. It has been established that at present we have more or less ordered system of Russian onomastic terms which allow us to describe the onym system of any city to the fullest. It is being emphasised that the existing List of basic onomastic terms, designed to organise international terminology, does not always contribute to the search for foreign equivalents of terms. It has been revealed that the main difficulties we encounter while comparing individual onomastic terminologies are related to the lacunarity, terminological redundancy for some fragments of the intercity onomasticon and unequal understanding (scope) of the same term in different onomastic schools of one or different countries.

Keywords: intracity onomastic term; onomastic terminology; Russian language; French language; dictionary of onomastic terminology.

Введение

Процесс развития научных дисциплин и формирования новых теорий и методологических подходов сопряжен с необходимостью создания или совершенствования их терминологического аппарата.

Одной из актуальных задач, стоящих перед специалистами в области ономастики, остается упорядочение ономастической терминологии, так как ее единообразие – необходимое условие верификации полученных данных. По мнению В. И. Супруна, ономастическая терминология «нуждается в теоретическом осмыслении и практическом лексикографическом изложении» [1, с. 138]. Как справедливо замечают В. С. Воеводин и О. И. Копач, «многочисленные аспекты формирования, использования и определения ономастических терминов – это проблема, которая остается в центре внимания ученых-ономастов в течение многих лет» [2, с. 234]. Упорядочение терминологии необходимо еще и потому, что со времени публикации первого издания «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской (далее – ПНВС-1) [3] прошло уже более 40 лет, а со времени публикации второго издания «Словаря русской ономастической терминологии» (далее – ПНВС-2) [4] – более 30 лет, отмеченных появлением новых терминов, употребление которых следует привести в систему.

Безусловно, в ономастике существуют проблемы именования новых явлений, которые могут выступать объектами исследования [5; 6]. По мнению Н. В. Васильевой, «...одной из причин, вызывающих терминологическое многообразие ономастики, является специфика самого ономастического знания, направленного – особенно в последнее время – на обнаружение новых разрядов собственных имен и на

их описание. Такое описание нуждается в этикетировании объектов, в необходимом разграничении их на уровне метаязыка, которое стремится быть все более детальным» [7, с. 373].

Теоретические вопросы ономастической терминологии активно разрабатываются многими белорусскими (В. С. Воеводин и О. И. Копач [2], А. М. Мезенко [8; 9] и М. Л. Дорофеев¹ [10; 11]), российскими (В. И. Супрун [1], Т. П. Соколова [5], В. С. Картавенко [6], Н. В. Васильева [7], М. В. Горбаневский [12], Р. В. Разумов [13], Г. Б. Мадиева [14], А. Н. Соловьёв [15], С. О. Горяев [16] и Т. В. Шмелёва [17; 18]) и другими иностранными учеными, среди которых чешский исследователь М. Гарвалик [19], польский лингвист А. Галковский [20], словацкий филолог И. Валентова [21] и т. д. Использование в нескольких языках ономастических терминов с несовпадающими значениями можно считать главным препятствием для достижения необходимого понимания между практикой представления результатов исследований имен собственных.

Этот факт обуславливает актуальность настоящей статьи, цель которой – установление общих и частных черт в составе русской и французской внутригородских ономастических терминологий. Реализации данной цели способствовало решение следующих задач: выявление современного состояния французской внутригородской ономастической лексики, ее дескриптивный анализ и сопоставление с русской терминологией, а также определение основных терминов, которые используются в русском и французском языках для обозначения внутригородских названий.

В последнее время появляется все больше работ, посвященных сравнительно-сопоставительному исследованию ономастической терминологии разных стран и языков.

Действительно, существует большая разница между написанными российскими и французскими лингвистами трудами, направленными на выявление и анализ состояния внутригородской лексики. Изучению русской внутригородской терминологии уделяют внимание многие языковеды (М. В. Горбаневский [12], Р. В. Разумов [13], Г. Б. Мадиева [14], А. Н. Соловьёв [15], С. О. Горяев [16] и Т. В. Шмелёва [17; 18]), тогда как французская внутригородская терминология до сих пор не выступала полноценным объектом исследования. Имеются лишь отдельные работы по данной теме (труды Ж.-К. Бувье и Ж.-М. Гийона [22], Р. ле Скер [23], М. Мюлон [24] и Б. Атуи [25; 26]).

Филологи, занимаясь анализом ономастической терминологии, при сравнении ее с национальной терминологической системой имен собственных отталкиваются преимущественно от Списка базовых ономастических терминов (далее – Список ICOS)², подготовленного терминологической группой при президиуме Международного совета ономастических наук (*International Council of Onomastic Sciences*), и от Глоссария терминов для стандартизации географических названий (далее – Глоссарий)³, разработанного рабочей группой по терминологии группы экспертов ООН.

Можно привести некоторые работы, посвященные сравнительному исследованию ономастических терминологий в разных языках. Так, Е. А. Хамаева, рассматривая проблемы ономастических терминологий русской и китайской лингвистик, осуществляет их сравнительный анализ, позволивший сделать следующие выводы. Во-первых, в европейской и китайской ономастике существует корпус терминов, для которых характерны непроясненность значения, а также возможность их разночтений и произвольных толкований. Во-вторых, основные ономастические понятия европейской лингвистики используются в китайском языке, но не осуществлены их систематизация, описание и уточнение. В-третьих, в русской и китайской ономастических терминологиях обнаруживаются некоторые общие черты [27]. Польский ученый А. Галковский, рассматривая глобальные ономастикины в теоретической перспективе, исследует некоторые термины (среди которых слова «ономастикон» (*onomasticon*), «антропонимикон» (*anthroponomasticon*), «топонимикон» (*toponomasticon*) [20] и т. д.), зафиксированные в [3; 4]. Лингвист М. Мандола сопоставляет польскую и французскую ономастические классификации, обращая внимание на их отличия и анализируя в сравнительном аспекте некоторые термины (например, слова «хремотоним», «эргоним», «микротопоним», «ороним», «прагматоним», «хороним» и «годоним») [28]. Языковед приводит таблицы, содержащие славянские и французские ономастические термины, соответствующие основным разделам ономастики [28, с. 68–69]. В свою очередь, В. С. Воеводин и О. И. Копач на материале русского и английского языков выделяют три разряда терминов (простые, сложные и составные) и в пределах каждого из них устанавливают способы терминообразования [2]. Кроме того, сравнительно-сопоставительные исследования проводит А. Бёльцкей: автор разрабатывает вопрос со-

¹Дорофеев М. Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2015. 28 с.

²Liste des mots-clefs en onomastique [Electronic resource]. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf> (date of access: 20.03.2022) (В настоящем исследовании использовался франкоязычный вариант Списка ICOS.).

³Glossaire de termes pour la normalisation des noms géographiques = Glosario de términos para la normalización de los nombres geográficos = Глоссарий терминов для стандартизации географических названий = 地名标准化术语汇编 = توحيد مصطلحات مسرد الأماكن أسماء [Electronic resource]. URL: <https://static.lexicool.com/dictionary/IG3TB66589.pdf> (date of access: 20.03.2022).

ставления англо-венгерского глоссария ономастических терминов [29]. Между тем И. Валентова описывает словацкую ономастическую терминологию и ее важные отличия от терминологии и дефиниций ключевых терминов Списка ICOS [21].

Несмотря на это, ощущается нехватка научных работ, в которых бы анализировались французские и русские термины, относящиеся к сфере внутригородских ономастических названий. Частично подобный анализ осуществлен в исследовании Р. В. Разумова и С. О. Горяева, которые посвятили статью проблемам упорядочивания современной российской ономастической терминологии и ее адаптации к зарубежным (прежде всего к западноевропейским) ономастическим терминологиям. Материалом для анализа послужили термины и их дефиниции, содержащиеся в ПНВС-1 и ПНВС-2, а также термины и их дефиниции на английском, французском и немецком языках, представленные в Списке ICOS. По мнению Р. В. Разумова и С. О. Горяева, на основную терминологическую страницу Списка ICOS вынесены три термина, которые могут иметь отношение к урбанонимике (слова «годоним», «ойконим» и «топоним») [16].

В работе [10] автора настоящей статьи установлены базовые компоненты ономастического пространства белорусского и французского городов. В публикации [11] автора настоящей статьи проанализированы основные термины, используемые для обозначения разрядов названий внутригородских объектов в белорусской, русской и французской ономастике, а также определено, что уточнения требует терминологический аппарат, объединяющий понятия, относящиеся к городскому онимному пространству (в данных системах при обозначении тех или иных названий не всегда совпадает объем понятий и наблюдаются как терминологические лакуны, так и терминологическая избыточность).

В данной статье устанавливаются общие и частные черты в составе внутригородских ономастических терминов в русском и французском языках.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили внутригородские ономастические термины в русском языке и их эквиваленты во французском языке. Источниками для выборки русскоязычных терминов явились ПНВС-1 [3] и ПНВС-2 [4], учебное пособие А. М. Мезенко «Белорусская ономастика. Топонимия» [9], в котором содержится краткий словарь топонимных терминов, а также посвященные соответствующей проблематике терминологические работы русских (М. В. Горбаневский [12], Р. В. Разумов [13], Г. Б. Мадиева [14], А. Н. Соловьёв [15], С. О. Горяев [16], Т. В. Шмельёва [17; 18] и др.) и белорусских (В. С. Воеводин и О. И. Копач [2], А. М. Мезенко [8], М. Л. Дорофеев [10; 11] и др.) специалистов в области ономастики. Источниками для выборки франкоязычных понятий послужили изданные на французском языке Список ICOS и Глоссарий, а также труды французских и франкоязычных специалистов в области ономастики (Ж.-К. Бувье и Ж.-М. Гийон [22], Р. ле Скер [23], М. Мюлон [24] и Б. Атуи [25; 26]), касающиеся вопросов внутриселенческих ономастических наименований.

Применялись дескриптивный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы, а также методы систематизации и анализа материала.

Результаты и их обсуждение

Информатизация, развитие компьютерных технологий, глобализация и интернационализация научных исследований привели к интенсивному накоплению знаний, требующему создания четкого терминологического аппарата или переосмысления уже имеющейся понятийной системы. Ономастическая терминология нуждается в упорядочении: это по-прежнему одна из актуальных задач, стоящих перед исследователями имен собственных.

В. И. Супрун полагает, что «...никакая наука не может обойтись без собственных терминов, без них невозможно выразить научные понятия и законы, показать сущность научных идей. Развитие терминологии будет происходить всегда, появление новых терминов – неизбежное следствие научного прогресса. Наука, не создающая новые термины, перестает развиваться, стагнируется...» [1, с. 134]. Ученый считает, что «в новом словаре ономастических терминов, продолжающем традиции Н. В. Подольской, следует, с одной стороны, дать дефиниции новым терминам, характерным для развития науки XXI в., а с другой – показать связь ономастики с лингвистикой, историей, географией, обществознанием, культурологией и прочими отраслями знания, сделать науку об именах собственных более понятной и доступной для всех, кто ею интересуется» [1, с. 138]. При создании данного словаря стал учитываться опыт Н. В. Подольской, которая сформулировала критерии для оценки ономастических терминов [4, с. 12]. По мнению автора настоящей статьи, в новом словаре необходимо также указать иноязычные эквиваленты представленных в нем терминов.

Н. В. Васильева рассматривает два вида (этапа) координирования ономастической терминологии: «лексический (ориентированный на отдельные терминологические единицы) и лексикографический (ориентированный на словарь как способ представления специального знания)» [7, с. 373].

Как отмечает Н. В. Подольская, «...новообразования в терминологии создаются на базе национального языка или на базе заимствований. В идеале понятие данной науки должно быть интернациональным. Современный терминолог стремится к тому, чтобы и терминология была интернациональна хотя бы по составу своих терминоэлементов» [4, с. 11]. Проанализированные автором настоящей статьи внутригородские ономастические термины и их дефиниции преимущественно соответствуют данному критерию. Следует рассмотреть основные термины, используемые для описания внутригородского онимного пространства.

Урбанонимы – один из ключевых терминов, употребляющихся для обозначения внутригородских объектов. Изначально под данным термином Н. В. Подольская понимает «вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта (агороним, годоним, название отдельного здания, городской хороним)», а также приводит в скобках термин «урбоним» [3, с. 154]. В дальнейшем исследователь не употребляет термин «урбоним» в подобном контексте [4, с. 139]. Более того, в ПНВС-2 урбанонимное пространство расширяется за счет включения в список имен собственных, которые могут считаться урбанонимами, терминов «экклезионим» и «ойкодомоним» [4, с. 139]. В белорусской ономастике термин «урбаноним» имеет похожее толкование, а к именам собственным, которые являются урбанонимами, причисляются также урбаногидронимы [9, с. 257].

Урбанонимы включают в свой состав несколько ономастических разрядов.

Долгое время анализ внутригородских названий оставался предметом исследования краеведов и отдельных историков, которые изучали названия, функционирующие в конкретном большом или маленьком населенном пункте. На этом этапе отсутствовали специальные термины для обозначения данных наименований, и вместо них употреблялись описательные обороты (*внутригородские топонимы* [4], *внутригородские названия* [8], *названия внутригородских объектов* [8], *названия улиц* [8; 30], *городские топонимы* [12], *названия географических объектов* [30], *географические названия* [30]). Как пишет Н. В. Подольская, «...термин возникает иной раз значительно позднее появившегося в процессе научного мышления понятия. Понятие может первоначально и не иметь словесного оформления, на следующей стадии словесное оформление часто имеет характер весьма приблизительного описательного словосочетания, и лишь постепенно оно преобразуется в настоящий термин. Понятия терминируются всегда сознательно (не стихийно). Со временем термин может так же сознательно и изменяться» [4, с. 11].

Следует отметить, что к рассмотрению специфики термина «урбаноним» и объема урбанонимного пространства обращались многие исследователи (А. М. Мезенко [8], М. В. Горбаневский [12], Р. В. Разумов [13], Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун [14], А. Н. Соловьёв [15], Т. В. Шмелёва [17] и др.).

Опираясь на проанализированные работы, можно назвать те разряды имен собственных, которые однозначно причисляются к урбанонимам. В их число входят агоронимы, годонимы, городские хоронимы, экклезионимы и ойкодомонимы [4, с. 139; 13, с. 17]. Ученые дополняют данный список. Например, к разряду урбанонимов некоторые лингвисты относят дримонимы – названия мостов, вокзалов, станций метро, парков, городских садов, скверов; монументонимы – названия памятников и мемориальных комплексов [13, с. 17]; порейурбанонимы – названия остановок общественного транспорта [14, с. 115], а также названия жилых комплексов и фонтанов.

Однако специалисты в области ономастики до сих пор расходятся во мнении относительно состава и объема урбанонимного пространства⁴. По мнению Т. В. Шмелёвой, «работа над ономастическим портретом города выявляет в сложившейся терминологии лакуны и избыточность для некоторых

⁴К примеру, А. Н. Соловьёв полагает, что «...урбанонимическое (внутригородское) пространство весьма разнородно и в этом плане подобно топонимическому, только в меньших масштабах. Оно включает в себя несколько пластов. Среди них важнейшими являются четыре:

- а) официальные названия адресных объектов (улицы, переулки, площади, тупики и т. д.);
- б) другие официальные названия, не являющиеся адресными объектами (названия мостов, парков, остановок транспорта);
- в) официальные эргонимы;
- г) неофициальные названия объектов первых трех пластов» [15, с. 203].

В единый ономастический разряд их объединяют «два аспекта: принадлежность к ономастическому пространству определенного города и... использование онима в качестве объекта, помогающего ориентироваться в городском пространстве, локализовать его в официальной и неофициальной речевых ситуациях» [15, с. 203]. В свою очередь, Р. В. Разумов, уточняя понятие «урбаноним» и дополняя список объектов, которые входят в урбанонимное поле, предлагает относить к этому разряду онимов только названия топографических объектов. По мнению ученого, из списка названий внутригородских объектов следует исключить названия рынков [13, с. 17], которые он относит к эргонимам (тогда как Н. В. Подольская относит названия рынков к агоронимам [4, с. 27]).

фрагментов городского ономастикона (например, заведений еды)» [17, с. 114]. Как верно замечает М. Гарвалик, «основные трудности, с которыми мы встречаемся при сопоставлении отдельных ономастических терминологий, связаны с использованием нескольких разных терминов для обозначения одного и того же явления или типа имен, с разным пониманием (содержанием) одного и того же термина в разных ономастических школах, а также с конкуренцией международных и отечественных терминов» [19, с. 6].

Во французской ономастике, в которой автор настоящей статьи не обнаружил вышеназванные термины, обозначение того или иного разряда имен собственных возможно при помощи как слова, так и словосочетания (*anthroponyme* ‘антропоним’ и *nom de personne* ‘имя человека’, *toponyme* ‘топоним’ и *nom de lieu* ‘название местности’, *toponyme* ‘топоним’ и *nom géographique* ‘географическое название’ и т. п.). В свою очередь, славянская ономастика, также допускающая возможность словосочетательного оформления термина, оперирует преимущественно греко-латинскими сложными словами, в основном с компонентом *-оним*. В силу широкой семантики греческого корня, к которому добавлен этот компонент, «даже знание греческого языка при прозрачной внутренней форме термина не всегда позволяет определить границы понятия» [16, с. 132–133].

В качестве аналогов при описании городского пространства во французской ономастике употребляются не зафиксированные ни в Списке ICOS, ни в Глоссарии термины *toponyme urbain* ‘городской топоним’ [22], *toponyme des territoires urbains* ‘топоним городских территорий’ [23], *nom urbain* ‘городское название’ [24] (термин «городской топоним» также использовался в трудах российских специалистов в области ономастики [12]). *Hodonyme* ‘годоним’ и *nom de rue* ‘название улицы’ – термины, имеющие отношение к городскому онимному пространству и отраженные в данных терминологических работах, тем не менее их определения не могут адекватно описать состав внутригородских имен. По мнению Б. Атуи, этот термин «охватывает только такие пути сообщения, как улицы, бульвары, проспекты, тогда как городское название используется в топонимической литературе в более широком смысле и включает в себя названия микрорайонов, кварталов, застроенных территорий, деревень и городов – одним словом, все имена, которые находятся в городской среде»⁵ [26]. Лингвист предлагает определить термин «городские названия» как «отрасль топонимии (или годонимии), имеющую в качестве сферы интересов изучение городских названий в общем виде, будь то пути сообщения, города, деревни, кварталы, застроенные территории, здания, учреждения, произведения искусства, в том числе мосты, парки, скверы и даже памятники, имеющие важный коммеморативный характер, – одним словом, всего, что расположено в городском пространстве» [25]. Данный французский термин не совпадает с русским термином «урбаноним», который включает в свой состав наименования не города или деревни, а объектов, расположенных на городской территории. В то же время можно привести исследование Т. В. Шмелёвой, предлагающей модель описания городской ономастики (ономастический портрет города), важнейшим фрагментом которой является имя города [17].

Следует констатировать, что во французской ономастике автор настоящей статьи не обнаружил устоявшийся термин «урбаноним», несмотря на то что сами внутригородские названия, безусловно, существуют, а данная лексема успешно отвечает требованиям, предъявляемым к ономастическим терминам. Во-первых, этот термин однословный (сложный, двухосновный). Во-вторых, его основу составляют греческие и латинские терминоэлементы, что способствует его пониманию в международной среде даже при его национальном оформлении. В-третьих, «...важным принципом является построение термина по определенной модели с учетом системности структуры ономастических терминов. Для однословных терминов важно существование типовых морфем в ономастической терминологии» [4, с. 12]. К таким русскоязычным типовым морфемам относятся компонент *-оним* ‘одно имя’ (*урбаноним*), финаль *-ия* ‘совокупность имен’ (*урбанонимия*), финаль *-ик(а)* ‘раздел науки’ (*урбанонимика*), финаль *-ист* ‘исследователь’ (*урбанонимист*), а также финаль *-икон* ‘список, словарь’ (*урбанонимикон*).

Анализ французских ономастических терминов также позволил обнаружить закономерность использования определенных компонентов и финалей. Так, к типовым морфемам французской ономастической терминологии относятся компонент *-ониме* ‘одно имя’ (*ониме* ‘оним’, *toponyme* ‘топоним’, *anthroponyme* ‘антропоним’), финаль *-мие* ‘совокупность имен и раздел науки’ (*anthroponymie* ‘антропонимия’ и ‘антропонимика’, *toponymie* ‘топонимия’ и ‘топонимика’), финаль *-икон* ‘список, словарь’ (*anthroponomasticon* ‘антропонимикон’, *toponomasticon* ‘топонимикон’), а также финаль *-исте* ‘исследователь’ (*toponymiste* ‘топонимист’).

Можно заметить, что во французском языке финаль *-мие* используется для обозначения и совокупности имен, и раздела науки, тогда как в русском языке данные значения выражаются при помощи

⁵Здесь и далее перевод наш. – М. Д.

финалей *-ия* и *-ик(а)* (*anthroponymie* ‘антропонимия’ – совокупность антропонимов территории или региона, языка, периода и т. д.⁶; *anthroponymie* ‘антропонимика’ – раздел ономастики, посвященный научному изучению антропонимов⁷).

Автор настоящей статьи полагает, что термин *urbanonyme*, не зафиксированный в специализированных глоссариях, однако встречающийся в некоторых публикациях⁸, мог бы получить более широкое распространение, так как хорошо сочетается с системой ономастических компонентов и финалей, функционирующих во французском языке. От данного термина при помощи компонента *-onyme* можно образовать слово *urbanonyme* ‘урбаноним’, при помощи финали *-mie* – слово *urbanonymie* ‘урбанонимия’ и ‘урбанонимика’, при помощи финали *-icon* – слово *urbanonymicon* ‘урбанонимикон’, а при помощи финали *-iste* – слово *urbanonymiste* ‘урбанонимист’.

М. Мандола, анализируя польские и французские ономастические классификации, употребляет термин *urbonyme* ‘урбоним’ [28, с. 63], подразумевая под ним названия элементов городского пейзажа. Стоит заметить, что в русской ономастике термин «урбоним» приводится в скобках при определении термина «урбаноним» [3, с. 154]. В ПНВС-1 дефиниция термина «урбоним» дается через дефиницию термина «урбаноним» [3], а в ПНВС-2 она вовсе отсутствует [4, с. 139]. Теперь при помощи термина «урбаноним» обозначают название города.

Городское онимное пространство включает в себя названия точечных, линейных и территориальных объектов, имеющих специальное терминологическое обозначение и не имеющих его.

К названиям территориальных объектов, имеющих специальное терминологическое обозначение, относятся агоронимы, годонимы, хоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы, гефиронимы, монументонимы и порейурбанонимы.

Агороним – «...вид урбанонима. Название городской площади; рынка» [3, с. 27; 4, с. 27].

Годоним – «...вид урбанонима. Название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [3, с. 50–51; 4, с. 52]. В Списке ICOS этот термин имеет два варианта написания (*hodonyme* и **odonyme*⁹) и определяется как «название пути (т. е. улицы, сквера, шоссе, дороги, тропинки, туннеля, брода, моста, пешеходного моста, железнодорожной ветки и т. д. (например, *Portobello Road*, *Eurotunnel*, *Via Baltica*, *Marktgasse*, *DI*))»¹⁰. Стоит уточнить, что в данном случае имеется в виду название пути с родовым словом *voie*. Отдельно указывается термин *nom de rue* ‘название улицы’, который определяется как «название проезда в городе, поселке, деревне (например, *Broadway*, *Baker Street*, *Unter den Linden*)», причем в Списке ICOS указывается, что названия улиц образуют подкатегорию годонимов¹¹. В русской ономастике термин «название улицы» отдельно не зафиксирован, однако данный вид онимов упоминается при определении годонимов [3, с. 50–51; 4, с. 52].

В Глоссарии встречается термин *odonum* ‘годоним’, который определяется как «имя собственное, обозначающее путь сообщения: *Via Appia* (историческая дорога), *A-6* (шоссе), *Unter den Linden* (проспект), *Darb al-Hājj* (паломнический маршрут)»¹².

Таким образом, можно констатировать расхождение в понимании термина «годоним» в русской и французской ономастике. Если в русской ономастике он обозначает название линейного объекта, расположенного в населенном пункте, то во французской ономастике он имеет более широкое значение и включает в себя названия еще некоторых территориальных объектов, например скверов и путей сообщения, в том числе выходящих за пределы населенного пункта. Следует отметить, что в русской ономастике для обозначения имен собственных, которые представляют собой названия путей сообщения, используется термин «дромоним» – «...вид топонима. Собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного» [4, с. 57].

⁶Liste des mots-clefs en onomastique [Electronic resource]. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf> (date of access: 20.03.2022).

⁷Ibid.

⁸Например, У. Кохановская в качестве урбанонимов рассматривает названия территорий, путей сообщения и определенных фиксированных точек (кроме общественных зданий) [30, р. 53]. Вместе с тем она ссылается на К. Хандке, которая полагает, что урбанонимы – это топонимы, относящиеся к городской агломерации и включающие в себя названия различных мест: территорий (например, районов и городов), путей сообщения (например, улиц и проспектов), а также фиксированных точек (например, площадей, кольцевых развязок и общественных зданий). Кроме того, У. Кохановская указывает, что Л. Валеришак понимает этот термин более узко и использует его только для обозначения путей сообщения [30, р. 53].

⁹Термины, отмеченные астериском (*), не рекомендуются к употреблению.

¹⁰Liste des mots-clefs en onomastique [Electronic resource]. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf> (date of access: 20.03.2022).

¹¹Ibid.

¹²Glossaire de termes pour la normalisation des noms géographiques = Glosario de términos para la normalización de los nombres geográficos = Глоссарий терминов для стандартизации географических названий = 地名標準化术语汇编 = توحيد مصطلحات مسرد الأماكن أسماء [Electronic resource]. URL: <https://static.lexicool.com/dictionary/IG3TB66589.pdf> (date of access: 20.03.2022).

Хороним – «...класс топонима. Собственное имя любой территории, области, района, в том числе х. административный, городской, природный (см.). Пр.: *Сибирь, Приморский край, Беловежская пуща, Латвия, Воронежская область, Болгария*»¹³ [3, с. 160]. Однако в ПНВС-2 не приводятся примеры хоронимов, а при перечислении их видов не называется городской хороним (его определение в самом словаре дается) [4, с. 145–146].

Термин *choronpote* ‘хороним’ функционирует во французской ономастике и обозначает «собственное имя крупного географического или административного земельного объекта (например, *Африка, Сибирь (Siberia), Suomi, Dalmacija, Toscana, Bretagne, Steiermark, Castilla, La Mancha*)»¹⁴ и «топоним, определяющий географическую область»¹⁵.

Наблюдаются некоторые различия в понимании данного термина в русской и французской ономастике. Так, во французской ономастической традиции отсутствует разделение хоронимов на виды (административный, городской, природный). Согласно терминологии, разработанной Н. В. Подольской, примеры, приведенные в определении из Списка ICOS, относятся к административным хоронимам [3, с. 160; 4, с. 145–146].

Экклезионим – «...класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, отдельно стоящего алтаря, священных камня, источника, дерева» [3, с. 164; 4, с. 149].

Ойкодомонимы – названия отдельных зданий [4, с. 16, 184].

Гефирономы – названия мостов. Этот вариант написания термина предложили Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун [14, с. 115]. В свою очередь, Р. В. Разумов использует вариант написания «гефюроним» и в тех случаях, когда речь идет о городском онимном пространстве, употребляет данное понятие с компонентом *урбо-* (*урбогефюроним*) или с прилагательным *городской* (*городской гефюроним*) [13, с. 17].

Монументонимы – названия памятников, монументов и мемориальных комплексов [13, с. 17].

Порейурбанонимы – названия остановок транспорта [14, с. 115].

К названиям территориальных объектов, не имеющих специального терминологического обозначения, относятся названия жилых комплексов¹⁶, вокзалов, станций метро и фонтанов.

Анализ работ, посвященных урбанонимному пространству, позволяет полагать, что при изучении ономастической внутригородской понятийной системы пока нет терминологического единства и ученые, использующие термин «урбаноним», по-разному понимают его содержание и объем.

Заключение

Исследование ономастических терминов, употребляемых в сфере внутрипоселенческих названий в русском и французском языках, позволило установить общие и частные черты в составе данных единиц в двух ономастических системах.

Общими для русской и французской ономастических систем являются следующие черты. Во-первых, в них обнаруживаются одинаковые термины (например, слова «годоним» и «хороним»). Во-вторых, некоторые разряды внутригородских названий занимают периферийное положение в городском онимном пространстве, поэтому не имеют специальных ономастических терминов. Так, нет особого термина для обозначения названий фонтанов, вокзалов, станций метро и некоторых других внутригородских объектов, что свидетельствует о некоторой лакунарности внутригородской терминологии. В-третьих, обнаруживаются закономерности в использовании определенных компонентов и финалей для образования терминов.

¹³Следует подробнее рассмотреть разновидности хоронимов, имеющих отношение к городской онимной системе. В ПНВС-1 понятие «административный хороним» определяется как «...вид хоронима. Собственное имя любой административно-территориальной единицы, имеющей определенные границы, принятое в официальных документах, в том числе название государства, республики, края, области, района. Пр.: *СССР, США, ЧССР, Армянская ССР, Московская область, Звенигородский район*» [3, с. 160]. В ПНВС-2 в список административно-территориальных единиц, названия которых относятся к хоронимам, добавляется имя собственное штата [4, с. 145–146]. В ПНВС-1 понятие «городской хороним» определяется как «...вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка, кладбища. Пр.: *Кремль, Зарядье, Лужники, Сокольники, Измайловский парк; Петроградская сторона, Васильевский остров, Петропавловская крепость*» [3, с. 160]. В ПНВС-2 из списка объектов, названия которых считаются городскими хоронимами, убираются кладбища [4, с. 146].

¹⁴Liste des mots-clefs en onomastique [Electronic resource]. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf> (date of access: 20.03.2022).

¹⁵Glossaire de termes pour la normalisation des noms géographiques = Glosario de términos para la normalización de los nombres geográficos = Глоссарий терминов для стандартизации географических названий = 地名标准化术语汇编 = توحيد مصطلحات أسماء الأماكن [Electronic resource]. URL: <https://static.lexicool.com/dictionary/IG3TB66589.pdf> (date of access: 20.03.2022).

¹⁶С одной стороны, данные онимы могут быть отнесены к хоронимам, а с другой стороны, названия отдельных зданий в пределах жилого комплекса можно классифицировать как ойкодомонимы.

Частными для русской и французской ономастических систем являются следующие черты. Во-первых, значения терминов не всегда совпадают. Расхождения в употреблении и толковании ономастических понятий обусловлены различными теоретическими подходами к исследованию ономастической терминологии в целом и отдельных разрядов онимной лексики в частности. Во-вторых, в русской ономастической традиции термины «монументоним», «гефироним» («гефюроним») и «порейурбаноним» появились после публикации [3; 4], поэтому еще не имеют словарной фиксации. Эти термины пока не получили широкого распространения и применяются в основном в славянской ономастике. В-третьих, в двух системах количество ономастизируемых объектов разнится. Одни из причин нарушения паритета между числом ономастизируемых объектов – малочисленность некоторых видов объектов в связи с их периферийным положением в онимном пространстве города и отсутствие исследований их наименований (в русской и белорусской ономастике не обнаружены работы, посвященные названиям мельниц, в отличие от французской ономастики, в которой данные онимы изучаются [24]). В-четвертых, имеется более или менее упорядоченная система русских ономастических терминов, которая позволяет полноценно описывать онимы любого населенного пункта. Однако использование Списка ICOS для упорядочивания международной терминологии и проведения сравнительно-сопоставительного анализа сопряжено с некоторыми трудностями. Эти трудности связаны с лакуарностью в терминологии (т. е. с отсутствием в национальной ономастической понятийной системе терминов для обозначения некоторых разрядов имен собственных), с отсутствием эквивалентов терминов национальной ономастики, с терминологической избыточностью для обозначения некоторых фрагментов внутриселенческого ономастикона (т. е. с использованием нескольких разных терминов для обозначения одного и того же явления или типа имен), а также с неодинаковым наполнением (содержанием) одного и того же термина в различных ономастических школах одной или нескольких стран.

Библиографические ссылки

1. Супрун ВИ. Размышления над ономастической терминологией. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011;8:133–138.
2. Воеводин ВС, Копач ОИ. Структурные особенности базовой ономастической терминологии в английском и русском языках. В: Воробьева ОА, редактор. *Актуальные проблемы гуманитарного образования. Материалы V Международной научно-практической конференции; 18–19 октября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Белорусский государственный университет; 2018. с. 234–240.
3. Подольская НВ. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука; 1978. 199 с.
4. Подольская НВ. *Словарь русской ономастической терминологии*. 2-е издание. Москва: Наука; 1988. 192 с.
5. Соколова ТП. Проблема наименования новых городских объектов. В: Ганжина ИМ, Супрун ВИ, редакторы. *Ономастика Поволжья. Материалы XIV Международной научной конференции; 9–13 сентября 2014 г.; Тверь, Россия*. Тверь: Тверской государственный университет; 2014. с. 159–162.
6. Картавенко ВС. Новые явления в топонимии города. В: Королёва ИА, редактор. *Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Материалы Международной научно-практической конференции; 24 апреля 2018 г.; Смоленск, Россия*. Смоленск: Смоленский государственный университет; 2018. с. 33–36.
7. Васильева НВ. О координировании ономастической терминологии. *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*. 2014;2-1:373–377.
8. Мезенко АМ. *Урбанонимия Белоруссии*. Минск: Университетское; 1991. 167 с.
9. Мезенко АМ. *Белорусская ономастика. Топонимия*. Минск: Элайда; 2012. 260 с.
10. Дорофеев МЛ. Городское ономастическое пространство: основные компоненты (на материале внутригородских названий белорусского и французского городов). *Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова*. 2020;31:148–151.
11. Дорофеев МЛ. Разряды внутригородских названий в белорусской, русской и французской терминологических системах. У: Капылю ІЛ, редактар. *Сучасныя праблемы аномастыкі. Зборнік навуковых артыкулаў. Выпуск 1 (да 85-годдзя з дня нараджэння В. П. Лемцюгова)*. Мінск: Беларуская навука; 2022. с. 67–71.
12. Горбаневский МВ. *Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей*. Москва: Общество любителей российской словесности; 1996. 304 с.
13. Разумов РВ. Об упорядочении ономастической терминологии области урбанонимии. *Верхневолжский филологический вестник*. 2015;2:14–19.
14. Мадиева ГБ, Супрун ВИ. Система современной русской урбанонимической терминологии. *Вопросы ономастики*. 2017;14(2):115–125. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014.
15. Соловьёв АН. Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы. *Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова*. 2018;25:198–203.
16. Разумов РВ, Горяев СО. Урбанонимическая терминология: системы и проблемы. *Научный диалог*. 2019;9:130–145.
17. Шмелёва ТВ. Ономастический портрет города как модель интегрального описания. В: Васильев ВЛ, редактор. *Ономастика Поволжья. Материалы XVII международной научной конференции; 17–20 сентября 2019 г.; Великий Новгород, Россия*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; 2019. с. 112–117.
18. Шмелёва ТВ. *Великий Новгород: ономастический портрет*. Великий Новгород: Печатный Двор; 2020. 288 с.
19. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии. *Вопросы ономастики*. 2007;4:5–13.
20. Gałkowski A. Les onomasticons globaux dans une perspective théorique. *Onomastica Uralica*. 2018;11:105–116.

21. Valentová I. Slovak and ICOS onomastic terminologies. *Onoma: Journal of the International Council of Onomastic Sciences*. 2020;55:289–310.
22. de Bouvier J-C, Guillon J-M, éditeurs. *La toponymie urbaine: significations et enjeux. Actes du colloque; 11–12 décembre 1998; Aix-en-Provence, France*. Paris: L'Harmattan; 2001. 256 p.
23. le Squère R. Analyse des perceptions, usages et fonctions des toponymes actuels des territoires ruraux et urbains de Bretagne. *Cahiers de sociolinguistique*. 2006/1;11:81–99. DOI: 10.3917/csl.0601.0081.
24. Mulon M. Typologie des noms de moulins en France. *Nouvelle Revue D'onomastique*. 2012;54:11–20. DOI: 10.3406/onom.2012.1746.
25. Atoui B. Les noms urbains [Internet]. In: Proceedings of 11th United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names; 2017 August 8–17; New York, USA [cited 2022 March 20]. Available from: https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/ungegn/docs/11th-uncsgn-docs/E_Conf.105_157_CRP.157_9_LES%20NOMS%20URBAINS.pdf.
26. Atoui B. Proposition de définition de nouveaux termes pour le glossaire terminologique [Internet]. In: Proceedings of 11th United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names; 2017 August 8–17; New York, USA [cited 2022 March 20]. Available from: https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/ungegn/docs/11th-uncsgn-docs/E_Conf.105_124_CRP.124_13_PROPOSITION%20DE%20DEFINITION%20DE%20NOUVEAUX%20TERMES%20POUR%20LE%20GLOSSAIRE%20TERMINOLOGIQUE.pdf.
27. Хамаева ЕА. О современном состоянии ономастической терминологии в китайской и русской лингвистиках. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2009;4:148–152.
28. Mandola M. Classifications onomastiques polonaise et française. *Onomastica Uralica*. 2018;11:63–74.
29. Bölskei A. A report on the compilation of an English-Hungarian glossary of onomastic terms. *Linguodidactica*. 2018;XXV:75–86.
30. Ахманова ОС, редактор. *Микротопонимия: материалы совещания*. Москва: Издательство Московского университета; 1967. 156 с.
31. Kochanowska U. Les techniques de traduction des urbanonymes sur l'exemple des romans policiers polonais et leurs traductions en français. *Linguodidactica*. 2021;XXV:51–68. DOI: 10.15290/lingdid.2021.25.04.

References

1. Suprun VI. Reflection on onomastic terminology. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2011;8:133–138. Russian.
2. Vayevodzin VS, Kopach OI. Structural peculiarities of the basic onomastic terminology in English and Russian. In: Vorob'eva OA, editor. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 18–19 oktyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Actual problems of humanitarian education. Proceedings of the 5th International scientific and practical conference; 2018 October 18–19; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 234–240. Russian.
3. Podol'skaya NV. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka; 1978. 199 p. Russian.
4. Podol'skaya NV. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd edition. Moscow: Nauka; 1988. 192 p. Russian.
5. Sokolova TP. [The problem of naming new city objects]. In: Ganzhina IM, Suprun VI, editors. *Onomastika Povolzh'ya. Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 9–13 sentyabrya 2014 g.; Tver', Rossiya* [Onomastics of the Volga region. Proceedings of the 14th International scientific conference; 2014 September 9–13; Tver, Russia]. Tver: Tver State University; 2014. p. 159–162. Russian.
6. Kartavenko VS. [New phenomena in the toponymy of the city]. In: Koroleva IA, editor. *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 24 aprelya 2018 g.; Smolensk, Rossiya* [Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2018 April 24; Smolensk, Russia]. Smolensk: Smolensk State University; 2018. p. 33–36. Russian.
7. Vasilyeva NV. On the coordination of onomastic terminology. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014; 2-1:373–377. Russian.
8. Mezenko AM. *Urbanonimiya Belorussii* [Urbanonymy of Belarus]. Minsk: Universitetskoe; 1991. 167 p. Russian.
9. Mezenko AM. *Belorusskaya onomastika. Toponimiya* [Belarusian onomastics. Toponymy]. Minsk: Elaida; 2012. 260 p. Russian.
10. Darafeyenka ML. City onomastic space: main components (on the material of intracity names of Belarusian and French cities). *Uchenye zapiski VGU im. P. M. Masherova*. 2020;31:148–151. Russian.
11. Dorofeenko ML. [Grades of intracity names in the Belarusian, Russian and French terminological systems]. In: Kapylow IL, editor. *Suchasnyja problemy anamastyki. Zbornik navukovykh artykulaw. Vypusk 1 (da 85-goddzja z dnja naradzhennja V. P. Lemcjuga)* [Modern problems of onomastics. A collection of scientific articles. Issue 1 (to the 85th anniversary of the birth of V. P. Lemtyugova)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2022. p. 67–71. Russian.
12. Gorbanevskii MV. *Russkaya gorodskaya toponimiya: metody istoriko-kul'turnogo izucheniya i sozdaniya komp'yuternykh slovarей* [Russian urban toponymy: methods of historical and cultural study and creation of computer dictionaries]. Moscow: Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti; 1996. 304 p. Russian.
13. Razumov RV. On regulating onomastic terminology in the field of urbanonymy. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*. 2015; 2:14–19. Russian.
14. Madiyeva GB, Suprun VI. The system of modern Russian urbanonymic terminology. *Voprosy onomastiki*. 2017;14(2):115–125. Russian. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014.
15. Solovyev AN. Urbanonym as an onomastic term: formulation of the problem. *Uchenye zapiski VGU im. P. M. Masherova*. 2018;25:198–203. Russian.
16. Razumov RV, Goryaev SO. Urbanonymic terminology: systems and problems. *Nauchnyi dialog*. 2019;9:130–145. Russian.
17. Shmeleva TV. [Onomastic portrait of the city as a model of integral description]. In: Vasil'ev VL, editor. *Onomastika Povolzh'ya. Materialy XVII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 17–20 sentyabrya 2019 g.; Velikii Novgorod, Rossiya* [Onomastics of

the Volga region. Proceedings of the 17th International scientific conference; 2019 September 17–20; Veliky Novgorod, Russia]. Veliky Novgorod: Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; 2019. p. 112–117. Russian.

18. Shmeleva TV. *Velikii Novgorod: onomasticheskii portret* [Veliky Novgorod: an onomastic portrait]. Velikiy Novgorod: Pechatnyi Dvor; 2020. 288 p. Russian.

19. Garvalik M. [To the question of modern onomastic terminology]. *Voprosy onomastiki*. 2007;4:5–13. Russian.

20. Gałkowski A. Les onomasticons globaux dans une perspective théorique. *Onomastica Uralica*. 2018;11:105–116. French.

21. Valentová I. Slovak and ICOS onomastic terminologies. *Onoma: Journal of the International Council of Onomastic Sciences*. 2020;55:289–310.

22. de Bouvier J-C, Guillon J-M, éditeurs. *La toponymie urbaine: significations et enjeux. Actes du colloque; 11–12 décembre 1998; Aix-en-Provence, France*. Paris: L'Harmattan; 2001. 256 p.

23. le Squère R. Analyse des perceptions, usages et fonctions des toponymes actuels des territoires ruraux et urbains de Bretagne. *Cahiers de sociolinguistique*. 2006/1;11:81–99. DOI: 10.3917/csl.0601.0081.

24. Mulon M. Typology of mill names in France. *Nouvelle revue d'onomastique*. 2012;54:11–20. DOI: 10.3406/onoma.2012.1746.

25. Atoui B. Les noms urbains [Internet]. In: Proceedings of 11th United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names; 2017 August 8–17; New York, USA [cited 2022 March 20]. Available from: https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/uneggn/docs/11th-uncsgn-docs/E_Conf.105_157_CRP.157_9_LES%20NOMS%20URBAINS.pdf.

26. Atoui B. Proposition de définition de nouveaux termes pour le glossaire terminologique [Internet]. In: Proceedings of 11th United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names; 2017 August 8–17; New York, USA [cited 2022 March 20]. Available from: https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/uneggn/docs/11th-uncsgn-docs/E_Conf.105_124_CRP.124_13_PROPOSITION%20DE%20DEFINITION%20DE%20NOUVEAUX%20TERMES%20POUR%20LE%20GLOSSAIRE%20TERMINOLOGIQUE.pdf.

27. Khamaeva EA. On current condition of onomastic terminology in Chinese and Russian linguistics. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2009;4:148–152. Russian.

28. Mandola M. Classifications onomastiques polonaise et française. *Onomastica Uralica*. 2018;11:63–74.

29. Bölcskei A. A report on the compilation of an English-Hungarian glossary of onomastic terms. *Linguodidactica*. 2018;XXV:75–86.

30. Ahmanova OS, editor. *Mikrotoponimiya: materialy soveshchaniya* [Microtoponymy: materials of the meeting]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1967. 156 p. Russian.

31. Kochanowska U. Techniques for translating urbanonyms on the example of Polish detective novels and their translations into French. *Linguodidactica*. 2021;XXV:51–68. DOI: 10.15290/lingdid.2021.25.04.

Статья поступила в редакцию 23.06.2022.

Received by editorial board 23.06.2022.

ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ЖИВОТНЫХ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А. А. МЯХОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

На материале лексической базы *WordNet* выявлены основания классификации животных в американском варианте современного английского языка. Установлены два основания – биологическое и прагматическое, которые могут вступать в тесное взаимодействие друг с другом. Одновременное использование биологического и прагматического оснований свидетельствует о том, что в классификации животных человек исходит как из природно обусловленных (онтологических), так и из социально-психологических предпосылок, которые формируются в социуме, в котором он живет, и в системе языка, которым пользуется данное общество. Эти основания дополняют друг друга: биологическое основание позволяет человеку обозначить определенные фрагменты действительности, а прагматическое основание, в свою очередь, дает возможность переосмыслить выделенные фрагменты окружающего мира и соотнести их с системой социальной и психологической реальности человека.

Ключевые слова: классификация; категоризация; основания классификации; мотивация; биологические основания; прагматические основания; структура классификации.

АСНОВЫ КЛАСІФІКАЦЫІ ЖЫВЁЛ У АМЕРЫКАНСКІМ ВАРЫАНЦЕ СУЧАСНАЙ АНГЛІЙСКОЙ МОВЫ

А. А. МЯХОЎСКІ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

На матэрыяле лексічнай базы *WordNet* выяўлены асновы класіфікацыі жывёл у амерыканскім варыянце сучаснай англійскай мовы. Устаноўлены дзве асновы – біялагічная і прагматычная, якія могуць уступаць у цеснае ўзаемадзеянне. Адначасовае выкарыстанне біялагічнай і прагматычнай асноў сведчыць аб тым, што ў класіфікацыі жывёл чалавек зыходзіць як з прыродна абумоўленых (анталагічных), так і з сацыяльна-псіхалагічных падстаў, якія фарміруюцца ў сацыюме, у якім ён жыве, а таксама ў сістэме мовы, якой карыстаецца дадзенае грамадства. Гэтыя асновы дапаўняюць адна адну: біялагічная аснова дазваляе чалавеку пазначыць пэўныя фрагменты рэчаіснасці, а прагматычная аснова, у сваю чаргу, дае магчымасць пераасэнсаваць выдзеленыя фрагменты навакольнага свету і суаднесці іх з сістэмай сацыяльнай і псіхалагічнай рэальнасці чалавека.

Ключавыя словы: класіфікацыя; катэгарызацыя; асновы класіфікацыі; матывацыя; біялагічныя асновы; прагматычныя асновы; структура класіфікацыі.

Образец цитирования:

Мяховский АА. Основания классификации животных в американском варианте современного английского языка. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;3:67–76.

For citation:

Miakhouski AA. Bases of animal classification in the American variant of the contemporary English language. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;3:67–76. Russian.

Автор:

Антон Александрович Мяховский – аспирант кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор З. А. Харитончик.

Author:

Anton A. Miakhouski, postgraduate student at the department of general linguistics.
myaxovskij@mail.ru

BASES OF ANIMAL CLASSIFICATION IN THE AMERICAN VARIANT OF THE CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE

A. A. MIAKHOUSKI^a

^a*Minsk State Linguistic University,
21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

This article relies on the data from the *WordNet* database in order to establish the main bases (biological and pragmatic) which underlie the classification of animals in the American variant of the contemporary English language. Moreover, it has been determined that both of the aforementioned bases can closely interrelate. As a result, there emerge classes, which rest upon both types of classificatory bases. Simultaneous use of both biological and pragmatic bases leads us to the assumption that human classification is influenced by both natural-ontological and social-psychological conditions such as the surrounding community, as well as the language spoken by its members. The biological and the pragmatic bases complement each other: the biological basis allows a person to distinguish certain fragments of reality, while the pragmatic basis makes it possible to re-evaluate these designated fragments and integrate them into the system of social and psychological reality.

Keywords: classification; categorisation; classification basis; motivation; biological basis; pragmatic basis; classification structure.

Введение

Статья посвящена выявлению оснований, на которых строится классификация животных в американском варианте современного английского языка. Прежде всего необходимо сделать несколько замечаний, касающихся терминологии и имеющихся в литературе данных, в первую очередь оснований, выделяемых в фолк-классификациях.

С одной стороны, термины «классификация» и «категоризация» нередко употребляются как взаимозаменяемые, причем во всех значениях. Данные термины имеют следующие дефиниции: 1) когнитивный процесс упорядочения знаний человека об окружающей действительности; 2) результат когнитивной деятельности, т. е. система знаний, получаемая в результате процесса классификации (категоризации); 3) операция по соотносению объектов и явлений действительности с уже устоявшейся системой знаний человека [1–4].

С другой стороны, многие ученые утверждают, что термины «классификация» и «категоризация» важно четко разграничивать. Наиболее яркий сторонник такого взгляда Е. К. Джейкоб предложил рассматривать относительно произвольные формы упорядочения информации как случаи категоризации, а случаи строгой иерархической организации информации – как классификацию [5]. Однако его точка зрения так и не стала общепринятой.

Столь серьезный теоретический вопрос, как проблема разграничения терминов «классификация» и «категоризация», требует отдельного исследования. Однако за неимением возможности быстро снять данную терминологическую сложность в рамках настоящей статьи эти понятия употребляются как синонимичные, взаимозаменяемые, поскольку, как и большинство авторов, мы не видим достаточно веских онтологических и эпистемологических оснований для их разграничения.

Процесс классификации (категоризации) в определенной степени связан с окружающей человека действительностью. По мнению Э. Раш, «в воспринимаемом мире встречаются насыщенные информацией пучки перцептивных и функциональных признаков, между которыми образуются естественные разрывы, и в местах подобных естественных разрывов возникают межкатегориальные границы»¹ [6, р. 254]. Однако нельзя недооценивать роль субъектов, осуществляющих классификацию: в языке фиксируется лишь нужная информация, причем только в том объеме, который необходим для данного социума.

Многие авторы подчеркивают лингвистический характер классификации. Так, М. М. Слотер полагает, что классификация по определению является лингвистической, потому что сама номенклатура (названия классов) – это ментальный конструкт, содержащий знания о категориях в их взаимосвязях [7, р. 66]. Ученые также подчеркивают роль языка в фиксации социально значимого знания. Например, Э. Сепир считает, что большая часть человеческого знания сокрыта в глубинах языка, однако ее можно вытащить на поверхность сознания [8, р. 331], что подтверждает А. Вежицкая: «Определенная часть

¹Здесь и далее перевод наш. – А. М.

скрытого знания, которое явно не выражено в языковой форме, может быть вербализована» [9, р. 230]. Следовательно, классификация представляет собой биокультурологический [10, р. 1] и социолингвистический [11, р. 19] феномен.

В зависимости от заключенного в классах знания авторы дали им соответствующие названия. Так, Э. Рош ввела наиболее общее разделение категорий на перцептивные и семантические. Перцептивные категории выделяются на основании таких физических характеристик объектов, как цвет и форма (*chair* ‘стул’, *tree* ‘дерево’). Семантические категории не подкреплены визуальным образом, а их представители связаны понятийно (*weapon* ‘оружие’, *crime* ‘преступление’) [6; 12]. У других авторов данные категории обозначаются как интуитивные и теоретические [13], социальные и биологические [14], естественные и номинальные [15] соответственно.

Наличие разных типов классов обусловлено тем, что любая попытка создания человеком классификации не служит объективному описанию действительности, а тесно связывается с определенной необходимостью, целеполаганием. Так, по мнению Дж. Дюпре, «классификации могут хорошо или плохо подходить для определенных целей, а разные цели мотивируют разработку разных классификаций» [16, р. 30]. Классификация любой области знания в одном языке в той или иной степени отличается от классификации этой же области знания в других языках, потому что в лингвистических системах предпочтение может отдаваться различным аспектам действительности.

Прежде чем перейти к практической части исследования, необходимо сделать несколько вводных замечаний, касающихся того, что известно об основаниях классификации животных в современной лингвистической теории.

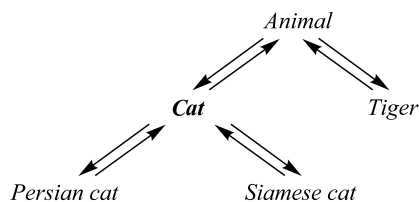
Так, например, установлено и подтверждено экспериментально, что в основе классификации животных человеком лежит понятие биологического родства. В классификационной системе ребенка можно наблюдать переход от классификации по характерным признакам, обеспечивающим внешнее сходство, к классификации по таким значимым категориальным признакам, как способность к репродукции (собаки рожают щенят, а не котят), анатомические особенности (кровь и кости у коров особенные – коровьи) и др. [17; 18]. В классификационной системе взрослого человека данные категории усложняются, составляющие их характеристики дополняются развернутой системой причинно-следственных связей, которые позволяют объяснить отличительные особенности животных (почему у хищника острые зубы, а у травоядного маскирующая окраска и т. д.) [19].

Кроме того, в классификации большое значение имеет информация о практической значимости животного [20–22]. Как писал Дж. Дюпре, «группа живых организмов может выделяться в языке по ряду причин: она экономически или социально важна (колорадские жуки, шелкопряды или мухи цеце); ее представители вызывают любопытство (пауки-ктенизиды или морские свиньи); милые, пушистые существа вызывают симпатию (хомяки и коалы); эти организмы очень заметные (тигры и гигантские секвойи)» [20, р. 80]. По мнению А. Вежицкой, в естественном языке категория животного обязана включать прагматическую информацию: «...кошки полезны для человека, так как охотятся на мелких вредных и нежелательных животных, которые обитают вблизи человеческого жилища» [23, р. 165].

Материалы и методы исследования

Специалисты, изучавшие наивные классификации, или фолк-классификации, собрали много данных об устройстве классификаций животных на материале устной речи [15; 24–28]. Методологический аппарат фолк-исследований в основном ориентирован на работу в полевых условиях, потому что в большинстве изучаемых языков письменность либо отсутствует (калам, агуарана), либо разработана относительно недавно (сахаптин, цельталь). Весь спектр методов можно представить в виде двух основных подходов [27, р. 202–203]. В рамках квазиэкспериментального подхода подготавливается как можно более полный набор образцов местной флоры и фауны. Каждому носителю языка демонстрируют растение или животное и просят назвать его и дать ему определение. В соответствии с собственно полевым подходом исследователь задает вопросы носителям языка и фиксирует полученные названия растений и животных по мере их встречаемости в естественной среде обитания.

Фолк-классификации имеют таксономическую (иерархическую) структуру, которая достигает не более шести уровней в глубину [24; 27]. Принадлежность класса к тому или иному уровню классификации зависит от его положения относительно других классов и от его смыслового наполнения. Положение и наполнение класса связаны: от окружения класса зависит то, какую часть значения он разделяет с другими классами и каковы его специфические черты. Так, на рисунке можно увидеть, что класс *cat* ‘кошка’ противостоит классу *tiger* ‘тигр’ в пределах одного уровня и классам *animal* ‘животное’ и *Persian cat* ‘персидская кошка’, *Siamese cat* ‘сиамская кошка’ на других уровнях [29, р. 99].

Положение класса *cat* ‘кошка’ относительно других классов животных
Position of the class *cat* respective to other animal classes

В результате анализа смыслового наполнения и структуры классов ученые выявили универсальные основания, на которых строятся фолк-классификации: классификация осуществляется человеком с опорой на перцептивные (воспринимаемые органами чувств и отражающие реальную действительность) и прагматические (социально обусловленные) характеристики животного [25–28].

Вероятно, аналогичный дуализм природных и прагматических оснований можно обнаружить в классификации животных в американском варианте современного английского языка. Цель настоящей статьи – выявление оснований классификации животных в американском варианте современного английского языка с опорой на лексикографический материал. Можно полагать, что лексикографический материал позволит получить более многостороннее описание классификации животных, чем фолк-таксономические описания, составленные на материале полевых и экспериментальных данных. В частности, это даст возможность охватить разные функционально-стилистические подсистемы языка, в то время как наполнение фолк-таксономий обычно ограничивается разговорной и общеупотребительной лексикой.

В качестве источника материала была выбрана одна из наиболее полных лексических баз американского варианта современного английского языка *WordNet*². В ней представлены общеупотребительная (*grasshopper* ‘кузнечик’), специально-терминологическая (*pachyderm* ‘пахидермы’), неформально-разговорная (*pooch/doggy/barker* ‘собачка, песик’) и территориально ограниченный (*critter* ‘любое, обычно домашнее, животное’) функционально-стилистические подсистемы.

Главным методом исследования является дефиниционный анализ с элементами мотивационного анализа (установление сведений, выраженных во внутренней форме названий животных). Это позволило выявить естественное (понятие биологического родства) и прагматическое (социально обусловленные критерии) основания в классификации животных в американском варианте современного английского языка. Природные основания выражены посредством биологических терминов, указывающих на генетическое родство животных (например, *rodent* ‘грызуны’ – *relatively small placental mammals...* ‘относительно небольшие плацентарные млекопитающие...’).

Многие классы выделяются за счет прагматического основания, при этом биологическая информация отходит на второй план (*porker* ‘свинья, откармливаемая на убой’ – *a pig fattened to provide meat* ‘свинья, откармливаемая на мясо’ (т. е. не любая свинья, а лишь та, которую готовят на убой)). Основания классификации могут быть выражены в разной степени: одно из них может доминировать над другим. Кроме того, прагматическая составляющая классификации часто является культурно-специфичной: такие прагматические классы, как *porker*, отличаются в зависимости от культур, поскольку их представители преследуют разные цели во время классификации (*special purpose classification*) [26].

Результаты и их обсуждение

Биологические основания классификации. Комплекс признаков может служить основанием для выделения класса в биологической классификации. Большинство таких признаков были известны еще на донаучном этапе формирования классификации – до того, как в биологии возникли типологическая, филогенетическая, кладистская, популяционная, фенетическая, эволюционная и другие школы систематики, представители которых обобщили и дополнили накопленные знания. В современных классификациях учитывается множество характеристик, наиболее важными из которых являются структурно-морфологические, генетические, популяционные и репродуктивные [30; 31].

Структурно-морфологические характеристики касаются внешнего и внутреннего анатомического устройства организмов. Наиболее широко они используются в донаучной, эссенциалистской и филогенетической биологических классификациях.

Понятие «генетическое родство» ввел Ч. Дарвин, но в разных школах оно толкуется по-разному. Так, например, для кладистов большое значение имеет временная удаленность организмов от общего предка,

²WordNet: a lexical database for English [Electronic resource]. URL: <https://wordnet.princeton.edu> (date of access: 19.08.2022).

а для филогенетиков – различение случайных адаптационных и генетически обусловленных признаков и соотнесение степени анатомического сходства организмов со степенью их удаленности от общего предка.

Популяционные характеристики позволяют дифференцировать животных, которые относятся к одному виду и популяции которых тесно сосуществуют в одном ареале; при этом условии они в большей мере уподобляются друг другу (конвергенция). При дистантном проживании популяций одного вида происходит расподобление организмов (дивергенция), возрастает шанс возникновения качественно нового биологического вида.

Репродуктивные характеристики ориентированы на то, что представители одного биологического класса способны распознавать друг друга как потенциальных половых партнеров и успешно давать потомство.

Другие менее значимые характеристики, учитывающиеся в биологической классификации, связаны с поведением, экологическими условиями обитания, биохимическими и физиологическими процессами, протекающими в тех или иных организмах.

При рассмотрении дефиниций в лексической базе *WordNet* выяснилось, что в них достаточно широко представлена биологическая научная терминология. В определениях содержится множество биологических терминов, которые отражают приведенные выше основания классификации, но особенно явно выделяется основание генетического родства животных. Например, находятся в последовательном подчинении по отношению друг к другу и отражают генетическую последовательность происхождения классов следующие классы: *animal* ‘животное’ → *vertebrate* ‘позвоночное’ → *mammal* ‘млекопитающее’ → *placental* ‘плацентарное’ → *rodent* ‘грызун’ → *squirrel* ‘белка’. Однако если подробно разобрать соответствующие классам дефиниции, можно заметить, что биологические термины, входящие в них, указывают не только на генетически ближайшие, но и на отдаленные родственные классы. Информация о степени генетического родства в определениях может быть выражена несколькими средствами:

- термином, точно указывающим на ближайший родственный биологический класс (62,09 %): *vertebrate* ‘позвоночное’ – *animals having a bony or cartilaginous skeleton...* ‘животные, скелет которых состоит из костной или хрящевой ткани...’ (*animal* ‘животное’ → *vertebrate* ‘позвоночное’); *mammal* ‘млекопитающее’ – *any warm-blooded vertebrate...* ‘любое теплокровное позвоночное...’ (*vertebrate* ‘позвоночное’ → *mammal* ‘млекопитающее’);

- цепочкой, состоящей из нескольких терминов, которые позволяют точно определить генетическую принадлежность класса (2,89 %): *rodent* ‘грызуны’ – *relatively small placental mammals...* ‘относительно небольшие плацентарные млекопитающие...’ (*mammal* ‘млекопитающее’ → *placental* ‘плацентарное’ → *rodent* ‘грызун’); *cockle* ‘сердцевидка’ – *common edible, burrowing European bivalve mollusc...* ‘широко распространенный съедобный зарывающийся двустворчатый моллюск...’ (*mollusc* ‘моллюск’ → *bivalve* ‘двустворчатый’ → *cockle* ‘сердцевидка’);

- термином, указывающим на отдаленный биологический класс, родство с которым опосредовано одним или несколькими классами, не отраженными в дефиниции (29,52 %): *camel* ‘верблюд’ – *chewing mammal...* ‘жвачное млекопитающее...’ (*mammal* ‘млекопитающее’ → [*ungulate* ‘копытное’] → [*even-toed ungulate* ‘парнокопытное’] → *camel* ‘верблюд’); *snake* ‘змея’ – *limbless scaly elongate reptile* ‘рептилия с продолговатым телом, покрытым чешуей и лишенным конечностей’ (*reptile* ‘рептилия’ → [*diapsid* ‘диапсида’] → *snake* ‘змея’);

- наиболее общим термином – названием царства *animal* ‘животные’ (5,50 %): *range animal* ‘животное на выпасе’ – *any animal that lives and grazes in the grassy open land...* ‘любое животное, которое живет и пасется на открытой поросшей травой территории...’ (овцы, лошади, крупный рогатый скот входят в класс независимо от генетической принадлежности); *predator* ‘хищник’ – *any animal that lives by preying on other animals* ‘любое животное, которое живет за счет охоты на других животных’ (всякое хищное животное относится к данному классу).

Прагматические основания классификации. Доля классов, которые выделяются на основании прагматических характеристик животных, довольно велика и составляет немногим более трети от общего количества классов (33,77 %). При выявлении прагматических оснований важную роль играет форма наименований, принадлежность их к однословным (универбам) и двухсловным (биноминалам) единицам и их мотивированность или немотивированность соответственно [27]. В результате рассмотрения классов, приведенных в лексической базе *WordNet*, известные типологии были дополнены. В частности, выяснилось, что классы с разной лексической формой могут иметь различную степень мотивированности: мотивация биноминалов чаще всего является прозрачной и выводится из названия, а для выявления мотивации универбов нередко приходится обращаться к дефиниции. Таким образом, в классификации представлен спектр, развертывающийся от наиболее мотивированных названий классов к наименее мотивированным:

- мотивированные универбы, мотивация которых легко выводится из лексической формы универба и знания об их гиперонимах (12,46 %): *racehorse* ‘беговая лошадь’ → *trotter* ‘рысак’ (*a horse trained to trot* ‘лошадь, обученная бежать рысью’); *bird* ‘птица’ → *twitterer* ‘щебетунья’ (*a bird that twitters* ‘птица, которая щебечет’);

- частично мотивированные универбы, мотивация которых становится ясной только после обращения к дефиниции и осмысления контекстов употребления; знания о гиперониме в отрыве от контекстов недостаточно (3,50 %): *wether* ‘баран’ → *bellwether* ‘баран-вожак’ (*sheep that leads the herd often wearing a bell* ‘овца, которая ведет стадо, часто носит колокольчик’ (вероятно, чтобы остальные члены стада следовали за ней));

- немотивированные универбы, у которых связь между названием класса и его смысловым наполнением условна для современного носителя языка; они составляют большинство немотивированных классов (33,74 %): *goose* ‘гусь’, *eagle* ‘орел’, *bear* ‘медведь’, *cow* ‘корова’, *horse* ‘лошадь’, *rat* ‘крыса’, *wolf* ‘волк’, *bream* ‘лещ’, *trout* ‘форель’, *leech* ‘пиявка’, *frog* ‘лягушка’, *lizard* ‘ящерица’, *slug* ‘слизень’;

- мотивированные биоминималы, которые обычно имеют прозрачную мотивацию, поскольку их родовая часть содержит гипероним, а признаковая часть не допускает противоречивых интерпретаций (45,43 %): *sled dog* ‘ездовая собака’ – *a dog trained to draw a sled...* ‘собака обученная тянуть сани...’; *dairy cattle* ‘молочный скот’ – *cattle that are reared for their milk* ‘скот, который разводят ради молока’; *game bird* ‘птица-дичь’ – *any bird that is hunted for sport* ‘любая птица, на которую охотятся ради развлечения’;

- частично мотивированные биоминималы, мотивация которых угадывается, но не полностью ясна без контекста употребления (2,89 %): *night raven* ‘ночная птица’ – *any bird that cries at night* ‘любая птица, которая кричит ночью’ (неясно, почему биоминимал содержит в качестве родовой части именно лексему *raven* ‘ворон’, если речь может быть о любой другой птице);

- немотивированные биоминималы, мотивация которых является неясной или ошибочной, что создает условия для появления народной этимологии (1,98 %): *koala bear* ‘коала’ – *sluggish tailless Australian arboreal marsupial* ‘медлительное бесхвостое австралийское лесное сумчатое животное’ (часть названия *koala* восходит к австралийским диалектным лексемам *koola*, *kulla*, *kula*³ и является немотивированной для носителей английского языка, а часть названия *bear* ‘медведь’ ошибочная: даже если коала внешне напоминает медведя, она относится к сумчатым животным).

Дефиниции лексических единиц позволяют выявить прагматические основания классификации немотивированных классов. Они также помогают раскрыть содержание мотивированных классов, поскольку более развернуто поясняют прагматические характеристики животных. Полный список характеристик, которые могут лежать в основе прагматических классов, приведен ниже:

- характеристики, касающиеся использования частей тела животных и продуктов их деятельности для употребления в пищу или изготовления предметов быта (10,45 %): *food fish* ‘промысловая рыба’ (*used for food by human beings* ‘употребляется в пищу людьми’); *beef cattle* ‘мясной скот’ (*reared for their meat* ‘разводят ради мяса’); *silkworm moth* ‘тутовый шелкопряд’ (*produce silk* ‘производят шелк’); *honeybee* ‘медоносная пчела’ (*domesticated for the honey it produces* ‘одомашнена ради производимого ею меда’);

- характеристики, касающиеся осуществляемой животным деятельности, полезной или вредной для человека (39,55 %): *watchdog* ‘сторожевая собака’ (*trained to guard property* ‘обучена охранять собственность’); *pest* ‘вредители, которые портят урожай или паразитируют на домашнем скоте’ (*attacks food or crops or livestock* ‘портит продукты питания, урожай или вредит домашнему скоту’); *snout beetle* ‘долгоносик’ (*destructive to grains and nuts* ‘уничтожает зерновые и орехи’);

- характеристики, касающиеся половой принадлежности и репродуктивной способности животного (16,95 %): *mare* ‘кобыла’ (*female equine animal* ‘самка животного из семейства лошадиных’); *stallion* ‘жеребец’ (*uncastrated adult male horse* ‘некастрированный самец лошади’); *steer* ‘вол’ (*castrated bull* ‘кастрированный бык’); *studhorse* ‘жеребец-производитель’ (*adult male horse kept for breeding* ‘взрослый самец лошади, которого держат для разведения’);

- характеристики, касающиеся возраста животного; чаще всего обозначаются детеныши и взрослые особи (13,88 %): *cygnet* ‘птенец лебедя’ (*a young swan* ‘молодой лебедь’); *fawn* ‘оленок’ (*a young deer* ‘молодой олень’); *stirk* ‘годовалый бык или корова’ (*yearling heifer or bullock* ‘годовалые телка или бычок’); *bullock* ‘молодой бык’ (*young bull* ‘молодой бык’).

- характеристики, касающиеся типичного поведения, характера животного (19,77 %): *prancer* ‘норовистая лошадь’ (*mettlesome or fiery* ‘ретивая или яростная’); *feist* ‘злая, агрессивная дворняжка’ (*nervous, belligerent* ‘нервная, агрессивная’); *chaffinch* ‘зяблик’ (*with a cheerful song* ‘жизнерадостно

³Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 19.08.2022).

поет’); *hare* ‘заяц’ (*swift timid* ‘быстрый, пугливый’); *black bee* ‘среднерусская пчела’ (*ill-tempered* ‘раздражительная’).

Из примеров видно, что характеристики, обеспечивающие прагматическое основание в классификации животных, отличаются от тех, на которых строится биологическое основание. Генетическое родство, анатомия, ареал обитания и другие биологические характеристики не играют никакой роли в выделении прагматических классов, разве что за исключением тех случаев, когда определенная биологическая характеристика наделяется людьми той или иной практической значимостью. Так, например, способность животных к репродукции влияет на возможность их разведения.

В целом практическая ориентированность прагматического основания заставляет рассматривать животных как инструмент или средство: животное и его части (мясо и шкура), а также производимые им продукты (молоко, яйца) употребляют в пищу или используют для изготовления изделий. Половые, возрастные и поведенческие характеристики также рассматриваются в тесной связи с тем, как они влияют на возможность хозяйственного использования животного. Подобная объективация возникает в результате того, что прагматические основания подразумевают подчинение классификации частным целям классификатора, что позволяет приравнять прагматические классы к искусственной классификации [31]. Такие классы не входят в ядро классификационной системы и обычно воспринимаются как периферийные биологические классы (*peripheral biological classes*) [26].

Возможно, из-за того, что чисто прагматические классы являются периферийными в биологических классификациях, прагматические классы в лексической базе *WordNet* часто содержат информацию о принадлежности организма к определенному биологическому классу (*animal* ‘животное’, *bovine* ‘бычий’, *donkey* ‘осел’, *chicken* ‘курица’): *jennet* ‘ослица’ – *female donkey* ‘осел женского пола’; *game* ‘дичь’ – *animal hunted for food or sport* ‘животные, на которых охотятся в качестве развлечения или чтобы употребить в пищу’; *caapon* ‘кастрированный петух’ – *castrated male chicken* ‘кастрированная особь курицы мужского пола’. Полное опущение биологических терминов в дефинициях является редкостью и замечено всего в 1,6 % случаев. Это свидетельствует о том, что отношения генетического родства играют важную роль даже в организации прагматических классов.

Аналогичным образом определения биологических классов в лексической базе *WordNet* нередко содержат информацию о прагматическом использовании животных: *mastiff* ‘мастифф’ – *an old breed of powerful deep-chested smooth-coated dog used chiefly as a watchdog and guard dog* ‘старая порода мощных глубокогрудых гладкошерстных собак, используемых главным образом в качестве сторожевых и охранных собак’; *sturgeon* ‘осетр’ – *large primitive fishes valued for their flesh and roe; widely distributed in the North Temperate Zone* ‘крупные примитивные рыбы, которых ценят за мясо и икру; широко распространены в северной умеренной зоне’. Согласно точке зрения А. Вежбицкой, такие дефиниции наиболее адекватны, поскольку информация о взаимоотношениях животного и человека (*relation to people*) – обязательный компонент значения названия животного [9; 23].

Из сказанного можно заключить, что чисто прагматические и чисто биологические классы – редкость. Крайние полюса спектра образуют так называемые естественные виды (*natural kinds*) и номинальные виды (*nominal kinds*) [15; 17]. Основное различие между ними онтологическое: естественный вид служит универсальной номинацией в любых контекстах, в то время как номинальный вид накладывает на естественный вид определенную перспективу, которая требует рассмотрения животного через призму определенных социальных и прагматических отношений [32, р. 15]. Номинальный вид – переосмысление естественного вида: *pig* + *perspective: pig for food* = *porker* ‘свинья + перспектива: свинья как источник пищи = свинья, откармливаемая на убой’; *hen* + *perspective: food source* = *layer* ‘курица + перспектива: источник пищи = несушка’.

Примечательно, что в классификации прагматическая информация может быть не выражена в явной форме, но имплицироваться положением, которое класс занимает в классификации. Например, прагматические классы чаще включают в свой состав биологические классы, содержащие прагматическую информацию: *food fish* ‘промысловая рыба’ (прагматический класс) → *herring* ‘сельдь’ (*usually salted or pickled* ‘обычно солят или маринуют’), *sardine* ‘сардина’ (*frequently canned* ‘обычно консервируют’), *trout* ‘форель’ (*game and food fish* ‘рыба для спортивной ловли и промысловая рыба’), *sole* ‘камбала’ (*valued as food* ‘имеет высокую пищевую ценность’) и др.

Важно отметить, что чем более опосредованно прагматический класс связан с подклассами, тем меньше прагматической информации они содержат. Так, класс *hunting dog* ‘охотничья собака’ включает 5 подклассов, в каждом из которых можно найти прагматическую информацию. Однако на следующем уровне подклассов, содержащих прагматическую информацию, насчитывается гораздо меньше – 18 из 52: *hound* ‘хаунд’ (*used for hunting* ‘используются для охоты’) → *harrier* ‘харьер’ (*used to hunt*

rabbits ‘используются для охоты на кроликов’); *sporting dog* ‘собака для спортивной охоты’ → *spaniel* ‘спаниэль’ (*gun dog* ‘собака для ружейной охоты’). Значит, прагматическое основание заложено во всех классах охотничьих собак в имплицитном виде. Крупнейшими подобными имплицитными образованиями в классификации животных на материале лексической базы *WordNet* являются следующие классы: *domestic dog* ‘домашняя собака’ (188 классов), *horse* ‘лошадь’ (66 классов), *food fish* ‘промысловая рыба’ (59 классов), *cattle* ‘крупный рогатый скот’ (29 классов), *domestic cat* ‘домашняя кошка’ (18 классов).

Установлено, что биологическое и прагматическое основания сосуществуют в естественно-языковой классификации. Более того, часто выделение класса животного требует наличия сразу двух оснований, которые тесно взаимодействуют друг с другом и могут находиться в разном соотношении в каждом конкретном классе. По соотношению оснований выделяются следующие типы классов:

- прагматические классы, мотивация которых выводится из лексической формы (13,24 %);
- прагматические классы, мотивация которых неясна; их принадлежность к прагматическим классам может быть установлена с помощью дефиниций в лексической базе *WordNet* (9,10 %);
- биологические классы, содержащие дополнительную прагматическую информацию (11,53 %);
- биологические классы, которые не содержат прагматической информации в эксплицитном виде (66,23 %).

В более широкой перспективе исследование показало, что язык служит средством упорядочения знаний человека о мире, о чем писали многие ученые, например Е. С. Кубрякова: «То, что схвачено знаком и получило свое название, свое имя в языке, обладает для человека исключительной значимостью, а потому играет в осуществлении мыслительных процессов едва ли не основополагающую роль» [33, с. 305]. Это же касается классификации животных: «Практическое значение организмов играет важную роль во время принятия решения о выделении классов» [26, р. 835]. По мнению С. Атрана, «фолк-классификация является базой для передачи и усвоения широкого и многообразного знания человека о мире, характерного для определенной культуры» [34, р. 71].

Тот факт, что языки, исследуемые в фолк-классификациях, и американский вариант английского языка обнаруживают столь высокую степень сходства оснований классификации, может иметь следующее объяснение. Действительность налагает определенные ограничения на языковую классификацию, из-за чего большинство классификаций в разных языках в значительной мере изоморфны, т. е. схожи по устройству и наполнению [27]. В то же время в разных языках и культурах одним и тем же аспектам окружающего мира может придаваться разная важность, что приводит к культурно обусловленным различиям в классификациях. Однако у этой вариативности есть пределы, опосредованные общностью механизмов человеческого мышления. Как отмечает С. Шварц, культура «способна целенаправленно изменять те или иные участки естественно-биологического ландшафта, хотя не может игнорировать существование таких участков или полностью заменить их» [34, р. 72]. Одновременно это «придает классификациям носителей разных языков и культур гибкость, которая позволяет соответствующим образом реагировать на различные культурные и экологические условия» [35, р. 547]. Так, проведенное исследование подтверждает существование в языке как природно обусловленных (биологических), так и социально-психологических (прагматических) универсалий в классификационной деятельности человека.

Заключение

Анализ материала лексической базы *WordNet* показал, что в основе классификации животных в американском варианте современного английского языка лежат два основания – биологическое и прагматическое. Они могут вступать в тесное взаимодействие, в результате чего возникают классы, в которых представлены оба основания. В каждом отдельно взятом классе два основания могут быть выражены в разной степени, что позволяет не только разделить классы на прагматические и биологические, но и выявить промежуточные типы классов. В американском варианте английского языка биологическое основание играет крайне важную роль в классификации животных, о чем свидетельствует незначительная доля классов, дефиниции которых не содержат биологических терминов, указывающих на степень генетического родства (1,3 %). Прагматическое основание также имеет большое значение. В 33,77 % классов оно выражено эксплицитно, в 9,36 % – имплицитно, причем имплицитные прагматические классы входят в состав более крупных эксплицитных прагматических классов. О важности прагматического основания в классификации животных также свидетельствует многообразие характеристик, с опорой на которые выделяются такие прагматические классы, как хозяйственные функции, пол, возраст, нрав и типичное поведение животного. В естественном языке биологическое и прагматическое основания находятся в тесном взаимодействии друг с другом, что позволяет носителям не просто выделять и фиксировать в языке определенные фрагменты действительности, но и гибко переосмысли-

вать, адаптировать свои представления о них под конкретные нужды и потребности. Следовательно, биологическое основание служит онтологическим базисом, необходимым для классифицирования биологической реальности, в то время как прагматическое основание создает условия, необходимые для формирования субъективной психологической реальности человека.

Библиографические ссылки

1. Hjørland B, Pedersen NK. A substantive theory of classification for information retrieval. *Journal of Documentation*. 2005;5:582–597. DOI: 10.1108/00220410510625804.
2. Болдырев НН. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику*. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина; 2014. 236 с.
3. Кубрякова ЕС, Демьянков ВЗ, Панкратц ЮГ, Луцина ЛГ. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: Издательство Московского государственного университета; 1996. 245 с.
4. McKelvey B. Organizational systematics: taxonomic lessons from biology. *Management Science*. 1978;24(13):1428–1440. DOI: 10.1287/mnsc.24.13.1428.
5. Jacob EK. Classification and categorization: a difference that makes a difference. *Library Trends*. 2004;52(3):515–540.
6. Rosch E. Principles of categorization. In: Levitin DJ, editor. *Foundations of cognitive psychology: core readings*. Cambridge: MIT Press; 2002. p. 251–270.
7. Slaughter MM. *Universal languages and scientific taxonomy in the seventeenth century*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982. 277 p.
8. Sapir E. *Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality*. Berkeley: University of California Press; 1949. 623 p.
9. Wierzbicka A. *Semantics: primes and universals*. Oxford: Oxford University Press; 1996. 512 p.
10. Ellen R. Ethnobiology and the science of humankind – Introduction. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2006;12:1–29.
11. Taylor P. *The folk biology of the Tobelo people*. Washington: Smithsonian Institution Press; 1990. 187 p.
12. Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories. In: Moore T, editor. *Cognitive development and the acquisition of language*. New York: Academic Press; 1973. p. 111–144.
13. Quine W. *Ontological reality and other essays*. New York: Columbia University Press; 1969. 165 p.
14. Millikan R. *Language, thought, and other biological categories: new foundations for realism*. Massachusetts: The Massachusetts Institute of Technology; 1984. 355 p.
15. Berlin B. Folk systematics in relation to biological classification and nomenclature. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973;4:259–271. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.001355.
16. Dupré J. Scientific classification. *Theory, Culture & Society*. 2006;23(2–3):30–32. DOI: 10.1177/026327640602300201.
17. Keil FC. *Concepts, kinds and cognitive development*. Cambridge: MIT Press; 1992. 345 p.
18. Keil FC, Smith WC, Simons DJ, Levin DT. Two dogmas of conceptual empiricism: implications for hybrid models of the structure of knowledge. *Cognition*. 1998;65:103–135. DOI: 10.1016/S0010-0277(97)00041-3.
19. Murphy GL, Allopena PD. The locus of knowledge effects in concept learning. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1994;20(4):904–919. DOI: 10.1037//0278-7393.20.4.904.
20. Dupré J. Natural kinds and biological taxa. *Philosophical Review*. 1981;90:66–90. DOI: 10.2307/2184373.
21. Zubin D. Gender and folk taxonomy: the indexical relation between grammatical and lexical categorization. In: Craig C, editor. *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam: John Benjamins; 1983. p. 139–180.
22. Leech E. Anthropological aspects of language: animal categories and verbal abuse. In: Lenneberg E, editor. *New Directions in the study of language*. Cambridge: MIT Press; 1964. p. 505–516.
23. Wierzbicka A. *Lingua mentalis: the semantics of natural language*. London: Academic Press; 1980. 367 p.
24. Atran S. Folk biological cognition. *Current Anthropology*. 1993;34(2):195–198. DOI: 10.1086/204162.
25. Frake C. The diagnosis of disease among the Subanon of Mindanao. *American Anthropologist*. 1961;61(1):113–132. DOI: 10.1525/aa.1961.63.1.02a00070.
26. Hunn E. The utilitarian factor in folk biological classification. *American Anthropologist*. 1982;84(4):830–847. DOI: 10.1525/AA.1982.84.4.02A00070.
27. Berlin B. *Ethnobiological classification: principles of categorization of plants and animals in traditional societies*. Princeton: Princeton University Press; 1992. 364 p.
28. Berlin B, Breedlove D, Raven P. Folk taxonomies and biological classification. *Science*. 1966;154:273–275. DOI: 10.1126/science.154.3746.273.
29. D’Andrade R. Folk taxonomies. In: D’Andrade R. *The development of cognitive anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. p. 92–121.
30. Майр Э. *Принципы биологической систематики*. Мина МВ, переводчик; Гептнер ВГ, редактор. Москва: Мир; 1971. 454 с.
31. Павлинов ИЯ. *Таксономическая номенклатура. Книга 1. От Адама до Линнея*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2013. 223 с.
32. Cruse D. Hyponymy and its varieties. In: Green R, Bean C, Myaeng S, editors. *The semantics of relationships*. Dordrecht: Springer Science; 2002. p. 3–21.
33. Кубрякова ЕС. *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 560 с.
34. Atran S. Modular and cultural factors in biological understanding: an experimental approach to the cognitive basis of science. In: Carruthers P, Stich S, Siegal M, editors. *The cognitive basis of science*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. p. 41–72.
35. Atran S. Folk biology and the anthropology of science: cognitive universals and cultural particulars. *Behavioral and Brain Sciences*. 1998;21(4):547–569. DOI: 10.1017/s0140525x98001277.

References

1. Hjørland B, Pedersen NK. A substantive theory of classification for information retrieval. *Journal of Documentation*. 2005;5:582–597. DOI: 10.1108/00220410510625804.
2. Boldyrev NN. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov: Derzhavin Tambov State University; 2014. 236 p. Russian.
3. Kubriakova ES, Demiankov VZ, Pankratz YG, Lutsina LG. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta; 1996. 245 p. Russian.
4. McKelvey B. Organizational systematics: taxonomic lessons from biology. *Management Science*. 1978;24(13):1428–1440. DOI: 10.1287/mnsc.24.13.1428.
5. Jacob EK. Classification and categorization: a difference that makes a difference. *Library Trends*. 2004;52(3):515–540.
6. Rosch E. Principles of categorization. In: Levitin DJ, editor. *Foundations of cognitive psychology: core readings*. Cambridge: MIT Press; 2002. p. 251–270.
7. Slaughter MM. *Universal languages and scientific taxonomy in the seventeenth century*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982. 277 p.
8. Sapir E. *Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality*. Berkeley: University of California Press; 1949. 623 p.
9. Wierzbicka A. *Semantics: primes and universals*. Oxford: Oxford University Press; 1996. 512 p.
10. Ellen R. Ethnobiology and the science of humankind – Introduction. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2006;12:1–29.
11. Taylor P. *The folk biology of the Tobelo people*. Washington: Smithsonian Institution Press; 1990. 187 p.
12. Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories. In: Moore T, editor. *Cognitive development and the acquisition of language*. New York: Academic Press; 1973. p. 111–144.
13. Quine W. *Ontological reality and other essays*. New York: Columbia University Press; 1969. 165 p.
14. Millikan R. *Language, thought, and other biological categories: new foundations for realism*. Massachusetts: The Massachusetts Institute of Technology; 1984. 355 p.
15. Berlin B. Folk systematics in relation to biological classification and nomenclature. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973;4:259–271. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.001355.
16. Dupré J. Scientific classification. *Theory, Culture & Society*. 2006;23(2–3):30–32. DOI: 10.1177/026327640602300201.
17. Keil F. *Concepts, kinds and cognitive development*. Cambridge: MIT Press; 1992. 345 p.
18. Keil FC, Smith WC, Simons DJ, Levin DT. Two dogmas of conceptual empiricism: implications for hybrid models of the structure of knowledge. *Cognition*. 1998;65:103–135. DOI: 10.1016/S0010-0277(97)00041-3.
19. Murphy GL, Allopena PD. The locus of knowledge effects in concept learning. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1994;20(4):904–919. DOI: 10.1037/0278-7393.20.4.904.
20. Dupré J. Natural kinds and biological taxa. *Philosophical Review*. 1981;90:66–90. DOI: 10.2307/2184373.
21. Zubin D. Gender and folk taxonomy: the indexical relation between grammatical and lexical categorization. In: Craig C, editor. *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam: John Benjamins; 1983. p. 139–180.
22. Leech E. Anthropological aspects of language: animal categories and verbal abuse. In: Lenneberg E, editor. *New Directions in the study of language*. Cambridge: MIT Press; 1964. p. 505–516.
23. Wierzbicka A. *Lingua mentalis: the semantics of natural language*. London: Academic Press; 1980. 367 p.
24. Atran S. Folk biological cognition. *Current Anthropology*. 1993;34(2):195–198. DOI: 10.1086/204162.
25. Frake C. The diagnosis of disease among the Subanon of Mindanao. *American Anthropologist*. 1961;61(1):113–132. DOI: 10.1525/aa.1961.63.1.02a00070.
26. Hunn E. The utilitarian factor in folk biological classification. *American Anthropologist*. 1982;84(4):830–847. DOI: 10.1525/AA.1982.84.4.02A00070.
27. Berlin B. *Ethnobiological classification: principles of categorization of plants and animals in traditional societies*. Princeton: Princeton University Press; 1992. 364 p.
28. Berlin B, Breedlove D, Raven P. Folk taxonomies and biological classification. *Science*. 1966;154:273–275. DOI: 10.1126/science.154.3746.273.
29. D'Andrade R. Folk taxonomies. In: D'Andrade R. *The development of cognitive anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. p. 92–121.
30. Mair E. *Printsipy biologicheskoi sistematiki* [Principles of biological systematics]. Mina MV, translator; Geptener VG, editor. Moscow: Mir; 1971. 454 p. Russian.
31. Pavlinov IYa. *Taxonomic nomenclature. Book 1. From Adam to Linnaeus*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK; 223 p. Russian.
32. Cruse D. Hyponymy and its varieties. In: Green R, Bean C, Myaeng S, editors. *The semantics of relationships*. Dordrecht: Springer Science; 2002. p. 3–21.
33. Kubriakova ES. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in perceiving the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 560 p. Russian.
34. Atran S. Modular and cultural factors in biological understanding: an experimental approach to the cognitive basis of science. In: Carruthers P, Stich S, Siegal M, editors. *The cognitive basis of science*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. p. 41–72.
35. Atran S. Folk biology and the anthropology of science: cognitive universals and cultural particulars. *Behavioral and Brain Sciences*. 1998;21(4):547–569. DOI: 10.1017/S0140525X98001277.

Статья поступила в редколлегию 13.09.2022.
Received by editorial board 13.09.2022.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД РУССКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ И ПОСТРОЕНИЕ ИНВАРИАНТНОЙ ГНЕЗДОВОЙ СТРУКТУРЫ

Ю. Р. ТРЕТЬЯКОВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Исследуется количественно-качественное наполнение словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы. Проводится описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентный и количественный анализ языкового материала. Индивидуальность количественно-качественного наполнения словообразовательного гнезда обусловлена как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: степенью актуальности потенциальной эмотивной единицы для носителя языка, наличием или отсутствием метафоричности в семантическом поле потенциально производящей единицы, а также наличием или отсутствием более употребительных лексических аналогов. Выявляются случаи асимметрии словообразовательной системы, в числе которых примеры расхождения словообразовательной мотивации (семантическая и структурная обусловленность деривата не совпадает), чересступенчатого словообразования и проникновения в структуру словообразовательного гнезда неязыковых элементов (просторечий, диалектизмов и т. д.). В связи с доминированием в словообразовании идеи системности, проявляющейся, в частности, в стремлении словообразовательных единиц к аналогии, конструируется инвариантное словообразовательное гнездо, репрезентирующее предельно типизированные деривационные вертикали и горизонталы.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо; инвариантное словообразовательное гнездо; чересступенчатое словообразование; словообразовательная мотивация; словообразовательное значение; эмотивные глаголы; номинация.

СПЕЦИФИКА ОРГАНІЗАЦЫІ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ ГНЁЗДА РУСКІХ ЭМАТЫЎНЫХ ДЗЕЯСЛОВАЎ І ПАБУДОВА ІНВАРЫЯНТНАЙ ГНЕЗДАВОЙ СТРУКТУРЫ

Ю. Р. ТРЭЦЦЯКОВА^{1*}

^{1*)}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшкі, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Даследуецца квантытатыўна-якаснае напаўненне словаўтваральных гнёздаў, вершынямі якіх з'яўляюцца эматыўныя дзеясловы. Праводзіцца апісальны, параўнальна-супастаўляльны, кампанентны і колькасны аналіз моўнага матэрыялу. Індывідуальнасць квантытатыўна-якаснага напаўнення словаўтваральнага гнязда абумоўлена як уласна лінгвістычнымі, так і экстралінгвістычнымі фактарамі: ступенню актуальнасці патэнцыйнай эматыўнай адзінкі для носьбіта мовы, наяўнасцю ці адсутнасцю метафарычнасці ў семантычным полі патэнцыйнага дэры-

Образец цитирования:

Третьякова ЮР. Специфика организации словообразовательных гнезд русских эмотивных глаголов и построение инвариантной гнездовой структуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;3:77–88.

For citation:

Tretsiakova YuR. The specificity of the organisation of derivative nests Russian emotive verbs and the construction of invariant nested structure. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;3:77–88. Russian.

Автор:

Юлия Ромульдовна Третьякова – аспирантка кафедры русской филологии филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Никитевич.

Author:

Yuliya R. Tretsiakova, postgraduate student at the department of Russian philology, faculty of philology.
tretsiakovayuliya@mail.ru

вата, а таксама наяўнасцю ці адсутнасцю больш ужывальных лексічных аналагаў. Выяўляюцца выпадкі асіметрыі словаўтваральнай сістэмы, у ліку якіх прыклады разыходжання словаўтваральнай матывацыі (семантычная і структурная абумоўленасць дэрывата не супадае), перасступеньчатага словаўтварэння і пранікнення ў структуру словаўтваральнага гнязда неўзуальных элементаў (прастамоўяў, дыялектызмаў і г. д.). У сувязі з дамінаваннем у словаўтварэнні ідэі сістэмнасці, якая праяўляецца, у прыватнасці, у імкненні словаўтваральных адзінак да аналогіі, канструюецца інварыянтнае словаўтваральнае гняздо, што рэпрэзентуе крайне тыпізаваныя дэрывацыйныя вертыкалі і гарызанталі.

Ключавыя словы: словаўтваральнае гняздо; інварыянтнае словаўтваральнае гняздо; перасступеньчатае словаўтварэнне; словаўтваральная матывацыя; словаўтваральнае значэнне; эматыўныя дзеясловы; намінацыя.

THE SPECIFICITY OF THE ORGANISATION OF DERIVATIVE NESTS RUSSIAN EMOTIVE VERBS AND THE CONSTRUCTION OF INVARIANT NESTED STRUCTURE

Yu. R. TRETSIAKOVA^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėški Street, Hrodna 230023, Belarus*

The article describes the quantitative-qualitative content of word-formation nests of emotive verbs and also builds a typical nest construction. The study is carried out through descriptive, comparative, component and quantitative analysis of the language material. The individuality of the quantitative and qualitative content of each word-formation nest, which is due to both proper linguistic and extralinguistic factors: the degree of relevance of a potential emotive unit for a native speaker, the presence or absence of metaphor in the semantic field of a potentially producing unit and the presence or absence of more popular lexical analogues. The article describes cases of asymmetry of the word-formation system, including the facts of a discrepancy between word-formation motivation (semantic and structural conditionality of the derivative do not coincide), examples of cross-step formation, penetration of non-usual elements into the structure of the word-formation nest, which is usual in its content (vernaculars, dialectisms, etc.). In connection with the dominance of systematic idea in word-formation, which manifests itself, in particular, in the desire of word-formation units for analogy, the author of the article constructs an invariant word-formation nest that represents extremely typified derivational verticals and horizontals.

Keywords: word-formative nest; invariant word-formative nest; interleaved word-formation; emotive verbs; derivational motivation; word-formative meaning; nomination.

Введение

Процессы номинации, будучи частью познания и осознания человеком окружающего мира и самого себя в нем, реализуются посредством словообразования как сферы моделирования отношений производности, которые проецируются на реальную связь между явлениями. Вместе с тем образование новых лексем, в большинстве своем основанное на уже существующих деривационных схемах, выступающих как «готовые формы представления знания о мире» [1, с. 407], ввиду отношений производности и мотивированности способно отражать пути познания окружающего мира с последующей номинацией некоторых представлений и понятий.

Важно отметить, что освоение человеком окружающей действительности и самого себя в ней невозможно без эмоций – области субъективного. В связи с этим изучение эмотивной лексики представляется наиболее актуальным в контексте словообразования. Это позволяет постичь закономерности порождения языковых единиц, служащих для называния фрагментов эмоциональной деятельности человека: становления состояния, состояния, отношения, воздействия и внешнего проявления эмоций [2, с. 65]. Представленные эмотивные фазы наиболее точно передаются в русском языке при помощи глаголов, что обусловлено генетической предрасположенностью данной части речи к передаче внутренней динамики.

Цели настоящей статьи – выявление специфики квантитативно-качественного наполнения словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы, а также выделение типовой гнездовой конструкции.

В отечественной дериватологии существует множество дефиниций понятия «словообразовательное гнездо» и различных подходов к его изучению. Так, Е. С. Кубрякова характеризует словообразовательное гнездо с позиций деривационной ономазиологии, а именно с точки зрения его роли в номинативной деятельности субъекта словотворчества. Исследователь трактует данный термин как объединение «производных с одним корнем и с отношениями синхронной производности между ними» [3, с. 22], акцентируя внимание на деривате, как на носителе свойства двойной референции. Производная единица, номинирующая некоторое явление внешнего мира, одновременно соотносится с ним и ввиду собственной мотивированности указывает на источник исходной семантики. В свою очередь, А. Г. Лыков, сопоставляя две фундаментальные деривационные конструкции – словообразовательную парадигму и словообразовательное гнездо, рассматривает последнее как синтагматико-парадигматическое образование, дифференцирующим признаком которого является двухмерность распространения производных слов гнезда относительно его вершины [4]. Между тем Е. Л. Гинзбург под словообразовательным гнездом понимает «упорядоченную совокупность отношений мотивации между однокоренными словами» [5, с. 146]. Сходное определение приводят авторы «Русской грамматики» [6, с. 132]. Важно отметить, что некоторые исследователи наряду со словообразовательным гнездом, состоящим из лексем с единой мотивирующей основой, выделяют гиперонимическую конструкцию – деривационное гнездо, включающее также раздельнооформленные (устойчивые сочетания) и супплетивные единицы [7].

Несмотря на разнообразие трактовок данного термина, следует отметить, что теоретические основы понятия «словообразовательное гнездо» заложил А. Н. Тихонов, который наиболее полно и точно представил исследуемый языковой феномен как «...совокупность однокоренных слов, упорядоченную отношениями словообразовательной производности. Каждое слово в гнезде занимает предусмотренное системой языка и закреплённое в норме место»¹.

Таким образом, под словообразовательным гнездом стоит понимать иерархическую (древовидную) структуру, состоящую из множества однокоренных слов в их деривационной (структурной и семантической) упорядоченности, ведущей к одной непроемкой вершине.

Исключительная роль гнездовой структуры в системной организации словообразования обуславливает пристальное внимание исследователей к данному языковому явлению. Отсутствие системного описания словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы (как отдельная лексико-семантическая группа), исключает возможность конструирования инвариантных словообразовательных моделей. Создание деривационных структур разной степени абстракции в силу способности эмотивных знаков отражать действительность, преломленную через потребности и интересы носителя языка, позволяет репрезентировать пути познания человеком окружающего мира и самого себя в нем.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой настоящей статьи послужили работы А. Н. Тихонова², В. В. Лопатина [8], Е. А. Земской [9], В. Н. Немченко [10], А. В. Никитевича [11] и других лингвистов, посвященные дериватологии и некоторым актуальным вопросам, связанным с данной дисциплиной.

Исследование словообразовательных гнезд эмотивных глаголов осуществлялось посредством описательного и сравнительно-сопоставительного анализа языкового материала. При структурно-семантическом описании членов словообразовательных гнезд применялся метод компонентного анализа. Количественный метод использовался в целях получения квантитативных характеристик наполнения словообразовательных гнезд. Статья базируется на синхронном подходе к изучению комплексной словообразовательной единицы.

В качестве источника для характеристики организации словообразовательных гнезд эмотивных глаголов выступили материалы, извлеченные методом сплошной выборки из «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова [12]. Данный словарь ориентирован на кодифицированный литературный язык и создан с позиций синхронного описания словообразовательной подсистемы. Отбор фактического материала проводится в соответствии с наличием в семантическом поле глагольной единицы общей категориально-лексической семы эмотивности. Стоит отметить, что указанный компонент значения может совпадать с лексическим значением слова, являться коннотативным либо включаться в логико-предметную часть значения.

¹Тихонов А. Н. Словообразовательное гнездо // Рус. яз. : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Больш. рос. энцикл., 1997. С. 503.

²Там же. С. 503–505.

Проанализированы 70 словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы. Вопросы семантики решались на материале грамматик и словарей современного русского литературного языка [6; 12–18].

Результаты и их обсуждение

Квантитативно-качественное наполнение каждого словообразовательного гнезда является достаточно индивидуальным и зависит от собственно лингвистического (внутренний потенциал производящей единицы на каждом этапе деривации, ее морфонологические характеристики) и экстралингвистического (степень актуальности явления окружающего мира для носителя языка) факторов. Так, в соответствии с собственной аксиологической системой человек словесно маркирует только определенные участки эмоционального состояния, «ибо уже сам выбор того или иного предмета действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [19, с. 9]. Наиболее развернутыми словообразовательными гнездами являются деривационные структуры, вершины которых представлены эмотивными глаголами *любить* (264), *пугать* (93), *хвалить* (88), *томить* (76), *манить* (68), *кричать* (62), *терпеть* (62), *ругать* (60), *плакать* (58), *надеяться* (39), *обидеть* (36) и др. Самым убедительным объяснением данной развернутости является высокая степень актуальности обозначаемой эмоциональной реакции, а также простота ее распознавания и вербализации носителем языка.

Уменьшение объема словообразовательных гнезд может быть обусловлено рядом причин: присутствием метафоричности в семантическом поле потенциально производящей единицы, в связи с чем деривационная продуктивность мотивирующей лексемы снижается (*обожать* (7), *соболезновать* (5)), наличием более употребительных лексических аналогов (*орать* (12) – *громко кричать* (62); *обожать* (7) – *сильно любить* (264); *нравиться* (2) – *любить* (264); *негодовать* (7) – *злиться* (135) ← *зло*; *соболезновать* (5) – *сопереживать* (276) ← *жить*; *измываться* (5), *глумиться* (8), *издеваться* (8) – *насмехаться* (108) ← *смех*), а также незначительной степенью актуальности самого переживания, отношения (*измываться* (5), *глумиться* (8)).

Наряду с абсолютным большинством словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы и которые представляют собой парадигмально-синтагматические структуры, обнаружены комплексные деривационные конструкции, совпадающие со следующими единицами словообразовательной системы:

- со словообразовательной парадигмой:

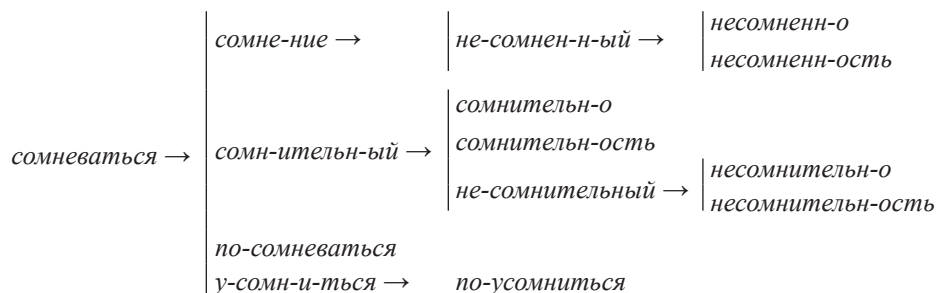
<i>нравиться</i> →	<i>по-нравиться</i>
	<i>разо-нравиться</i>
<i>лелеять</i> →	<i>лелеять-ся</i>
	<i>лелея-ние</i>
	<i>лелея-тель</i>
	<i>вз-лелеять</i>
	<i>воз-лелеять</i>
	<i>вы-лелеять</i>
	<i>по-лелеять</i>
	<i>у-лелеять</i>

- со словообразовательной парой и словообразовательной цепочкой:

благодарствовать → *благодарств-енн-ый*

Анализ частеречной организации исследуемых словообразовательных гнезд показал, что наиболее регулярно образуются глагольные и именные дериваты. Глагольные производные преобладают в количественном отношении в силу частеречной принадлежности исходного компонента, высокого потенциала глагольной деривации и распространенных отношений синонимии, антонимии и омонимии словообразовательных значений. В результате возникают словообразовательные гнезда смешанного типа. Выявлены также примеры комплексных деривационных единиц, в которых отчетливо ощущается доминирование компонентов именного происхождения с сохранением опосредованной глагольной семантики:

<i>соболезновать</i> →	<i>соболезнова-ние</i>
	<i>соболезнова-тель</i>
	<i>соболезну-ющ-ий</i> → <i>соболезнующ-е</i>

Аналогичная ситуация наблюдается в словообразовательных гнездах с вершинами *благодарить*, *забавлять*, *издеваться*, *корить* и *надоест*. Именные компоненты, возникающие на 1-й ступени деривации, становятся более актуальными в речевой практике носителя языка, стимулируют активные словотворческие процессы и обращают словообразовательное внимание на себя.

Количество ступеней словопроизводства (словообразовательная горизонталь) различное (от одноступенчатых до пятиступенчатых деривационных структур). Так, в словообразовательном гнезде с вершиной *лелеять* обнаруживается 1 ступень деривации, в словообразовательном гнезде с вершиной *ворчать* – 2 ступени деривации, в словообразовательном гнезде с вершиной *злопыхать* – 3 ступени деривации, в словообразовательном гнезде с вершиной *благодарить* – 4 ступени деривации, а в словообразовательном гнезде с вершиной *ненавидеть* – 5 ступеней деривации. Квантитативные показатели деривационной вертикали также разнообразны: словообразовательные парадигмы глагольных эмотивов насчитывают от 1 компонента (*благодарствовать*) до 108 компонентов (*любить*).

В контексте настоящего исследования важно отметить, что общенациональный язык, как сложное и многоуровневое образование, состоит из множества подсистем: литературного языка (ядро), диалектов, просторечия и т. д. Указанные субкоды представляют собой достаточно автономные структуры, ввиду чего обладают собственными деривационными системами и комплексными словообразовательными единицами. В связи с этим необходимо учитывать, что с возникновением каждого последующего деривата, приобретением определенного деривационного значения и усложнением морфемной структуры производного компонента отдаленность от исходных семантического и структурного полей растет по направлению от ядра к периферии, «а сам дериват перемещается в периферийный сектор гнезда либо выходит за его пределы» [20, с. 118]. В результате в словообразовательном гнезде выстраиваются границы, обусловленные вхождением в его состав преимущественно литературных единиц. Лексемы диалектного и просторечного происхождения выходят за пределы узальной деривационной структуры. Следует привести примеры фрагментов словообразовательных гнезд, содержащих внегнездовые элементы: *маять* → *маета* ‘прост. Утомительные, досадные хлопоты, беспокойство’ (СТСРЯ) → *маетный* ‘разг. 1. Изнурительный. 2. Утомительный, хлопотный’ (СТСРЯ) → *маетность* ‘прост. Хлопотливость, хлопотность’ (СТСРЯ); *надеяться* → *надежа* ‘прост., диал. То же, что надежда’ (ТСЖВЯ); *реветь* → *ревмя* ‘прост., диал. Очень сильно или очень громко плакать’ (СТСРЯ); *ругать* → *ругачка* ‘прост., диал. Брань, ругань’ (ТСЖВЯ) и др.

Общеизвестно, что в большинстве трудов по лексикографии (за исключением узкоспециализированных изданий) исследуется лексика русского литературного языка и не учитываются просторечия, диалектизмы, жаргонизмы и т. д. Однако границы между литературной формой существования языка и другими его вариантами являются достаточно условными и неустойчивыми. Субъект коммуникативной деятельности использует в речи как узальные, так и неузальные единицы. В связи с этим возникает вопрос о правомерности границ, установленных в рамках формирования комплексных словообразовательных единиц. Ответить на него науке о языке еще предстоит.

Таким образом, словообразовательное гнездо – это иерархически упорядоченная деривационная структура, в основе которой лежат отношения производности, отражающие восприятие носителем языка как реальных связей между явлениями (предметами, состояниями) окружающего мира, так и самого себя в нем. Данные отношения реализуются посредством словообразовательной (структурно-семантической) последовательности, которая в силу сложности и многомерности языковой системы «помимо свойств системности может также обнаруживать (в разной степени) признаки несистемности, некоторой асимметрии» [11, с. 125]. К подобным противоречиям относится явление опосредованной мотивации, реализующееся в ситуации обнаружения у производной лексемы семантически производящего компонента на расстоянии более одного словообразовательного шага. Соответственно, структурная

и семантическая мотивации не совпадают. Во фрагменте словообразовательной цепи *злыхать* → *злыхатель* → *злыхательство* интерес представляет субстантив *злыхательство* '1. Преисполненное злобы и раздражения отношение к кому-либо или к чему-либо. 2. Пребывание в таком состоянии' (СРЯ, СТСРЯ) со значением отвлеченного процессуального признака. Указанные значения лексемы не отсылают к субъекту состояния (*злыхатель*), однако ключевые лексемы дефиниции (*отношение*, *пребывание*) собственным значением процессуальности указывают на семантическую мотивированность деривата эмотивным глаголом *злыхать*. Иными словами, периферийное слово в семантическом плане оказывается ближе к вершине словообразовательного гнезда.

В словообразовательной цепи *суетить* → *суетиться* → *суетливый* обращает на себя внимание адъектив *суетливый* 'склонный к суете; проникнутый суетой' (СТСРЯ, ССРЛЯ). Данные значения лексемы свидетельствуют о явлении полимотивации, заключающемся в «возможности морфологического членения слов в пределах одного и того же типа», которая «во многих случаях зависит от различной направленности смысловых связей этого слова» [21, с. 9]. Так, лексема *суетливый* может одновременно интерпретироваться в качестве суффиксального деривата как от глагола *суетиться*, так и от субстантива *суета*. Множественность семантической мотивации единицы обуславливает множественность словообразовательной структуры деривата – соответствие двум потенциальным словообразовательным типам: образованию адъектива со значением лица, имеющего свойства того, что названо мотивирующим словом, от субстантива посредством суффикса *-лив-*, а также образованию прилагательного с семантикой лица, склонного к действию, названному мотивирующим словом, путем присоединения того же словообразовательного форманта [6]. Однако множественность деривационной структуры деривата *суетливый* в [12] не отражена, что свидетельствует о несовершенстве словарных дефиниций, поскольку лексема *суета* также является производной от глагола *суетиться* и сохраняет процессуальную семантику в опредмеченном варианте.

В качестве примеров нарушения словообразовательной системности выступают факты чересступенчатого словопроизводства. В лингвистической традиции чересступенчатую деривацию принято считать неузальной, так как путем пропуска непосредственно мотивирующего слова нарушается последовательность отношений производности в рамках словообразовательной цепи. Так, в словообразовательной паре *ворчать* → *наворчатся* производная лексема посредством словообразовательных формантов *на-* и *-ся* приобретает сатуративную и общевозвратную семантику. Подтверждением чересступенчатого характера словообразования в данном случае является «наличие в языке типовых аналогов с обязательно представленным предшествующим звеном» [22, с. 60]. Так, выделяются два типа деривационных отношений: присоединение указанных семантических характеристик ступенчато со включением на каждом этапе словопроизводства одного словообразовательного форманта (*мучить* → *намучить* → *намучиться*) и одновременное присоединение префикса *на-* и постфикса *-ся* с последующим приобретением значения совершения действия, названного мотивирующим глаголом, в достаточной степени или в избытке, а также значения достижения удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия (*маять* → *намаяться*) [6]. Аргументом в пользу чересступенчатого характера словообразования в словообразовательной паре *ворчать* → *наворчатся* является обнаружение в качестве промежуточного деривационного звена единицы *наворчат* 'устар. Наговорить неприветливых речей; изъяснить воркотней свое неудовольствие' (ТСЖВЯ). Посредством диахронического анализа словообразовательных отношений внутри деривационных цепочек, вершинами которых являются эмотивные глаголы, выявлены примеры, репрезентующие явление чересступенчатой деривации. Следует отметить, что в представленные фрагменты словообразовательных цепочек (вопреки [12]) включены промежуточные лексемы: *возбранить* → *возбранный* 'церковносл. Военный, храбрый в брани' (ПЦС) → *безвозбранный*; *грозить* → *угрожать* 'устар. Предупредить о чем-либо с угрозой' (СТСРЯ) → *угрожать*; *наругать* → *наругатель* 'устар. Тот, кто совершает надругательство' (СТСРЯ) → *наругательство*.

Таким образом, основными критериями отнесения деривационных пар к примерам непоследовательного словообразования является наличие типовых аналогов, а также обнаружение промежуточных лексических элементов при диахроническом исследовании. Ориентация на словарные дефиниции представляется автору настоящей статьи достаточно уязвимой ввиду вариативности промежуточных лексических элементов и не обладает необходимой степенью достоверности. В словообразовательной паре *ревет* → *прореветься* интерес вызывает производная лексема *прореветься* 'успокоиться после продолжительного рева, громкого плача' (СТСРЯ). В ее дефиниции обнаруживается финитивное значение

(*успокоиться*) как семантический доминант и интенсивное и пердуративное значения (*продолжительного*) как компоненты, сопровождающие семантические элементы общего лексического значения [23]. Потенциально программируемая мотивирующая единица *прореветь* дается в одной словообразовательной парадигме с глаголом *прореветься*, что ставит под сомнение необходимость поиска и сам факт существования промежуточного производно-производящего элемента. Но даже если представить глаголы *прореветь* либо *реветься* в качестве пропущенных мотивирующих единиц для деривата *прореветься*, то какой из потенциальных словообразовательных формантов станет носителем финитивного семантического компонента? Префикс *про-* в глаголе *прореветь* ‘провести какое-нибудь определенное время издавая рев, плача’ (СТСРЯ) выступает как носитель пердуративного значения [23], а примеры, в которых постфикс *-ся* обладает значением окончания действия, в словообразовательной системе русского языка не обнаружены (по крайней мере, на данный момент). Учитывая первостепенность факта аналогии в подтверждении чересступенчатого словообразования (а в отношении единицы *прореветься* аналогия не работает), можно отметить, что дистантные, на первый взгляд, словообразовательные форманты *про-* и *-ся* в данном случае выступают как единое целое и демонстрируют пример одного неразрывного словообразовательного акта – комбинированной деривации. Таким образом, подобные словообразовательные явления при условии их регулярности начинают покидать статус случаев неузуального словопроизводства и приближаются к узусу.

Принимая во внимание факт оригинальности каждого словообразовательного гнезда, вершиной которого является эмотивный глагол, стоит сказать, что отнесение вершин деривационных структур к одной лексико-семантической группе и присутствие в их семантическом поле общего компонента значения обуславливают наличие типовых словообразовательных значений, характерных как минимум для двух базовых элементов словообразовательного гнезда, что способствует возникновению инвариантной деривационной структуры. Однако в отличие от словообразовательных пар и словообразовательных цепочек словообразовательные гнезда крайне сложно поддаются типизации: чем более разветвленными и объемными они являются, тем затруднительнее составить абстрактную конструкцию на их основе. Моделирование подобных структур осложняется также фактами имплицитного словопроизводства.

В лингвистике не решен вопрос о статусе словообразовательного акта, материально не выраженного либо выраженного не словообразовательными средствами. Одни исследователи определяют данный способ деривации как безаффиксный [24; 25], другие ученые – как флективный [10; 26]. Однако самой авторитетной является точка зрения лингвистов, которые причисляют подобный тип словопроизводства к нулевой суффиксации [8; 9]. Наиболее убедительным это положение выглядит в контексте соответствия словообразовательного значения потенциальному средству его выражения. Так, лексема *вскрик* в процессе деривации приобретает словообразовательное значение отвлеченного процессуального признака [6]. Признать, что в данном случае носителем словообразовательного значения является нулевая флексия, представляется сомнительным ввиду отсутствия реально подтвержденных примеров подобных соответствий. В связи с этим достаточно логичным выглядит определение способа словообразования в паре *вскрикнуть* → *вскрик* как нулевой суффиксации. Во фрагменте словообразовательной цепи *потерпевший* → *потерпевший* (сущ.) → *потерпевшая* (сущ.) в субстантиве *потерпевшая* флексия *-ая* выступает как синкретическая морфема, выражающая одновременно грамматическое (род, число, падеж) и деривационное (значение лица женского пола) значения, что демонстрирует иную природу словообразовательных отношений, чем в словообразовательной паре *вскрикнуть* → *вскрик*. Возможность флексии совмещать формо- и словообразующие функции при условии регулярности (*неблагодарный* (сущ.) → *неблагодарная* (сущ.); *любящий* (сущ.) → *любящая* (сущ.)) позволяет говорить о флективном деривационном способе. Таким образом, наличие формообразовательного аффикса, выражающего грамматическое значение лица женского пола, которое в данном случае является дифференциальным по отношению к производящей семантике и выступает как словообразовательное значение, обуславливает перспективу выделения наряду с нулевой суффиксацией флективного способа словообразования.

За основу инвариантного гнезда взята самая разветвленная словообразовательная конструкция – словообразовательное гнездо с вершиной *любить*. Впоследствии она возростала за счет словообразовательных структур, вершинами которых являются другие эмотивные глаголы. Словообразовательные типы (регулярные деривационные пары), входившие в ее состав, объединялись на основе однотематичности словообразовательных значений и в результате составили конечное типовое гнездо. Таким образом, получившаяся инвариантная структура словообразовательного гнезда, представленная в таблице, отражает предельно типизированные вертикали и горизонталы [6; 23].

Инвариантное словообразовательное гнездо русскоязычных эмотивных глаголов

An invariant derivational nest of Russian emotive verbs

Вершины СГ	Ступени деривации				
	1-я	2-я	3-я	4-я	
<i>баловать</i> <i>грозить</i> <i>доверить</i> <i>дразнить</i> <i>кричать</i> <i>любить</i> <i>манить</i> <i>маять</i> <i>мучить</i> <i>ненавидеть</i> <i>огорчить</i> <i>озоровать</i> <i>остеречь</i> <i>плакать</i> <i>пугать</i> <i>раздражать</i> <i>робеть</i> <i>ругать</i> <i>скучать</i> <i>страдать</i> <i>суетить</i> <i>терпеть</i> <i>томить</i> <i>улыбаться</i> <i>унуть</i> <i>хвастать</i> <i>целовать</i>	Модификационное СЗ 1. Значение возвратности • общезовратное <i>огорчить-ся</i> <i>суетить-ся</i> • взаимновозвратное <i>ругать-ся</i> <i>целовать-ся</i> 2. Значение модификации по степени интенсивности <i>из-любить</i> <i>ис-томить</i> <i>крик-ну-ть</i> <i>на-маять-ся</i> <i>под-любл-ива-ть</i> <i>по-дразн-ива-ть</i> <i>при-манить</i> <i>при-скуч-и-ть</i> <i>пуг-ну-ть</i> 3. Значение результативности <i>в-любить</i> <i>за-манить</i> <i>из-баловать</i> <i>при-маять-ся</i> <i>раздраж-и-ть</i> <i>раз-маять</i> <i>уны-ва-ть</i> <i>у-томить</i> <i>по-целовать</i> 4. Значение временной модификации <i>воз-любить</i> <i>вы-плакать</i> <i>до-мучить</i> <i>до-ругать-ся</i> <i>о-робеть</i> <i>пред-остеречь</i> 5. Значение характера взаимоотношений субъекта и объекта действия <i>пере-дразнить</i> <i>со-страдать</i>	Модификационное СЗ 1. Значение временной модификации <i>вс-крикнуть</i> <i>за-суетиться</i> 2. Значение модификации по степени интенсивности <i>на-ругаться</i> <i>при-пугнуть</i> 3. Значение результативности <i>вы-пугнуть</i> <i>над-ругаться</i> 4. Значение характера взаимоотношений субъекта и объекта действия <i>пере-ругаться</i> 5. Значение возвратности • общезовратное <i>влюбить-ся</i> <i>домучить-ся</i> <i>истомить-ся</i> <i>раздражить-ся</i> • взаимновозвратное <i>передразнить-ся</i> • безличное <i>прискучить-ся</i> 6. Значение имперфективации <i>заман-ива-ть</i> <i>выплак-ива-ть</i> <i>огорч-а-ться</i> <i>передразн-ива-ть</i> <i>предостерег-а-ть</i> <i>приман-ива-ть</i> <i>прискуч-ива-ть</i> <i>разма-ива-ть</i>	Транспозиционное СЗ <i>вскрик</i> <i>выплакива-ние</i> <i>заманива-ние</i> <i>надруга-тельств-о</i> <i>наруга-тельств-о</i> <i>передразнива-ние</i> <i>приманива-ние</i>	—	
			Модификационное СЗ 1. Значение имперфективации <i>влюбл-я-ться</i> <i>вскрик-ива-ть</i> <i>выпуг-ива-ть</i> <i>домуч-ива-ться</i> <i>истомл-я-ться</i> <i>передразн-ива-ться</i> <i>припуг-ива-ть</i> 2. Значение страдательности <i>передразнивать-ся</i> <i>предостерегать-ся</i> <i>приманивать-ся</i> 3. Общезовратное значение <i>размаивать-ся</i>	Транспозиционное СЗ <i>вскрикива-ние</i> <i>выпугива-ние</i> <i>припугива-ние</i>	
			Мутационное СЗ 1. Значение отнесенности к процессу, названному мотивирующим словом <i>влюбл-енн-ый</i> <i>заман-чив-ый</i> <i>предостерега-ющ-ий</i>	Модификационное СЗ 1. Значение страдательности <i>выпугивать-ся</i>	
			Транспозиционное СЗ <i>влюбленн-ость</i> <i>истомл-ение</i> <i>предостереж-ение</i> <i>раздраж-ение</i> <i>сострада-ние</i> <i>сует-а</i> <i>утомл-ение</i>	Соединительное СЗ <i>свекл-о-утомление</i>	—
			Мутационное СЗ 1. Значение отнесенности к процессу, названному мотивирующим словом <i>возлюбл-енн-ый</i> <i>излюбл-енн-ый</i> <i>избалова-нн-ый</i> <i>оробе-л-ый</i> <i>раздраж-енн-ый</i> <i>уныв-н-ый</i> 2. Значение носителя процессуального признака <i>сострада-лец</i> <i>сострада-тель</i>	Транспозиционное СЗ <i>возлюбл-енн-ый (сущ.)</i> <i>избалованн-ость</i> <i>оробел-о</i> <i>раздраженн-о</i> <i>раздраженн-ость</i>	Модификационное СЗ 1. Значение лица женского пола <i>возлюбленн-ая (сущ.)</i>
				Модификационное СЗ 1. Субъективно-оценочное значение <i>за-унывный</i> <i>не-унывный</i>	—

Окончание таблицы
Ending table

Вершины СГ	Ступени деривации			
	1-я	2-я	3-я	4-я
баловать грозить доверить дразнить кричать любить манить маять мучить ненавидеть огорчить озоровать остеречь плакать пугать раздражать робеть ругать скупать страдать суеить терпеть томить улыбаться уныть хвастать целовать	Транспозиционное СЗ люб-овь люб-я ненависть сук-а терп-еж улыб-к-а	Мутационное СЗ 1. Значение носителя процессуаль-ного признака любовн-ик 2. Значение отнесенности к состо-янию, названному мотивирующим словом любов-н-ый по-любов-н-ый скуп-н-ый	Модификационное СЗ 1. Значение лица женского пола любовн-иц-а 2. Субъективно-оценочное значение не-скупный пре-скупный скупн-еньк-ий скупн-ехоньк-ий скупн-оват-ый	Транспозиционное СЗ нескупн-о прескупн-о скупненьк-о скупнехоньк-о скупноват-о
			Транспозиционное СЗ любовн-ость полюбовн-о полюбовн-ость скупн-о	Модификационное СЗ 1. Субъективно-оценочное значение не-скупно скупн-енько скупн-овато
		Модификационное СЗ 1. Значение отрицания не-любовь 2. Субъективно-оценочное значение издевоч-к-а сук-от-а скуп-иц-а улыбоч-к-а	—	—
		Соединительное СЗ пол-у-улыбка	—	—
	Мутационное СЗ 1. Значение носителя процессуального признака люби-тель одн-о-люб озор-ник хваст-ун 2. Значение отвлеченного процессуального признака в сочетании с соединительным значением люб-о-деяние люб-о-мудр-ие 3. Значение отнесенности к процессу, названному мотивирующим словом, в сочетании с соединительным значением довер-чив-ый друж-е-люб-н-ый люб-им-ый люб-ый люб-яц-ий сам-о-люб-ив-ый	Модификационное СЗ 1. Субъективно-оценочное значение пугалище хвастунишка 2. Значение лица женского пола любитель-ниц-а однолюб-к-а		
		Мутационное СЗ 1. Значение отвлеченного процес-суального признака любитель-ство самообожание 2. Значение отнесенности к дея-тельности, занятию лица, назван-ного мотивирующим словом любитель-ск-ий 3. Значение действия озорничать	Транспозиционное СЗ по-любительск-и	—
		Соединительное СЗ кино-любитель много-любящий	Мутационное СЗ 1. Значение отвлеченного процессу-ального признака кинолюбитель-ств-о 2. Значение отнесенности к дея-тельности, занятию лица, названно-го мотивирующим словом кинолюбитель-ск-ий	—
		Транспозиционное СЗ любяц-ий (сущ.) люб-ый (сущ.) любим-ый (сущ.) любим-ец самолюб доверчив-ость дружелюб-ие самолюб-ие доверчив-о дружелюбн-о в-люб-е	Модификационное СЗ 1. Значение лица женского пола любим-ая (сущ.) любяц-ая (сущ.) 2. Субъективно-оценочное значение самолюбов-иц-е самолюбов-ицк-о 3. Значение отрицания не-доверчиво не-доверчивость	—

Примечание. СГ – словообразовательное гнездо, СЗ – словообразовательное значение.

Учитывая, что регулярность является основополагающим критерием при конструировании инвариантного словообразовательного гнезда, следует отметить, что образование полипрефиксальных глаголов (*поутомиться*, *невзлюбить* и др.) в качестве единиц русского литературного языка носит, скорее, исключительный характер и не становится типовым. Напротив, диалектной подсистеме русского языка подобное явление свойственно (*завыговаривать* ‘начать упрекать’ (СРНГ), *засокрушиться* ‘начать горевать’ (СРНГ), *заостерегаться* ‘начать опасаться чего-нибудь’ (СРНГ), *запожалеть* ‘начать испытывать сожаление о чем-нибудь’ (СРНГ), *завыревливать* ‘начать плакать’ (СРНГ), *завыхвалиться* ‘начать хвалиться’ (СРНГ), *заприблажаться* ‘начать вести себя неразумно, совершать странные поступки’ (СРНГ), *запришаливать* ‘начать шалить’ (СРНГ), *запридикивать* ‘начать шалить’ (СРНГ)).

Анализ структуры инвариантного словообразовательного гнезда позволил сделать вывод о том, что для процессов словопроизводства с эмотивным глаголом в качестве исходной единицы образования дериватов характерно использование фактически всех частей речи: глаголов, субстантивов, причастий, адъективов и наречий. Наибольшая деривационная продуктивность проявляется в рамках глагольного словообразования с приобретением в подавляющем большинстве случаев модификационных словообразовательных значений. Примеры семантических мутаций единичны. В контексте глагольной деривации распространенным типом семантических отношений между производным и производящим компонентами является каузативная связь, реализующаяся зачастую на 1-й ступени словообразования в рамках оппозиции каузатив – декаузатив посредством постфикса *-ся* (*суетить* → *суетиться*, *удручить* → *удручиться*, *огорчить* → *огорчиться* и т. д.). Явление декаузации обнаруживается и на 2-й ступени деривации (*истомить* → *истомиться*).

Все последующие (3-я и 4-я ступени словопроизводства) присоединения постфикса *-ся* приводят к возникновению значения страдательности (*вспугивать* → *вспугиваться*, *выпугивать* → *выпугиваться*, *отпугивать* → *отпугиваться*). Однако декаузатив, выступающий в качестве вершины словообразовательного гнезда и являющийся морфемно немаркированным, может порождать посредством префиксов и суффиксов (что крайне редкое явление для русского словообразования) дериваты с каузативным значением (*любить* ‘испытывать любовь к кому-либо’ (СРЯ) → *влюбить* ‘заставить кого-либо испытывать любовь’ (СРЯ); *скучать* ‘испытать скуку’ (СРЯ) → *наскучить* ‘вызвать у кого-либо чувство скуки’ (СРЯ)).

При образовании производных именного и наречного происхождения сохраняется общий для всех дериватов семантический компонент процессуальности, притом глаголы с семой ‘эмоция’ создают благоприятную почву для порождения единиц с транспозиционным словообразовательным значением [27, с. 29–49].

Заключение

Словообразовательное гнездо – это парадигмально-синтагматическое образование, построенное на отношениях последовательной производности. Комплексные словообразовательные конструкции наряду с гомологичностью их количественно-качественного наполнения зачастую обнаруживают дифференциальные признаки, что обуславливается совокупностью собственно лингвистических (существование более употребительных лексических коррелятов, присутствие признаков метафоричности в семантическом поле потенциально производящей единицы) и экстралингвистических (степень актуальности эмоционального переживания для носителя языка) факторов.

Ступенчатая структурно-семантическая связь, выступающая в качестве основного гнездообразующего механизма, в силу динамического характера языка и мышления и их связи репрезентирует признаки асистемности. Деривационная асимметрия реализуется в расхождении структурной и семантической словообразовательных мотиваций (явления опосредованной и множественной мотиваций производных эмотивных глаголов), чересступенчатом словообразовании и в проникновении в структуру узального словообразовательного гнезда просторечий, диалектизмов и т. д. Важно отметить, что установление признаков асистемности отношений словообразовательной последовательности возможно при обнаружении в языке типовых соответствий и при диахронической перспективе исследования промежуточных лексем. Однако отнесение исследуемых единиц к одной лексико-семантической группе, а также стремление всякой системной единицы к аналогии содействуют созданию инвариантного словообразовательного гнезда, демонстрирующего наиболее панорамную картину словообразовательных закономерностей и способствующего дальнейшему исследованию путей познания человеком окружающего мира и осознания себя в нем. Тесная связь языкового мышления с внутренней формой слова обуславливает рассмотрение последней как источника национально-культурной информации. Построение типовых конструкций позволяет установить принципы работы языкового сознания при номинации различных реалий, а также признаки и ассоциации, которые ложатся в основу производных наименований.

Сокращения

ПЦС – Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь. М. : Омега-Л, 2020. 1120 с. ; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров / редкол.: Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М. : Наука, 1965–2007. Выпуски 1–41 ; **СРЯ** – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1986. 797 с. ; **ССРЛЯ** – Словарь современного русского литературного языка / редкол.: В. И. Чернышёв [и др.]. М. : Акад. наук СССР, 1950–1965. 17 томов ; **СТСРЯ** – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, 2006. 3 тома ; **ТСЖВЯ** – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Дрофа, 2011. 4 тома.

Библиографические ссылки

1. Кубрякова ЕС. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянских культур; 2004. 560 с.
2. Бабенко ЛГ. *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск: Издательство Уральского университета; 1989. 184 с.
3. Кубрякова ЕС. Ономастологические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 21–25.
4. Лыков АГ. Разграничение словообразовательного гнезда и словообразовательной парадигмы. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 34–38.
5. Гинзбург ЕЛ. Исследования структуры словообразовательного гнезда. В: Шаумян СК, редактор. *Проблемы структурной лингвистики. 1972. Сборник научных статей*. Москва: Наука; 1973. с. 146–225.
6. Шведова НЮ, Арутюнова НД, Бондарко АВ, Иванов ВВ, Лопатин ВВ, Улуханов ИС и др., редакторы. *Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука; 1980. 789 с.
7. Чинчлей ТС. Словообразовательное и деривационное гнезда. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 44–46.
8. Лопатин ВВ. Проблемы нулевого словообразовательного аффикса. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1975. с. 390–402.
9. Земская ЕА. Словообразование. В: Белошапкова ВА, редактор. *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа; 1989. с. 237–379.
10. Немченко ВН. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Высшая школа; 1984. 255 с.
11. Никитевич АВ. Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования. В: Радбиль ТБ, редактор. *Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции; 28–30 сентября 2016 г.; Нижний Новгород, Россия. Нижний Новгород: ДЕКОМ; 2016. с. 125–130.*
12. Тихонов АН. *Словообразовательный словарь русского языка*. Москва: Астрель; 2008. 2 тома.
13. Ефремова ТФ. *Современный толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель; 2006. 3 тома.
14. Ожегов СИ. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык; 1986. 797 с.
15. Чернышёв ВИ, редактор. *Словарь современного русского литературного языка*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1950–1965. 17 томов.
16. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Дрофа; 2011. 4 тома.
17. Дьяченко ГМ. *Полный церковнославянский словарь*. Москва: Омега-Л; 2020. 1120 с.
18. Филин ФП, Сороколетов ФП, редакторы. *Словарь русских народных говоров*. Москва: Наука; 1965–2007. 1–41 выпуски.
19. Вендина ТИ. *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. Москва: Индрик; 1998. 240 с.
20. Голянич МИ. Особенности семантической структуры словообразовательных гнезд со значением говорения. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 117–120.
21. Виноградов ВВ. Вопросы современного русского словообразования. *Русский язык в школе*. 1951;2:1–10.
22. Гейгер РМ. Структурно-семантические отношения в словообразовательной цепи и вопрос о потенциальных словах. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 58–62.
23. Татевосов СГ. Множественная префиксация и анатомия русского глагола В: Киселева КЛ, Плунгян ВА, Рахилина ЕВ, Татевосов СГ, редакторы. *Корпусные исследования по русской грамматике*. Москва: Пробел; 2009. с. 92–156.
24. Потиха ЗА. *Современное русское словообразование*. Москва: Просвещение; 1970. 384 с.
25. Шанский НМ. *Очерки по русскому словообразованию*. Москва: Издательство Московского университета; 1968. 308 с.
26. Милославский ИГ. Свойства русских флексий. *Русский язык в школе*. 1975;3:65–69.
27. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd; 1962. 263 s.

References

1. Kubryakova ES. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way of obtaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2004. 560. Russian.
2. Babenko LG. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* [Lexical means of designating emotions in Russian]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1989. 184 p. Russian.

3. Kubryakova ES. [Onomasiological characteristics of complex units of the word-formation system]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 21–25. Russian.
4. Lykov AG. [Distinguishing between word-formation nest and word-formation paradigm]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 34–38. Russian.
5. Ginzburg EL. [Studies of the structure of word-formation nests]. In: Shaumyan SK, editor. *Problemy strukturnoi lingvisti-ki. 1972. Sbornik nauchnykh statei* [Structural linguistics problems. 1972. Collection of scientific articles]. Moscow: Nauka; 1973. p. 146–225. Russian.
6. Shvedova NYu, Arutyunova ND, Bondarko AV, Ivanov VV, Lopatin VV, Ulukhanov IS, et al., editors. *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka; 1980. 789 p. Russian.
7. Chinchlei TS. [Word-formation and derivational nests]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 44–46. Russian.
8. Lopatin VV. [Problems of the zero word-formation affix]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1975. p. 390–402. Russian.
9. Zemskaya EA. [Word-formation]. In: Beloshapkova VA, editor. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. p. 237–379. Russian.
10. Nemchenko VN. *Sovremennyyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word-formation]. Moscow: Vysshaya shkola; 1984. 255 p. Russian.
11. Nikitevich AV. [Word-formation nest as an object of linguistic modelling]. In: Radbil TB, editor. *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznaniiya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Golovina): sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 28–30 sentyabrya 2016 g.; Nizhnii Novgorod, Rossiya* [Scientific heritage of B. N. Golovin in the light of actual problems of modern linguistics (to the 100th anniversary of the birth of B. N. Golovin): collection of articles on the materials of the International scientific conference; 2016 September 28–30; Nizhny Novgorod, Russia]. Nizhny Novgorod: DEKOM; 2016. p. 125–130. Russian.
12. Tikhonov AN. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel'; 2008. 2 volumes. Russian.
13. Efremova TF. *Sovremennyyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel'; 2006. 3 volumes. Russian.
14. Ozhegov SI. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1986. 797 p. Russian.
15. Chernyshev VI, editor. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1950–1965. 17 volumes. Russian.
16. Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Drofa; 2011. 4 volumes. Russian.
17. D'yachenko GM. *Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar'* [Complete Church Slavonic dictionary]. Moscow: Omega-L; 2020. 1120 p. Russian.
18. Filin FP, Sorokoletov FP, editors. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow: Nauka; 1965–2007. 1–41 issues.
19. Vendina TI. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian linguistic picture of the world through the prism of word-formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik; 1998. 249 p. Russian.
20. Golyanich MI. [Features of the semantic structure of word-formation nests with the meaning of speaking]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 117–120. Russian.
21. Vinogradov VV. [Questions of modern Russian word-formation]. *Russkii yazyk v shkole*. 1951;2:1–10. Russian.
22. Geiger RM. [Structural-semantic relations in the word-formation chain and the question of potential words]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 58–62. Russian.
23. Tatevosov SG. [Multiple prefixation and anatomy of the Russian verb]. In: Kiseleva KL, Plungian VA, Rakhilina EV, Tatevosov SG, editors. *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* [Corpus studies in Russian grammar]. Moscow: Probel; 2009. p. 92–156. Russian.
24. Potiha ZA. *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie* [Modern Russian word-formation]. Moscow: Prosveshchenie; 1970. 384 p. Russian.
25. Shanskii NM. *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian word-formation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1968. 308 p. Russian.
26. Miloslavskii IG. [Properties of Russian inflections]. *Russkii yazyk v shkole*. 1975;3:65–69. Russian.
27. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd; 1962. 263 s.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Хентшель Г., Тамбор И., Фекете И. **Силезский лект и его пользователи: распространение, отношение общества к силезскому лекту, жизнеспособность германизмов в силезском лекте.** Берлин : Peter Lang, 2021. 344 с. (на нем. и пол.).

Генчэль Г., Тамбар І., Фекетэ І. **Сілезскі лект і яго ўжывальнікі: распаўсюджанне, стаўленне грамадства да сілезскага лекту, жыццёвасць германізмаў у сілезскім лекце.** Берлін : Peter Lang, 2021. 344 с. (на ням. і пол.).

Hentschel G., Tambor J., Fekete I. **Das Schlesische und seine Sprecher: Etablierung in der Gesellschaft, Attitüden, Vitalität der Germanismen = Śląski lekt i jego użytkownicy: rozpowszechnienie, postawy społeczne wobec śląszczyzny, żywotność germanizmów w lekcie śląskim.** Berlin : Peter Lang, 2021. 344 S.

Пытанні ўзаемадзеяння моў актыўна абмяркоўваюцца ў сучаснай замежнай сацыялінгвістыцы. Беларускім даследчыкам добра знаёмы праекты па вывучэнні кантактаў паміж славянскімі мовамі (беларускай і рускай, украінскай і рускай), якія арганізавала каманда навукоўцаў з Альдэнбургскага ўніверсітэта імя Карла фон Асецкага пад кіраўніцтвам прафесара Г. Генчэля. Яны займаюць значнае месца ў сучаснай славянскай мовазнаўчай кантакталогіі і выклікаюць шырокія дыскусіі.

Разглядаемая кніга адлюстроўвае вынікі міжнароднага даследчыцкага праекта супрацоўнікаў Альдэнбургскага ўніверсітэта імя Карла фон Асецкага (Германія) і Сілезскага ўніверсітэта ў Катавіцах (Польшча), які праводзіўся з 2017 па 2019 г. У цэнтры ўвагі аўтараў – ступень уплыву нямецкай мовы на сілезскі лект, якім, акрамя дамінантнай польскай мовы, зараз карыстаецца невялікая частка жыхароў Верхняй Сілезіі.

Манаграфія, напісаная на нямецкай і польскай мовах, складаецца з уступнага слова і падзякі, шасці асноўных раздзелаў, пералікаў табліц і графікаў, спіса літаратуры і дадатку.

У першым раздзеле выдання – «Уводзіны: прадмет і мэты даследаванняў» – апісваецца прынятая ў кнізе тэрміналогія, задачы і мэты, што ставілі перад сабой аўтары. Тэрмін «сілезскі лект» (у дачыненні да мовы жыхароў Верхняй Сілезіі) выкарыстоўваецца даследчыкамі як аналаг нямецкага тэрміна *Wasserpolsch* для абазначэння польскай мовы, у вялікай ступені «разбаўленай» нямецкай мовай. Прадметам увагі аўтараў выдання з’яўляюцца германізмы – словы нямецкага паходжання, уласна запазычаныя, або асіміляваныя нямецкія лексемы, якія былі адаптаваны ў сілезскім маўленні.

Аўтары манаграфіі шукаюць адказ на пытанне аб тым, у якой ступені германізмы ў акрэсленым значэнні сёння яшчэ «жывыя» ў сілезскім лекце, гэта значыць ці выкарыстоўваюцца яны цяпер у маўленні. Вывучэнне гэтага пытання ўскладняецца некалькімі момантамі, якія навукоўцы аналізуюць асобна. Так, не заўсёды зразумела, з’яўляецца выкарыстаны білінгвам германізм звычайным, пастаянна ўжываемым запазычаннем або ўяўляе сабой спонтанны перанос слова ў выніку пераключэння кодаў. Акрамя таго, трэба правесці, ці можна выявіць адрозненні ва ўжыванні германізмаў у асобных субрэгіёнах Сілезіі. Яшчэ адна задача – сацыябіяграфічнае апісанне асоб, якія лічацца ўжывальнікамі сучаснага сілезскага лекту.

У другім раздзеле кнігі – «Метадалогія» – тлумачыцца выбар і апісваюцца крыніцы аналізуемых германізмаў, крытэрыі адбору ўдзельнікаў праекта, характарызуецца лінгвістычна-сацыялагічная інтэрпрэтацыя вынікаў сацыябіяграфічных даследаванняў. Навукоўцамі аналізуецца звыш

700 лексічных адзінак, вылучаных у выніку апытання рэспандэнтаў адносна частотнасці ўжывання імі германізмаў (метада суб'ектыўнай частотнасці). Адсутнасць да нядаўняга часу ў сілезскага лекту пісьмовай традыцыі і адрозненне лекту ў субрэгіёнах робяць немагчымым выкарыстанне метада суб'ектыўнай частотнасці на аснове вялікага корпуса моўнага матэрыялу. Важнай асаблівасцю свайго даследавання навукоўцы лічаць імкненне не выявіць абсалютную колькасную характарыстыку ўжывання канкрэтнага германізма і яго польскага аналага, а даведацца пра іх выкарыстанне інфармантамі ў параўнанні адносна адзін аднаго, што знайшло адлюстраванне ў фармулёўцы асноўнага пытання распрацаванай імі анкеты. Гэта адпавядае мэце даследчыкаў – выявіць, у якой ступені ўплыў польскай літаратурнай мовы як дамінантнай прывёў да змяншэння колькасці германізмаў або частковага зніжэння частотнасці іх ужывання.

Галоўным крытэрыем адбору ўдзельнікаў праекта было сцвярджэнне асобы, што яна з пэўнай рэгулярнасцю і частотнасцю карыстаецца сілезскім лектам, як мінімум у сямейнай камунікацыі. Інфарманты шукаліся метадам «снежнага кома»: першыя апытаныя прапаноўвалі наступных і г. д. Першымі інфармантамі сталі родныя і знаёмыя супрацоўнікаў Інстытута мовазнаўства Сілезскага ўніверсітэта ў Катавіцах і школы польскай мовы і культуры таго ж універсітэта. Перад адказамі на пытанні адносна выкарыстання германізмаў рэспандэнты працавалі з сацыябіяграфічным апытальнікам аб частотнасці і сферы ўжывання сілезскага лекту, камунікацыйных сітуацыях. Пераважная большасць асоб адказалі, што карыстаюцца лектам часта. Канчатковая лічба інфармантаў – 1964 чалавекі.

Трэці раздзел кнігі – «Ужывальнікі» – прысвечаны апісання інфармантаў: іх узростаў, гендарных і прафесійных характарыстык, асаблівасцей выкарыстання імі нямецкага, польскага і сілезскага моўных кодаў, сувязей іх сацыябіяграфічных і лінгвістычных характарыстык, стаўлення да таго ці іншага моўнага кода, самаідэнтыфікацыі.

Падчас адбору інфармантаў даследчыкі імкнуліся да гендарнай і ўзроставай раўнавагі. У праекце прымалі ўдзел асобы з розным узроўнем адукацыі, прадстаўнікі розных прафесій.

Аналіз ужывання інфармантамі польскага і сілезскага кодаў дэманструе адсутнасць выразнага камплементарнага падзелу паміж імі: зафіксавана прыблізна аднолькавая частотнасць іх выкарыстання ў сем'ях і тэндэнцыя да больш актыўнага ўжывання польскай мовы ў афіцыйных сітуацыях камунікацыі.

Вынікі апытання адносна прысутнасці нямецкай мовы ў жыцці рэспандэнтаў, працягласці яе вы-

вучэння і ўзроўню валодання ёй сведчаць аб тым, што нямецкая мова адыгрывае вельмі нязначную ролю ў розных сферах жыцця акрэсленага рэгіёна і большасць з інфармантаў ведаюць яе слаба (трэць не ведае зусім).

Аналіз магчымай сувязі сацыябіяграфічных характарыстык інфармантаў з размеркаваннем моў у Сілезіі паказвае, што ступень ужывання нямецкай мовы не залежыць ад узросту рэспандэнтаў. Сілезскім лектам часцей карыстаюцца асобы старэйшага пакалення, польскай мовай – малодшага. Мужчыны крыху часцей выкарыстоўваюць сілезскі код, жанчыны – польскі. Узровень ужывання нямецкай мовы вельмі нізкі ў прадстаўнікоў абодвух палоў. Чым больш урбанізавана месца жыхарства інфарманта, тым часцей ён звяртаецца да польскай мовы і радзей да сілезскага лекту.

Большасць рэспандэнтаў выступаюць за пашырэнне ўжывання сілезскага кода ў медыя, грамадскім жыцці і за вывучэнне сілезскага лекту ў школе. Больш за палову інфармантаў лічаць неабходным выкарыстанне сілезскага лекту ў дзяржаўных установах, аднак у першую чаргу рэспандэнты зацікаўлены ў яго ўжыванні ў штодзённым маўленні. Да ідэі надаць сілезскай мове статус дзяржаўнай інфарманты падыходзяць стрымана, нават пры ўмове паралельнага функцыянавання польскай мовы ў якасці дзяржаўнай. Аднак іх жаданне павялічыць прысутнасць лекту ў прэсе сведчыць аб пэўнай падтрымцы яго пісьмовай кадыфікацыі.

У чацвёртым раздзеле кнігі – «Наяўнасць кодаў і іх сацыябіяграфічная абумоўленасць» – трактуецца даныя папярэдняга раздзела, якія паказалі магчымую сувязь выкарыстання інфармантамі польскага або сілезскага кода з іх сацыябіяграфічнымі характарыстыкамі.

Назіраецца прамая залежнасць карыстання моўцамі сілезскім лектам ад яго сілезскай самаідэнтыфікацыі, але гэта не азначае абмежавання польскай самаідэнтыфікацыі, а дэманструе, што сілезская ідэнтыфікацыя выступае часткай польскай, яе рэгіянальнай разнавіднасцю.

Рэспандэнты з вышэйшай адукацыяй радзей карыстаюцца сілезскім лектам і часцей польскай мовай, што можа быць звязана з іх прафесіяй. Але гэта не тычыцца тых, хто выступае за пашырэнне сферы ўжывання сілезскага лекту.

Акрамя ўзроўню адукацыі, ужыванне польскай мовы залежыць ад польскай самаідэнтыфікацыі: калі яна нізкая або нулявая, узровень карыстання польскай мовай ніжэйшы. У рэспандэнтаў з нулявой або частковай польскай самаідэнтыфікацыяй, якія маюць вышэйшую адукацыю, такая ж частотнасць карыстання польскай мовай, як і ў асоб з поўнай польскай самаідэнтыфікацыяй, што маюць сярэдняю адукацыю.

Узрост удзельнікаў даследавання не ўплывае на карыстанне польскім або сілезскім моўнымі кодамі.

Пяты раздзел кнігі – «Германізмы» – прысвечаны аналізу распаўсюджанасці германізмаў у даследаваным рэгіёне і фактараў, якія ўплываюць на іх жыццёвасць.

Вынікі апытання паказалі, што чацвёртая частка прааналізаваных германізмаў выкарыстоўваецца інфармантамі часцей або значна часцей за іх польскія адпаведнікі; пятая частка германізмаў ужываецца так часта, як і іх польскія адпаведнікі; амаль палова даследаваных германізмаў ужываецца рэдка, не ўжываецца або забыта.

Аналіз фактараў, якія ўплываюць на жыццёвасць германізмаў, сведчыць аб тым, што германізм выкарыстоўваецца моўцамі часцей, калі ў польскай мове для яго няма аднаслоўнага (або нават любога) адпаведніка з тым самым значэннем.

Чым часцей рэспандэнт карыстаецца сілезскім лектам, тым большая колькасць германізмаў прысутнічае ў яго маўленні. Асобы, якія цалкам або часткова выступаюць за наданне сілезкаму лекту статусу дзяржаўнай мовы, часцей ужываюць германізмы. У маўленні рэспандэнтаў з поўнай сілезкай ідэнтычнасцю назіраецца большая колькасць германізмаў. Часцей іх выкарыстоўваюць асобы, якія выступаюць за пашырэнне сілезскага лекту ў медыя (радыё, тэлебачанне, прэса).

Параўнанне выкарыстання германізмаў у польскіх гаворках паказала, што чым шырэй канкрэтны германізм ужываецца ў розных гаворках, тым часцей ён сустракаецца ў сучасным сілезскім лекце. Даследаваныя субрэгіёны не маюць вялікіх адрозненняў у частотнасці выкарыстання аналізуемых германізмаў (гэта тлумачыцца высокай унутранай мабільнасцю насельніцтва пасля Другой сусветнай вайны, якая спрыяе кансалідацыі мовы і шырокай распаўсюджанасці ў ёй германізмаў). Але ёсць і такія адзінкі, якія сустракаюцца ў адных рэгіёнах і не ўжываюцца ў іншых.

У апошнім раздзеле – «Падагульненне, вынікі і перспектывы» – робяцца высновы аб характары функцыянавання разгледжаных моўных кодаў у даследаваным рэгіёне. Адносіны паміж польскім і сілезскім кодамі аўтары характарызуюць як асіметрычнае двухмоўе (двухкодавасць): абодва коды могуць ужывацца ў адных і тых жа сітуацыях, аднак заўважаецца значная перавага польскай літаратурнай мовы ў публічнай сферы і ва ўнутрысямейнай камунікацыі, нават у актыўных ужывальнікаў сілезскага лекту. Па меркаванні даследчыкаў, апошняму пагражае небяспека, але пра поўнае яго знікненне гаварыць не прыходзіцца.

Нямецкая мова не адыгрывае ролю мовы штодзённай камунікацыі ў разглядаемым рэгіёне і выконвае выключна маргінальную функцыю. Выразна праяўляецца імкненне рэспандэнтаў да захавання

або нават узмацнення пазіцыі сілезскага лекту. Гэта дазваляе даследчыкам зрабіць выснову аб тым, што ў адносінах да большасці інфармантаў нельга казаць пра шырокае распаўсюджанне шматмоўя з адной з моў – нямецкай. Вельмі рэдка ўжыванне германізмаў звязана са спантанным змешваннем з нямецкай.

Аналіз ужывання моўцамі даследуемых германізмаў паказвае, што 45 % адзінак маюць тэндэнцыю да знікнення або забывання незалежна ад рэгіёна, 40 % адзінак дэманструюць наймацнейшую тэндэнцыю да выкарыстання (каля 8 % актыўна ўжываюцца на ўсёй тэрыторыі), 15 % адзінак шырока распаўсюджаны ў адным з субрэгіёнаў і не ўжываюцца ў астатніх.

Адказваючы на пытанне пра спантаннае змешванне моў, аўтары адзначаюць, што яно магло мець месца ў сітуацыі распаўсюджанага «практыкаванага» (*praktizierter, praktykowana*) шматмоўя, гэта значыць рэгулярнага выкарыстання нямецкай мовы. Германізмы, якія ў даследаванні аказаліся жыццяздольнымі, з'яўляюцца замацаванымі і да гэтай пары ўжывальнымі запазычаннямі з нямецкай мовы ў сілезскім лекце, незалежна ад таго, пацвердзіцца іх моцная жыццёвасць усюды або толькі ў асобных рэгіёнах.

Галоўны фактар, які ўплывае на ўжыванне інфармантам германізмаў, – гэта частотнасць выкарыстання сілезскага лекту: частае або вельмі частае яго ўжыванне абумоўлівае шырокае выкарыстанне германізмаў. Важны таксама ўзрост: старэйшае пакаленне, якое карыстаецца сілезскім лектам, часцей ужывае германізмы. Акрамя таго, трэба ўлічваць прысутнасць германізмаў ў іншых дыялектах або разнавіднасцях польскай мовы: чым яна большая, тым часцей германізм ужываецца ў сілезскім лекце.

Для маладых інфармантаў (да 45 гадоў) важныя таксама цесны кантакт з нямецкай мовай (павышае частотнасць германізмаў) і палітычны момант (спадзяванне на распаўсюджанне сілезскага лекту ў медыя звязана з узростам частотнасці ўжывання германізмаў). Ёсць верагоднасць, што маладымі людзьмі германізмы могуць успрымацца як сімвал Сілезіі і сілезскага лекту, як лакмусавая паперка сілезскай адметнасці.

У дадатку ў алфавітным парадку прыведзены пералік даследаваных германізмаў (разам з польскімі адпаведнікамі) з указаннем частотнасці іх ужывання ў сілезскім лекце. З-за абмежаванасці аб'ёму ў манаграфіі адлюстраваны не ўсе звесткі. Падрабязныя колькасныя падлікі вынесены ў асобны электронны «Частотны слоўнік нямецкіх лексічных запазычанняў у сучасным сілезскім лекце», даступны ў інтэрнэце.

Як сцвярджаюць аўтары аналізуемай кнігі, гэта першае комплекснае сацыялінгвістычнае даследаванне сучаснага сілезскага лекту з эмпірычнай

ацэнкай, а таксама першая спроба аналізу германізмаў у сучасным сілезскім лексе. У якасці пераваг выдання трэба адзначыць праведзены аўтарамі параўнальны (не толькі абсалютны) аналіз ужывання германізмаў і іх польскіх аналагаў на разглядаемай тэрыторыі і ўлік сацыялінгвістычных характарыстык інфармантаў падчас апісання іх маўленчых паводзін. Гэта робіць сацыялінгвістычнае даследаванне глыбокім і інфарматыўным.

Пэўнае сумненне ўзнікае адносна таго, ці заўсёды пазначаныя рэспандэнтамі адказы на пытанні анкет аб'ектыўна адлюстроўваюць рэальную сітуацыю размеркавання моўных кодаў у даследаваным рэгіёне. Па-першае, дастаткова працягла час запаўнення апытальніка (як сцвярджаюць аўтары, каля дзвюх гадзін) мог прывесці да стомленасці інфармантаў (прынамсі старэйшага ўзросту) і ў нейкай ступені «аўтаматычных» адказаў на пытанні, асабліва апошнія. І хоць, па словах аўта-

раў, праведзеныя імі статыстычныя даследаванні дэманструюць нязначны ўплыў гэтага фактара на вынікі апытання, нам здаецца, ён варты большай увагі. Па-другое, у рамках апытальніка цяжка прапачыць за тым, каб рэспандэнты аналізавалі свае моўныя паводзіны толькі падчас камунікацыі на сілезскім лексе без уліку пераключэння кодаў (такія ўстаноўкі інфарманты атрымалі ад арганізатараў даследавання). Падобныя абмежаванні дастаткова складана выканаць на псіхалагічным узроўні.

Адзначаныя моманты не змяншаюць вартасці аналізуемай манаграфіі. Выданне будзе карысным для сацыялінгвістаў, спецыялістаў па моўным кантакце, славістаў і мовазнаўцаў у цэлым, а таксама для шырокага кола чытачоў, якія цікавяцца пытаннямі размеркавання моўных кодаў у даследаваным рэгіёне.

*Н. В. Яненка*¹

¹ *Наталля Васільевна Яненка* – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Наталля Васілеўна Яненка – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Natallia V. Janienka, PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: natallia.janienka@gmail.com

ЮБІЛЕІ

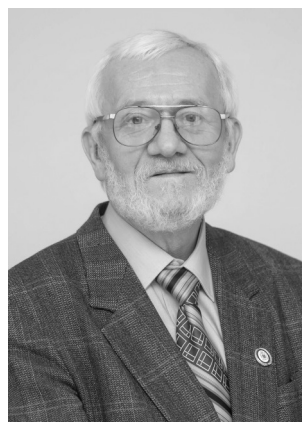
ЮБІЛЕІ

JUBILEES

Іван Алексеевич
ЧЕРОТА

Іван Аляксеевіч
ЧАРОТА

Ivan Aliaksiejevich
CHAROTA

Івану Аляксеевічу Чароту споўнілася 70 гадоў. Неўзабаве гэтая фраза ў розных варыянтах будзе фігураваць у адрасах. За спінай 70-гадовага чалавека знаходзіцца вялікая частка жыцця. Якім жа было гэтае жыццё? Жыццё, якое працягваецца далей, з'яўляецца багатым на падзеі і дасягненні, цікавыя сустрэчы і падарожжы.

І. А. Чарота – адна з буйнейшых постацей беларускага літаратуразнаўства. Імя гэтага выдатнага славіста добра вядома ў многіх краінах. Іван Аляксеевіч – літаратуразнаўца, крытык, эсэіст, публіцыст, гісторык культуры і праваслава, пісьменнік, перакладчык, а таксама доктар філалагічных навук (1998), прафесар (1999), член Саюза пісьменнікаў СССР (1985), Саюза пісьменнікаў Беларусі (1985), Саюза пісьменнікаў Сербіі (2003), Саюза пісьменнікаў Расіі (2006), акадэмік Сербскай акадэміі навук і мастацтваў (2009), Міжнароднай славянскай акадэміі навук, адукацыі, мастацтваў

і культуры (2008), член Грамадскай палаты Саюзнай дзяржавы (2017), нарэшце, былы загадчык кафедры славянскіх літаратур філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Больш за 40 гадоў У. А. Чарота з'яўляецца адным з самых кампетэнтных спецыялістаў у галінах славістыкі, параўнальнага літаратуразнаўства, культуралогіі, міжнацыянальных сувязей і мастацкага перакладу, а таксама актыўным грамадскім дзеячам і выкладчыкам.

З нагоды юбілею Івана Аляксеевіча хацелася б успомніць асноўныя этапы яго жыццёвай і творчай біяграфіі.

І. А. Чарота нарадзіўся 16 верасня 1952 г. у сялянскай сям'і ў вёсцы Лышчыкі Кобрынскага раёна Брэсцкай вобласці. Ён гаварыў пра сваю бацькаўшчыну наступнае: «Мая малая радзіма з'яўляецца памежжам трох цяперашніх дзяржаў – Беларусі, Польшчы і Украіны. Дзед мой быў гра-

мадзянінам сямі дзяржаў...»¹ Іван Аляксеевіч адзначаў, што яго навуковы і творчы лёс быў прадвызначаны. Будучы філолаг з маленства асвойваў беларускую, рускую, украінскую і польскую мовы. Яшчэ да школы ён самастойна вучыўся чытаць адначасова па Евангеллі на стараславянскай мове, польскім буквары, украінскім зборніку паэтычных твораў Т. Г. Шаўчэнкі «Кобзарь», рускай газеце «Правда» і беларускай раённай газеце «Камуністычная праца».

Трэба дадаць, што І. А. Чарота вучыўся ў некалькіх школах, у тым ліку ў музычнай. Так, ён хадзіў у вясковыя пачатковую і васьмігадовую школы, а потым – у Сярэднюю школу № 2 г. Кобрына.

З 1969 па 1974 г. Іван Аляксеевіч быў студэнтам аддзялення рускай мовы і літаратуры філалагічнага факультэта БДУ. Разам з праграмай асноўнага курса ён вывучаў іспанскую і сербскую мовы. У тыя часы ў галоўнай установе вышэйшай адукацыі рэспублікі існавала магутная філалагічная школа пад кіраўніцтвам прафесара А. Е. Супруна і славутага балгарыста У. А. Карпава. Відавочна, што бліскучыя поспехі ў авалоданні мовамі дазволілі І. А. Чароту нават быць рэкамендаваным у якасці гід-перакладчыка ў Бюро міжнароднага маладзёжнага турызму «Спадарожнік». Пасля заканчэння БДУ Іван Аляксеевіч тры гады працаваў настаўнікам у Паляцкішскай сярэдняй школе Воранаўскага раёна Гродзенскай вобласці.

З 1977 г. І. А. Чарота працуе на філалагічным факультэце БДУ. За гэты час ён займаў пасады выкладчыка, старэйшага выкладчыка, дацэнта, прафесара, а з 1997 па 2018 г. выконваў абавязкі загадчыка кафедры славянскіх літаратур (з 2019 г. кафедра тэарэтычнага і славянскага літаратуразнаўства).

Першую навуковую ступень Іван Аляксеевіч атрымаў у 1986 г. у Ленінградзе, дзе абараніў кандыдацкую дысертацыю «Творчество М. А. Шолохова и литературный процесс Югославии (1956–1986)». Той факт, што абарона праходзіла ў культурнай сталіцы Расіі, сведчыць пра глыбіню і сур’ёзнасць аналізу, безумоўную арыгінальнасць поглядаў і наватарства.

У наступныя гады І. А. Чарота працягваў даследаваць славянскія культуры і літаратуры, пашыраў і паглыбляў кола навуковых інтарэсаў. З 1991 па 1994 г. філолаг працаваў над доктарскай дысертацыяй «Беларуская літаратура XX стагоддзя і працэсы нацыянальнага самавызначэння», якую паспяхова абараніў у 1998 г.

З 1993 г. на філалагічным факультэце БДУ пачалася падрыхтоўка славістаў, было створана аддзяленне славянскай філалогіі, адкрыта кафедра славістыкі. Кожны год праводзіўся набор сту-

дэнтаў на аддзяленне паланістыкі, украіністыкі, багемістыкі, балгарыстыкі ці сербістыкі. Праз некаторы час з’явілася магчымасць вывучэння мовы і літаратуры славакаў. Менавіта І. А. Чарота быў ініцыятарам і арганізатарам падрыхтоўкі студэнтаў па спецыяльнасці «сербская мова і літаратура», для паспяховага навучання якіх склаў адукацыйныя стандарты, праграму асноўных і спецыяльных курсаў па гісторыі славянскіх літаратур (2000) і шэраг дапаможнікаў. Сярод іх вылучаецца сур’ёзнае выданне «Српска књижевност: антологія текстова» (2002–2007) – першая ў Беларусі анталогія тэкстаў сербскай літаратуры на сербскай мове.

Іван Аляксеевіч заўсёды цікавіўся гістарычным лёсам славян, іх культурай, моўнымі асаблівасцямі, а таксама гісторыяй міжславянскіх узаемадзеянняў: «Нельга забываць, што гістарычны лёс славянства з’яўляецца феноменальным: невыпадкава ж славяне больш за тысячагоддзе назад атрымалі магчымасць скласціся і сцвердзіцца як асобны народ, праз сваю азбуку – самую дасканалую ў свеце. Праз мову, якая амаль адразу набыла статус роўнасвяшчэннай. Прыгожае пісьменства належыць да значнейшых скарбаў сусветнай культуры (нездарма і назва “славяне” этымалагічна паходзіла ад “слова” і “славы”). І не менш важнымі з’яўляюцца адзінства славянскага этнасу і на ўсе вякі запавет славянскай еднасці і ўзаемнасці. Адпаведна ў славянства і на цяперашні момант маецца не толькі надзвычай значная культурная спадчына, але і агромністыя тэрыторыі, і неверагодна багатыя прыродныя рэсурсы, і зайздросны патэнцыял для развіцця»².

Аналізу славянскіх літаратур, культур, іх узаемадзеянням і асаблівасцям менталітэту І. А. Чарота прысвяціў шэраг навуковых, навукова-метадычных і мастацкіх прац, сярод якіх «Беларуская савецкая літаратура за мяжой» (1988), «Савецкая літаратура ў сувязях і ўзаемадзеяннях. Пачаткі параўнальнага і сістэмнага аналізу» (1989) і інш. Ён таксама з’яўляецца аўтарам кнігі «Анталогія беларускай паэзіі», выдадзенай у 1993 г. у Югаславіі, укладальнікам зборнікаў «Сербская паэзія» (1987) і «Сербская Праваслаўная Царква» (1998), надрукаваных у Мінску. На пераломе стагоддзяў Іван Аляксеевіч удзельнічаў ва ўнікальным праекце – стварэнні кнігі «Анталогія лірыкі восточных славян» на чатырох мовах. У даследаванні «Народ сербскі: яго абрады і звычаі, святы і святыні» (2006) вучоны глыбока, грунтоўна і разам з тым з відавочнай зацікаўленасцю і сімпатыяй паказаў, чым сербы адрозніваюцца ад іншых славян. Сярод кампаратывісцкіх даследаванняў вылучаюцца наступныя працы: «Ні на небе, ні на зямлі. Казкі

¹Чарота И. Дорожки памяти – дорожки радости // Совет. Белоруссия. 2009. 12 сент. С. 21. (Тут і далей пераклад наш. – Э. Д.)

²Сцешыца Т. «Гістарычны лёс славянства – феноменальны». Размова з прафесарам І. Чаротам аб стане славянскай літаратуры [Электронны рэсурс]. URL: <http://ln.krcls.by/charota-i-gistarychny-lecs-slyanstva> (дата звароту: 13.08.2022).

славянскіх народаў» (2013), «Испод крила роде. Антологія савремене беларускае поэзіе» (2014), «Беларусы пра Сербію – Югаславію» (2015), «Беларусія і Србія: трагом узаамяногупазнавања і деловања» (2016).

Іван Аляксеевіч быў галоўным навуковым кансультантам выдавецтва «Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі» па ўсіх пытаннях, звязаных з паўднёvasлавянскімі народамі і іх культурамі. Даследчык упершыню склаў поўную бібліяграфію беларуска-югаслаўскіх літаратурных сувязей, якая была надрукавана ў бялградскім часопісе «Мостові» і ў дапаможніку для беларускіх студэнтаў «Югаславянскія літаратуры і культуры» (1999). Дарэчы, І. А. Чарота – галоўны рэдактар шматлікіх альманахаў «Славянскія постаці», член рэдкалегій дзесяці перыядычных выданняў, у тым ліку трох замежных.

Яшчэ з пачатку 1980-х гг. выдавецтвы актыўна прыцягвалі Івана Аляксеевіча да працы над перакладамі мастацкай літаратуры. Больш за 10 гадоў ён узначальвае Бюро секцыі мастацкага перакладу і літаратурных сувязяў Саюза пісьменнікаў Беларусі, перакладае тэксты з сербскай, харвацкай, македонскай, славенскай, польскай і іншых моў на рускую і беларускую мовы, а таксама з беларускай і рускай моў на сербскую мову. За гэты час ён пераклаў 1200 твораў багаслоўскай і мастацкай літаратуры, у тым ліку звыш 70 кніжных выданняў. Дзякуючы яму выйшлі кнігі Б. Зупанчыча, Б. Нушыча, Ё. Юрчыча, П. Воранца, Д. Янчара, І. Андрыча, Д. Чосіча, Д. Максімавіч і інш. Сапраўдным святам для дзяцей стаў выхад кнігі «Югаславянскія казкі» (1999) і зборніка «Мовы ўсяго жывога: сербскія народныя казкі» (2007), які ў 2008 г. быў прызнаны найлепшай кнігай Беларусі ў галіне перакладу.

Таксама І. А. Чарота выступаў у якасці навуковага кіраўніка праекта «Беларуская літаратура XX–XXI стст. у іншаславянскіх літаратурах» дзяржаўнай праграмы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў «Беларуская мова і літаратура». У межах гэтага праекта творы беларускіх пісьменнікаў перакладаліся на іншыя славянскія мовы (сербскую, чэшскую, польскую, украінскую і г. д.).

Акрамя таго, І. А. Чарота – адзін з заснавальнікаў Камітэта дапамогі сербам і чарнагорцам і гра-

мадскай арганізацыі «Беларусь – сястра Сербіі». Іван Аляксеевіч выконваў абавязкі віцэ-старшыні таварыства «Беларусь – Югаславія», старшыні таварыства «Беларусь – Сербія і Чарнагорыя». Юбіляру належаць наступныя словы: «Нярэдка, жартуючы, кажу, што для мяне важнай з’яўляецца “беласербскасць”... А маю на ўвазе сапраўды братэрскае духоўна-культурнае кантакты»³.

Але галоўнае, што трэба сказаць пра Івана Аляксеевіча, – гэта тое, што ён не проста чалавек веруючы, праваслаўны. Бог жыве ў яго душы з дзяцінства: «Мяне не прымушалі да веры ў Бога, але яна існавала ўва мне з маленства. І нават не ведаючы малітваў, вельмі часта шчыра маліўся, складаючы іх сам»⁴. Нядаўна, у 2021 г., І. А. Чарота ўспамінаў пра тое, што яшчэ ў дзяцінстве ён «стаў самастойна чытаць у мностве кніжкі кшталту “Бібліі для няверуючых”, паколькі іншыя, якія тычыліся рэлігіі, недаступныя былі»⁵. Ён адзначаў, што «хоць, як і ўсе навокал, быў піянерам, камсамольцам» неаднойчы казаў школьным таварышам і нават настаўнікам, што «сапраўдную адукацыю можна атрымаць толькі ў духоўнай семінарыі»⁶.

Па словах юбіляра, у яго жыцці «ёсць асобая сфера»⁷. На працягу 25 гадоў Іван Аляксеевіч перакладаў праваслаўнае Свяшчэннае Пісанне на беларускую мову, прысвячаў гэтай працы кожны чацвер, прычым рабіў гэта выключна на грамадскіх пачатках. Пра сэнс і каштоўнасць гэтага І. А. Чарота выказаўся асабіста: «Не ведаю, як дзякаваць Богу, што я аказаўся далучаным да гэтай справы. Тут кожнае слова, кожны склад асэнсоўваецца, абмяркоўваецца»⁸. Навуковец адзначаў: «Мы лічылі, што трэба захаваць тую царкоўную мову, якая захавана ў традыцыі самога народа. У шэрагу раней ажыццёўленых перакладаў сустракаецца новатворчасць, аказіянальная творчасць, а так быць не можа, калі так народ ніколі не казаў і не будзе казаць, бо яму немагчыма навізаць мову. Царкоўная традыцыя мацнейшая за ўсе індывідуальныя жаданні. І таму свая новатворчасць, тэрмінатворчасць у царкоўнай сферы проста непрымальна»⁹.

Іван Аляксеевіч – складальнік і рэдактар зборніка «Православие в славянских культурных традициях» (1996), рэдактар і перакладчык рускамоўнай версіі міжканфесійнага часопіса «Самарыян»

³ Явіч Я. Прэмія з Сербіі. Інтэрв’ю з І. Чаротам // Літ. і мастацтва. 2014. 17 кастр. С. 8.

⁴ Шурхоўец В. «Мои увлечения – это моя работа, а работа – мои увлечения». Интервью с И. Черотой // Во славу Родины. 2002. 24–25 сент. С. 4.

⁵ Храм – место встречи с Богом. Размышление о своей малой родине И. Чероты // Дух. вестн. 2021. № 6. С. 1–2.

⁶ Там же.

⁷ Шурхоўец В. «Мои увлечения – это моя работа, а работа – мои увлечения»... С. 4.

⁸ Там же.

⁹ Академик Иван Черота про уникальность перевода Нового Завета на белорусский язык [Электронный ресурс]. URL: http://sobor.by/videonews/Professor_Ivan_Charota_rasskazal_pro_unikalnost_perevoda_Novogo_Zaveta_na_belorusskiy_yazik (дата обращения: 13.08.2022).

(1996–2000), рэдактар кніг «Уния. Сборник документов» (1977), «Полоцкая епархия» (1997), «Плакид Янковский. Записки сельского священника» (2004), «Архіепіскап Афанасій (Мартас)», «Матэрыялы да Гісторыі Праваслаўнай Беларускай Царквы» (2004), заснавальнік, укладальнік і перакладчык серыі «Сербскае багаслоўе XX стагоддзя», у якой ужо выйшлі два дзясяткі кніг. Тое, на якой мове трэба звяртацца славянам да Бога, надзвычай хвалюе І. А. Чароту, менавіта таму з-пад яго пяра выйшла манаграфія «Беларуская мова і царква» (2000). Іван Аляксеевіч выдаў дзве адметныя кнігі, у якіх сабраны паэтычныя і празаічныя ўвасабленні Слова Божага ў беларускай нацыянальнай традыцыі: «Насустрач Духу. Анталогія беларускай хрысціянскай паэзіі» (2001) і «Насустрач Духу. Анталогія беларускай хрысціянскай прозы» (2002). Без іх цяжка ўявіць развіццё рэлігійнай думкі ў краіне. Шмат часу І. А. Чарота аддаў працы на пасадах сакратара Беларускай біблейскай камісіі Беларускай праваслаўнай царквы, члены якой перакладаюць Свяшчэннае Пісанне і богаслужбовыя тэксты на беларускую мову, і выканаўчага рэдактара часопіса «Праваслаўе».

Прафесар вядзе актыўнае навуковае і выкладчыцкае жыццё, дапамагае маладым навукоўцам і калегам, якія звяртаюцца за парадай, кансультацыяй ці падтрымкай. Пад кіраўніцтвам Івана Аляксеевіча было абаронена шмат кандыдацкіх дысертацый. Дзякуючы адказнай і сумленнай працы І. А. Чароты ў якасці старшыні экспертнай рады Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь і яго ўважліваму стаўленню да маладых навукоўцаў беларуская навука папоўнілася імёнамі дзясяткаў таленавітых даследчыкаў.

Амаль усе свядомае жыццё Іван Аляксеевіч працуе на ніве духоўнага асветніцтва, таму цалкам заслужана яго дасягненні атрымалі высокія адзнакі як на радзіме, так і ў славянскім замежжы. Так, І. А. Чарота – лаўрэат міжнароднай прэміі імя Кан-

станціна Астрожскага, заснаванай фондам імя князя Канстанціна Астрожскага і польскім часопісам «Przegląd prawosławny» (1999), прэміі Саюза пісьменнікаў Сербіі (2000), прэміі югаслаўскага часопіса «Збіља/Reality» (2000, 2006), прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне» (2003, 2018), міжнароднай літаратурнай прэміі імя Ф. М. Дастаеўскага (2007), усе-праваслаўнай літаратурнай прэміі сербскага фонду імя Іванкі Мілошавіч «Багародзіца Траеручыца» (2011), міжнароднай літаратурнай прэміі імя Радзе Драінца (2014), прэміі фонду братоў Карычаў (2014) і інш. У 2002 г. Іван Аляксеевіч быў узнагароджаны ордэнам Сяргея Раданежскага 3-й ступені, у 2003 г. – памятным медалём Саюза славацкіх пісьменнікаў, у 2004 г. – ордэнам Святога Савы 3-й ступені, у 2012 г. – знакам «За вялікі ўнёсак у літаратуру», у 2013 г. – сярэбраным медалём «За заслугі» (2013), у 2015 г. – медалём А. С. Пушкіна, у 2018 г. – медалём «Русская земля», ганаровай граматай рэктара БДУ і г. д. У 2008 г. ён атрымаў Залаты знак Культурна-асветніцкага таварыства Сербіі, а ў 2012 г. стаў кавалерам ордэна свяціцеля Кірыла Тураўскага 2-й ступені.

І. А. Чаротам ганарацца землякі, а ён, у сваю чаргу, не забывае ўраджэнцаў Кобрыншчыны і ўдзельнічае ў духоўным жыцці раёна. Напрыклад, ён падараваў бібліятэкам роднага краю шмат кніг.

Ад імя супрацоўнікаў кафедры тэарэтычнага і славянскага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта БДУ, а таксама ад імя былых вучняў і калег кафедры славянскіх літаратур віншуюць прафесара І. А. Чароту з юбілеем. Мяркуем, што да нашых урачыстых слоў далучыцца шмат прадстаўнікоў беларускай навуковай супольнасці. Жадаем, каб Івану Аляксеевічу хапіла здароўя, моцы і творчага патэнцыялу для ажыццяўлення ўсіх планаў і мар.

Э. Ю. Дзюкава¹⁰

¹⁰Элла Юрьевна Дюкова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета Белорусского государственного университета.

Эла Юр'ёўна Дзюкава – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры тэарэтычнага і славянскага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ela Yu. Dziukava, PhD (philology), docent; associate professor at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: ellada1970@rambler.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.133.1(075.8)

Цыбульская Н. А. Основной иностранный язык (французский) для специальных целей [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология» / Н. А. Цыбульская, А. В. Квачек ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 153 с. : табл. Библиогр.: с. 140–142. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/281670>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.06.2022, № 006620062022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) включает креативный и исследовательский компоненты, элементы эвристического диалога, придающие занятиям интерактивный характер, сведения о наиболее употребительных грамматических формах и конструкциях в соответствии с программой, творческие задания, аутентичные микротексты, контрольные и тестовые упражнения для проведения аудиторных и самостоятельных практических занятий по совершенствованию речевой деятельности (аудированию, говорению, чтению, письму) в целях формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения.

ЭУМК адресован студентам 4-го курса специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (французская) филология».

УДК 80(06)

Мова і літаратура [Электронны рэсурс] : матэрыялы 79-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 11 мая 2022 г.) / БДУ ; [пад рэд. Г. У. Навумавай (гал. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2022. 258 с. : іл. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/283027>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 29.06.2022, № 007629062022.

У зборнік увайшлі матэрыялы дакладаў 79-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ па актуальных праблемах сучаснага мовазнаўства, літаратуразнаўства, педагогікі, методыкі выкладання, класічнай філалогіі, міфалогіі, культуралогіі і фальклору. Прызначэцца студэнтам, аспірантам і шырокаму колу чытачоў.

УДК 811.161.3(06)

Беларускае слова: на хвалях часу [Электронны рэсурс] : матэрыялы навук. чытанняў, прысвеч. памяці дац. І. М. Шчарбакавай (Мінск, 23 лют. 2022 г.) / БДУ ; [рэдкал.: М. І. Свістунова (адк. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2022. 137 с. : іл. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/283622>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 05.07.2022, № 008105072022.

У зборніку па выніках правядзення навуковых чытанняў, прысвечаных памяці дацэнта Ірыны Міхайлаўны Шчарбакавай, змешчаны артыкулы выкладчыкаў, студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў па актуальных праблемах вывучэння сучаснага стану беларускай мовы і яе гісторыі, а таксама па асобных пытаннях лінгвадыдактыкі.

УДК 81'25(075.8)

Основы перевода [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» / БГУ ; сост.: Л. М. Блинкова, Е. П. Курчева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 143 с. : табл. Библиогр.: с. 142–143. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/285601>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.08.2022, № 008424082022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2-го курса специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: методики использования лексикографических источников при переводе, специфики лексических и грамматических трансформаций и причин их использования при переводе, структурных характеристик предложения в иностранном языке и их учета при переводе на родной язык, а также принципов перевода информации, связанной с функционально-стилистическими характеристиками языковых единиц.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

К 140-летию со дня рождения Янки Купалы

<i>Запрудский С. Н.</i> Дворянская разновидность белорусского языка в ранних произведениях Янки Купалы: к постановке проблемы	5
---	---

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Зелезинская Н. С.</i> Топосы смерти в романе Э. Сиболд «Милые кости»	26
---	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Мечковская Н. Б.</i> Презентация белорусского торгового бизнеса на собственных сайтах: реклама или самоутверждение?	41
<i>Дорофеенко М. Л.</i> Внутригородская ономастическая терминология в русском и французском языках: сравнительно-сопоставительный аспект	56
<i>Мяховский А. А.</i> Основания классификации животных в американском варианте современного английского языка	67
<i>Третьякова Ю. Р.</i> Специфика организации словообразовательных гнезд русских эмотивных глаголов и построение инвариантной гнездовой структуры	77

РЕЦЕНЗИИ

<i>Яненко Н. В.</i> Хентшель Г., Тамбор И., Фекете И. Силезский лект и его пользователи: распространение, отношение общества к силезскому лекту, жизнеспособность германизмов в силезском лекте	89
---	----

ЮБИЛЕИ

Иван Алексеевич Черота	93
Аннотации депонированных в БГУ работ	97

ЗМЕСТ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Да 140-годдзя са дня нараджэння Янкі Купалы

<i>Запрудскі С. М.</i> Шляхецкая разнавіднасць беларускай мовы ў ранніх творах Янкі Купалы: да пастаноўкі праблемы.....	5
---	---

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Зелязінская Н. С.</i> Топасы смерці ў рамане Э. Сібалд «Мілыя косці».....	26
--	----

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Мячкоўская Н. Б.</i> Прэзентацыя беларускага гандлёвага бізнесу на ўласных сайтах: рэклама або сама-сцвярджэнне?.....	41
<i>Дарафеенка М. Л.</i> Унутрыгарадская анамастычная тэрміналогія ў рускай і французскай мовах: параўнальна-супастаўляльны аспект.....	56
<i>Мяхоўскі А. А.</i> Асновы класіфікацыі жывёл у амерыканскім варыянце сучаснай англійскай мовы.....	67
<i>Трэцякова Ю. Р.</i> Спецыфіка арганізацыі словаўтваральных гнёзд рускіх эматыўных дзеясловаў і пабудова інварыянтнай гнездавой структуры.....	77

РЭЦЭНЗІІ

<i>Яценка Н. В.</i> Генчэль Г., Тамбар І., Фекетэ І. Сілезскі лект і яго ўжывальнікі: распаўсюджанне, стаўленне грамадства да сілезскага лекту, жыццёвасць германізмаў у сілезскім лекце.....	89
---	----

ЮБІЛЕІ

Іван Аляксеевіч Чарота.....	93
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	97

CONTENTS

SPECIAL TOPIC SECTION

To the 140th anniversary of birth of Janka Kupala

<i>Zaprudski S. M.</i> Gentry variety of Belarusian language in early works of Janka Kupala: to the problem statement.....	5
--	---

LITERARY RESEARCH

<i>Zelezinskaya N. S.</i> Topos of death in the novel «The lovely bones» by A. Sebold.....	26
--	----

LINGUISTICS

<i>Mechkovskaya N. B.</i> Presentation of the Belarusian trading business on their own websites: advertising or self-assertion?	41
<i>Darafeyenka M. L.</i> Intercity onomastic terminology in Russian and French languages: a comparative aspect....	56
<i>Miakhouski A. A.</i> Bases of animal classification in the American variant of the contemporary English language....	67
<i>Tretyakova Yu. R.</i> The specificity of the organisation of derivative nests Russian emotive verbs and the construction of invariant nested structure.....	77

REVIEWS

<i>Janienka N. V.</i> Hentschel G., Tambor J., Fekete I. Das Schlesische und seine Sprecher: Etablierung in der Gesellschaft, Attitüden, Vitalität der Germanismen = Śląski lekt i jego użytkownicy: rozpowszechnienie, postawy społeczne wobec śląszczyzny, żywotność germanizmów w lektie śląskim.....	89
--	----

JUBILEES

Ivan Aliaksiejewich Charota	93
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	97

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 3. 2022**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 3. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редакторы *М. И. Дикун, А. С. Люкевич*
Технические редакторы *А. Ю. Лецинская, В. В. Пишкова*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.10.2022.
Тираж 110 экз. Заказ 7928.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 3. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *M. I. Dikun, A. S. Lyukevich*
Technical editors *A. Y. Leshchinskaya, V. V. Pishkova*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 31.10.2022.
Edition 110 copies. Order number 7928.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastyryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022